

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses and buds on black, stylized branches with small leaves. The roses are rendered in a simple, graphic style with white outlines and red fill. A solid red rectangular box is positioned in the upper left quadrant, containing the author's name and the book's title.

Ника Энкин

Из жизни молодой одинокой женщины

16+

Ника Энкин
Из жизни молодой
одинокой женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63952976

SelfPub; 2021

Аннотация

Не так просто найти единственного в огромном мегаполисе. Тем более для молодой, успешной и амбициозной женщины. Так часто мы обманываем себя , принимая фальшь за истину – был бы милый рядом. Смех, слезы, любовь, ненависть, поражения и победы.. Москва. 90-е годы.

Ника Энкин

Из жизни молодой одинокой женщины

Разум, опутанный страстями,
оказывает нам такую же пользу,
какую крылья оказывают птице со
склеенными ногами.

Пьер Шаррон

Страсть – временная субстанция, достаточно быстро переходящая в иные стадии: любовь, привязанность, разочарование, охлаждение и даже ненависть...

Имеет ограниченный срок хранения. При неосторожном обращении выветривается моментально.

Лера открыла глаза от солнечного света, проникающего сквозь тонкую занавеску. Неужели мне это не приснилось, – вспомнила она вечерний неприятный разговор. Нет, не может быть! Как хочется проснуться и стряхнуть с себя вчерашний кошмар как страшный сон. Но это была явь и подтверждением тому рядом мирно спал интересный брюнет. Лера, повернувшись, всматривалась в такие любимые доселе черты и, даже не смотря на страшное известие, не могла себе

признаться, готова ли расстаться с ним сейчас...

Валерия встречала Тельмана в Домодедово незадолго до Нового года . Они не виделись почти месяц и молодая женщина не могла дожидаться, чтобы опять окунуться в эти любимые бархатные карие глаза, услышать спокойный, убаюкивающий голос, да и просто кинуться, как в омут, к нему в объятия.

Тельман выглядел похудевшим, осунувшимся и каким-то посеревшим. Обняв Валерию и поцеловав, еле коснувшись щеки, сел рядом с ней в машину.

—

Ты неважно выглядишь, что-то случилось? – поинтересовалась Лера.

—

Поехали домой, – не ответил на заданный вопрос Тельман.

Все время ехали молча и Лера, периодически бросая взгляд на любимого, не могла понять: что произошло за этот месяц. Они постоянно созванивались и она как бальзам слышала его такое теплое обращение «родная».

—

Мне надо тебе кое-что сказать, – язык Тельмана наконец развязался после ужина и выпитого вина. – Я должен был сделать это раньше, но мне не хотелось портить тебе настроение перед поездкой в Египет...

–

Ну говори, наконец, что случилось с тобой?– поторопила его Лера.

–

Случилось с тобой, – уточнил Тельман, сделав акцент на словах «с тобой». – Ты больна.

Лера меньше всего ожидала услышать это. Больна? Что за бред? Это шутка? Что он такое говорит? Она подумала, что ослышалась.... Цветущая молодая женщина, а сейчас особенно, приехав из Египта: загоревшая, и ставшая от этого еще стройнее, с выгоревшими светлыми волосами. Зеленые глаза вспыхнули изумрудным блеском на ее смуглом лице. В них читался вопрос.

–

У тебя сифилис, – это зазвучало как приговор.

–

Что за чушь?– рассмеялась она.– Что ты несешь?

И он рассказал ей: его жена ходила в поликлинику сдавать кровь и у нее обнаружили эту болезнь, порекомендовали сдать анализ и ему. Тот же диагноз.

–

Я пролечился и сейчас здоров, – Тельман смотрел на Леру горящим взглядом. – Почему, ты думаешь, я так похудел? Ночами спать не мог. Как мне было объяснить жене – откуда это... Да и лечение не из легких.

–

А с чего ты взял, что я больна? – все потемнело перед глазами у Леры. – Почему я должна быть больна? Почему ты не считаешь, что жена явилась переносчиком инфекции?

Мысли судорожно носились в голове у молодой женщины. Мир, казавшийся еще несколько часов назад счастливым и совершенным, рушился, земля уходила из-под ног. Да какое это сейчас уже имеет значение: жена или не жена. С Тельманом она спала, не предохраняясь – поэтому, если он был болен месяц назад (а по всей видимости это так и было), она уже тоже инфицирована. Просто болезнь еще где-то бродит, никак не дав о себе знать. Где-то бродит...

Лера даже произнести не могла: инфицирована сифилисом. Господи, какой кошмар, стыд... В буйном воображении уже мелькали картинки из посещения кожвендиспансера, полные укоров взгляды врачей (ведь нормальный человек не может заразиться сифилисом никогда и ни при каких обстоятельствах). Так кто она – проститутка? Даже эти женщины продажной профессии сейчас так хорошо предохраняются, что вряд ли каким-то образом могут подцепить ужасную болезнь.

Что делать? Информация не укладывалась в голове. Надо что-то делать! А почему, собственно говоря, она должна быть инфицирована? Это еще надо проверить! В конце концов, у нее нет абсолютно никаких симптомов.

—

А зачем твоя жена ходила в поликлинику? – поинтересо-

валась Лера.

—

Не знаю, надо ей было, — он явно не хотел говорить правду.

—

Но ведь на сифилис необходимо сдавать специальный анализ, — продолжала настаивать Лера.

—

Я не знаю, у нее обнаружили и отправили меня.

—

Так она тебя и заразила, милый мой. Зачем же ты меня делаешь виноватой, а жену во всем оправдываешь?

—

Откуда она могла?

—

А я откуда? Только от тебя! Знаешь, я уверена на все сто, что нет у меня никакой болезни. Завтра пойду и все проверю.

—

Так не может быть! — уверенно ответил Тельман. — Мы спали, не предохраняясь.

И тем не менее, когда был погашен свет, Лера не смогла сдержаться: она так скучала!

—

Родная, давай потерпим, — шептал Тельман. — Я уже вылечился. Я не хочу опять заболеть.

И этот мягкий голос, это его «родная» еще больше раз-

задоривало молодую женщину. Ничто не могло сдержать ее от слияния с любимым телом, безудержная сумасшедшая страсть взяла в плен всю ее, включая рассудок. Даже сейчас, зная, что мужчина не так давно вылечился (а до конца ли?) от страшной болезни, она не могла удержать себя от порыва почувствовать его внутри себя.

—

Не могу, не сейчас, потерпим...,— шептал Тельман, но уже не так настойчиво.

И молодые сильные тела их слились в едином клубке. Светлые длинные волосы молодой женщины оказались на плечах Тельмана, укрыв их шелковым покрывалом, а затем, в один миг, вдруг разметались по подушке. Полуоткрытый рот ее издавал стоны, хрипы. Тельман смотрел сверху на свою женщину, раскинувшуюся под ним и, чувствуя полное господство над ней, прохрипел:

—

Что ты со мной делаешь, Лера?

Глава 1.

Их связь оказалась случайной и не совсем. Они были знакомы года два до произошедших событий. Лера работала правой рукой директора туристической фирмы. Тельман периодически приезжал в Москву из Махачкалы, по бизнесу. В то время он и его друзья занимались дагестанскими ковра-

ми ручной работы. Каким образом директор туристической фирмы отдал часть помещений дагестанцам под ковры, история умалчивает. Но тем не менее, Лера сразу заприметила интересного молодого человека, периодически появляющегося в коридоре их офиса. У своего боса потихоньку выведала, что тот женат, в Махачкале жена и двое маленьких сыночек. Почти все из «ковровых бизнесменов» имели в Москве вторую семью, не забывая об основной, дагестанской. Кто-то совмещал, катаясь туда-назад. Кто-то просто отправлял деньги, не утруждая себя наездами и проживая постоянно в московской квартире, уже у другой жены. Никто никого не осуждал. Дагестанцы – народ горячий, без женщины долго не могут. Что чувствовали жены, остается только догадываться. Хотя, может всех все устраивало. Деньги шлет немалые – и то хорошо! Воспитаны они по-другому. А московские жены очень даже привечали дагестанцев...

Каждый раз, когда Лера видела Тельмана, сердце ее нехорошо замирало. Она не могла понять, почему. Не рассматривала она его как будущего партнера по жизни: женат, маленькие дети. Но сердечко колотилось. К беде ли? К счастью? И каждый раз, глядя в эти бездонные карие глаза, обволакивающие ее мягкой улыбкой, она долго не могла успокоиться. Ну право, как школьница... Достаточно было просто кивка головой, приветствия. И все замирало внутри. Знала она: неспроста это.

Тельман стал появляться в Москве все чаще и чаще. И

вот, в один из июльских дней, в офисе отмечали его день рождения. Конечно, дагестанские «мальчики» пригласили девушек из туристического агентства. Как водится, поели черной икры и балыка – даров Каспия, выпили дагестанский коньяк за здоровье именинника. И Лера поняла, что влипла по уши. Хочет она его, хоть умри. Давно хочет. Безумно хочет. А когда Лера чего-то очень хотела, она привыкла это получать. Вернее сказать, брать самой – никто никогда ей ничего на блюдечке не приносил. А тут, как говорится, все средства хороши.

Безусловно, она видела, что нравится Тельману тоже, но мужчины ее побаивались. Она не распространялась о своей личной жизни и слыла крутым нравом. Люди, впервые пришедшие в офис, интересовались у боса:

–

А кто это такая у вас, крутая? За ней стоит кто-то?

А за ней никто не стоял. Молодая разведенная женщина с маленьким ребенком.

Конечно, Тельман сам бы никогда не сделал первый шаг. Он видел, что Лера из себя представляет и понимал, что не может дать ей то, чего она заслуживает и чего достойна. А чего она заслуживает? Что у нее в душе? И вообще, из какого теста она вылеплена: знала только сама женщина.

Она давно хотела Тельмана, как ребенок хочет красивую игрушку, и сегодня, воодушевленная коньячными парами, витающими внутри ее, решила: «Вот оно, больше такого

шанса не предвидится!» Наверное, все вокруг тоже что-то чувствовали – шаг за шагом офис опустел и они остались вдвоем. Тельман был пьян.

–

Нам тоже пора! Смотри, уже никого нет..., – сказала Лера. – Куда тебя отвезти?

Ответ она прекрасно знала: к себе домой. Но нужна ведь какая-то прелюдия. Женщина она, в конце концов, или кто? Подойдя к поникшему Тельману, она коснулась его руки:

–

Что же ты так напился-то?

Он поднял на нее глаза, пьяные, но внезапно просветлевшие, как будто только и ждал этого прикосновения. Рывком прижал ее к стене и начал покрывать поцелуями лицо, шею, плечи.

–

Я так давно хотел тебя, но не решался, – шептал Тельман, одновременно пытаясь расстегивать ее блузу. – Лера, милая...

–

Давай уедем отсюда, ко мне. Здесь не место, – Лера мягко отстранила Тельмана от себя и, забирая его пиджак, повела на выход из офиса.

На следующее утро они проснулись в Лериной кровати, а через пару дней Тельман переехал к ней. С несколькими костюмами и несметным количеством рубашек и галстуков.

Любил он костюмы, и они отвечали взаимностью: шли ему безумно.

Тельман был невысокого роста, а учитывая любовь Леры к каблукам – ниже ее. Лицо: вылитый Аль Пачино в одном из его ранних фильмов «Жизнь взаимы» в роли Бобби Дирфилда. Быть может, для Леры и явился таким притягательным Тельман – в Аль Пачино она влюбилась именно после этого фильма, посмотрев его в свои четырнадцать лет. Юношеские идеалы, как правило, умирают быстро, а вот у Леры он жил до сих пор. И вот он, живой Бобби Дирфилд. Для тех, кто не знаком с Аль Пачино, опишу: главное – глаза. За них можно душу дьяволу отдать. Они обволакивают, они смеются, они удивляются, они грустят... В них – вся жизнь и все эмоции от «а» до «я». Большой итальянский (в данном случае дагестанский) нос, жесткие непокорные черные волосы. Тельман, как и все дагестанцы, в свое время занимался борьбой – отсюда прекрасное телосложение.

Леру нельзя было назвать красавицей с первого взгляда. Да, она была эффектна и знала себе цену. Высокая, худая – могла бы составить конкуренцию фотомоделям при хорошем стечении обстоятельств. Но звезды не благоволили стать Лере моделью – не оказалась она в нужное время в нужном месте. Красивые зеленые глаза, далеко не идеальной формы «породистый» нос с чуть заметной горбинкой, тонкий рот. Шикарные густые волосы. Все в совокупности ... Однако ее надо было рассмотреть – мужчины не падали шта-

белями от ее красоты на улице. Отнюдь... Она брала сексуальностью, обаянием и очаровательной голливудской улыбкой.

Первое время Лера парила как на крыльях. Это и были крылья любви. А когда любовь – она у всех одинакова. Она не была так счастлива давно. А вообще, была ли она счастлива? Когда-либо в личной жизни?

Лера вышла замуж семь лет назад. Одновременно переехав в столицу. Вернее, она переехала в Москву, чтобы выйти замуж за человека, с кем познакомилась совсем в другой республике. Вышла она за него без любви. Просто потому что время подошло. Мораль советских времен поощряла ранние браки. Более того, менталитет того времени настаивал на них. Как и на раннем деторождении.

–

Замуж надо, замуж, – талдычила ее мать. – Смотри, уже двадцать два, скоро никто и не посмотрит.

–

Мам, за кого выходить-то? – пыталась защититься от нападок Лера. – Не встретился пока тот, единственный.

–

Знаешь, как говорят в народе: « В двадцать ты спрашиваешь

– красив ли он, в двадцать пять – умен ли он, а в тридцать

– где он?»

В который раз Лера слышала это от своей современной матери, которой доверяла все девические секреты и с которой они были как подружки. Странно, какая мать не хочет счастья для своей дочери?

–

Конечно, чего она будет торопиться. Квартира у нее своя, никто не пилит, пришла, закрыла за собой дверь и трава не расти. Она всю жизнь так и просидит в девках, – подливал отец масла в огонь.

Безусловно, у Леры были ухагеры в небольшом городке, где она закончила школу, училась на вечернем факультете в университете, и одновременно работала экономистом в областном управлении известной отрасли: почта, телеграф, телефон. Связь, одним словом. Инженеры, только окончившие институт, постоянно крутились возле девушки. Симпатичная, да еще и со своей квартирой, что всегда являлось большим плюсом для специалистов из области, проживающих в общежитии. Лера любезно принимала знаки внимания, но никто не смог растопить ее сердце.

Кроме красавца-венгра, выбившего почву из-под ног неопытной девушки ровно на два года, сводя ее с ума одним своим присутствием. Водитель, периодически привозящий начальника районного центра на прием к их, самому главному, областному, секретарем которого она тогда работала. И так, наездами, тихим сапом, влюбил опытный, уже успевший

побывать в браке, мужик юную неискушенную девицу. Два года поматросив и, наконец, бросив, он все-таки стал первым мужчиной для Леры. Вот такого вот очередного венгра и боялись больше всего ее родители. Чтобы жизнь не испортил дочери. Поэтому и настаивали с завидной периодичностью о замужестве.

Когда подвернулся Олег, они были руками и ногами «за». Только мудрая бабушка, любимицей которой являлась Лера, выросшая у нее на руках, когда все встали из-за стола после ужина в честь знакомства, тихонько заметила

–

А Олег не прочь выпить...

Тогда никто не придавал этому значения. А зачем? Видный парень, москвич. Работает, учится, семья достойная...

–

Он не особо красивый, ну и ты тоже... – как такое может сказать мать дочери, Лера, сама уже мать, до сих пор не понимала.

Есть девушки от природы: как есть – красотка. Все естественное, натуральное. Тонкие волосики обрамляют нежное личико, светлые бровки, голубые глазки, губки бантиком – ангел во плоти... Мужчины, в первую очередь, обращают внимание на такое вот воплощение женственности. Им кажется, что и характер у такого небесного создания ангельский, по определению.

Лера, в жилах которой текло много кровей, не отличалась

такой внешностью. Красивые зеленые глаза портили очень густые черные брови, слишком низко посаженные и делающие лицо насупленным, угрюмым, когна непокорных волос никак не хотела подчиняться и свидетельствовала о таком же строптивом характере их обладательницы. Носик – не кнопкой, и губки далеко не бантиком. Рот ее, тонкий и упрямый, ясно давал понять о нраве Леры. Одним словом, не ангельская внешность. Скорее, наоборот. Позже, рассматривая известных моделей в молодости, в те восьмидесятые, Лера неоднократно убеждалась, что у всех у них были такие же непокорные волосы и густые брови, которые там, за границей знали как обуздать. И пустить в нужное русло для блага их обладательниц.

Не умела тогда следить за собой Лера, никто не учил. Что-то урывалось из обликов иностранных звезд, фотографии которых вырезались из журналов: осветленная прядь волос, например. Но не было того, что мать может посоветовать дочери: как правильно подкрасить глаза, чтобы сделать их ярче, красивее, как выщипать брови, чтобы не повредить естественную линию и не дорисовывать ее потом всю оставшуюся жизнь, как красиво подрисовать губы, чтобы выглядели полнее и сочнее. Да много каких «секретиков» может передать мать «по наследству» дочери (кому же еще, если не ей?) Но ничего особенного не было и в арсенале Лериной матери. Только периодически, чтобы не задирала нос, подбрасывала дочери подобного рода «комплименты». Ну если родная

мать говорит, значит надо верить. Не красивая...

Как-то все получилось быстро и поспешно у Леры и Олега. Познакомившись в сентябре на юге, на ноябрьские Лера была приглашена в Москву. Ничего сразу не кликнуло у нее по отношению к парню. Более того, физически отталкивал он ее очень сильно. Понравились, правда, родители, которым она была представлена в первый же приезд. Они-то и сыграли, пожалуй, самую важную роль во всей этой истории. «У таких родителей не может быть плохой сын. По определению», – решила для себя Лера. А красота, любовь... Где эта любовь? В маленьком, богом забытом, городке... Стерпится, слюбится.

Следующая встреча состоялась в январе, у нее дома. Вернее, Лера не ждала Олега: одно дело по телефону говорить, другое... Ну не могла она представить себя с ним в постели. Хоть режьте. Что же мучить так себя? И когда пришла телеграмма: «Встречай. Поезд такой-то, время прибытия...» все внутри опустилось. Еще и во время сессии заявился. В те несколько дней пребывания Олега в ее маленьком городке, она ему стелила постель у себя в квартире, а сама уходила ночевать к родителям, в соседний подъезд. Масла в огонь подлила подруга, заскочившая как-то на огонек, и увидавшая столичного гостя. А гость, надо признать, умел развлекать разговорами умными да фразами красивыми. Москвич! Выпили коньяк, привезенный Олегом, закусили конфетами «Ассорти» Бабаевской кондитерской фабрики. У Олега, как

и у всех неуверенных в себе людей, после спиртного язык развязался; глазами, похожими на Олега Даля, он обволакивал Леру.

—

Не упусти его, — шепнула подруга, когда Лера вышла проводить ее в прихожую. — Дурой будешь. В нашей дыре никогда подобного не найдешь.

Подруге Валерия доверяла, как самой себе. Ну раз уж она сказала, значит не такой уж он непривлекательный. И решила. Сдав последний экзамен, пришла к себе домой. Олега не было. Зато на журнальном столике красовалась изумительной красоты икебана, купленная в цветочном магазине на углу. Из духовки вкусно пахло рагу из баранины, которое Олег обещал приготовить. На кухонном столе выстроилась колоннада из пивных бутылок. Все чисто, прибрано, никаких следов готовки. И как-то стало вдруг Лере одиноко теперь в этой ее квартире, но без Олега, к которому вроде бы и не привыкла за эти несколько дней, но уже так ощутимо чувствовала его отсутствие. «Надо что-то делать», — решила она. А что делать? Сегодня последний вечер вместе. Завтра он уезжает. И ежу ясно: если сегодня не будет близости — не будет ее никогда. Лера, откупорив бутылочку пива, с удовольствием ее опустошила... Для смелости.

К приходу Олега, она готова была броситься к нему в объятия. Парень, вначале немного ошарашенный такой резкой переменой в поведении недотроги-Леры, быстро пришел в

себя и приступил к решительным действиям. Всю ночь они гуляли потом по маленькому красивому городку, целуясь под медленно кружащими в свете фонарей снежинками.

В феврале Лера приехала в Москву, чтобы подать заявку в ЗАГС. Родители Олега, мягко сказать, были ошарашены. Уже позже, свекровь признавалась Лере: как старалась сделать все, чтобы этот брак не состоялся. Как не хотела отпустить сына к Лере, зная, чем все закончится.

—

Что тебе здесь девок мало? — сотрясала руками свекровь. — Москва большая, не найдешь, что ли? Зачем везти откуда-то?

Но ленивый и тяжелый на подъем Олег, здесь проявил завидную настойчивость и напористость. Наверное, действительно очень любил он Леру и хотел видеть рядом с собой в качестве жены.

А что же Лера? После физического сближения, она как-то по-другому стала относиться к Олегу. Как стена незримая сломлена была... Она смогла переступить через себя, а любви Олега хватало на них двоих.

Уже до свадьбы она видела, что Олег для друзей ничего не пожалеет — не умел он с деньгами бережно обращаться, мог на зарплату пригласить ребят в ресторан и все спустить, не задумываясь о завтрашнем дне. Работая инструктором по вождению в школе ДОСААФ, он одновременно учился на вечернем факультете в Автодорожном институте. Живя под

крышей у мамы с папой, единственный сын, он знал, что всегда будет накормлен, обут, одет. И на мелкие расходы родители дадут любимому сыну. Ничего, думала Лера, будет семья – все встанет на другие рельсы.

Один инцидент омрачил ее настроение, как будто пытался призвать к ее разуму. Пока не поздно.

За несколько дней до свадьбы молодые возвращались из центра, домой. В течение последнего часа Лера наблюдала за своим женихом и понимала: что-то с ним происходит. Спросить не решалась, он же угрюмо молчал и невесту, казалось, не замечал. То ли сыграло роль лирическое настроение, то ли что-то почувствовала девушка неладное, но слезы вдруг полились из ее глаз. Ей стало жалко себя, покидающую своих родителей, любимую бабушку, небольшой, но родной городок, свое гнездышко, обставленное с таким вкусом. И куда она едет, к кому? У нее здесь ни-ко-го... Не нужна ей эта Москва, как не нужна была все эти годы – она даже как турист сюда не стремилась приехать. Большая, неудобная, серая, холодная, с угрюмыми неприветливыми людьми, на лица которых натянуты маски крайней озабоченности. Хоть бы одна единственная родная душа жила здесь – тетушка какая, подруга. По большому счету, кроме Олега у нее никого здесь нет. НИКОГО! Задумавшись об этом, она ужаснулась и ей стало страшно. Что она знает об этом человеке? Почти ничего. Несколько месяцев знакомства, из которых личное общение составило от силы три недели. И вот сейчас, почув-

ствовав отчуждение единственного близкого, в этом огромном мегаполисе, человека, она ужаснулась. «Правильно ли я делаю, выходя за него замуж?-думала она.– Ведь с моей стороны нет безумной любви... Только привязанность и то, можно ли так назвать?» Слезы лились и остановить их было невозможно. Олег, стряхнув наконец с себя свою озабоченность, обратил внимание на невесту. Возле Триумфальной Арки на Кутузовском проспекте они вышли из троллейбуса.

–

Что случилось, Лерусик? – взволнованно интересовался Олег.

Лера описала свои страхи, конечно, не упомянув об отсутствии нужных чувств к нему. Накатило, мол, уезжаю от родных в никуда.

–

Ты понимаешь, что я бросаю все, чтобы уехать сюда, к тебе! Более того, я оставляю насиженное место, жилье и переезжаю, чтобы жить с твоими родителями, чужими мне людьми, в одной квартире. И что я вижу: за несколько дней до свадьбы ты уже меня не замечаешь, думая о чем-то своем. А что будет дальше? У меня здесь никого, кроме тебя. Понимаешь?

–

Милая, любимая, единственная, – Олег опустился на колени, сам чуть не плача. – Да если бы я знал, что тебя это может тревожить. А увлекся я своими мыслями, в голове толь-

ко одно: как больше заработать денег, может, вторую работу найти... Ты все не так

поняла. Да ты у меня всё в этой жизни! Понимаешь? Всё

! Я так счастлив, мне больше никто не нужен. Да я за тебя горой! В обиду никогда не дам! А родители тебя любят, вот увидишь...

Он, встав с коленей, покрывал поцелуями соленое, от слез, лицо девушки и шептал:

—

Никому я тебя не дам в обиду, девочка моя, любимая, единственная...

У Леры после этого случая осталось двойственное ощущение. С одной стороны, Олег успокоил ее, да она и сама видела, что любит он ее. С другой – уже тогда она задумалась: не слишком ли поторопилась с принятием решения. Но было уже слишком поздно все менять. Да и не в характере Леры бежать из-под венца.

В апреле сыграли свадьбу и Лера осталась жить в Москве. Уже на самой свадьбе она видела глаза друзей Олега, недоуменно переводящих взгляд с красивой (как потом ей признался ближайший друг мужа) невесты на «так себе» жениха.

Жить стали со свекрами в двухкомнатной квартире сталинского дома, во двор которого через некоторое время прибыл контейнер с приданным, отправленный Лериными родителями. Полная обстановка однокомнатной квартиры, в которой проживала невеста (теперь уже жена), включая ковры

и технику. Благополучно заполнившая комнату молодых и не меняющаяся за все время их совместного проживания.

Благо, комнаты были с раздельными ходами. Свекровь позаботилась о молодой невестке и, покинув маленькую хрущевку со смежными комнатами, предложила поменяться квартирами своей матери, мотивировав:

—

Будет девка постоянно беременеть, ведь через нашу комнату ходить каждый раз в ванную не захочется...

Однако ходить в ванную часто не приходилось. Олег, проявив страстность во времена их нечастых встреч, не успев стать законным мужем, по-деловому предложил молодой супруге:

—

Я считаю, что секс должен быть не каждый день, раза два в неделю, но по полной программе...

Лера только пожала плечами. Очень странным показалась ей эта, своего рода, «договоренность»: мужу-то только двадцать четыре, самый возраст любить друг друга когда захочется, а не по расписанию.

Через два месяца после свадьбы Лера уехала в свой город, сдавать летнюю сессию в университете. Олег всеми силами пытался уговорить перевестись жену в Москву, а когда она отказалась, предложил:

—

Брось свой Алма Матер! Зачем он тебе?

—

Как это брось? — округлила Лера глаза. — Мне осталось всего ничего.

Ей было непонятно, как он вообще мог такое предложить: она отучилась уже почти четыре года.

Во время сессии, летом, она обнаружила, что ждет ребенка. Олег спокойно отреагировал на известие, свекровь же была на седьмом небе от счастья. Не совсем прочувствовав в свое время, что же такое материнство (с Олегом сидели бабушки) из-за постоянных командировок, разъездов и активной партийной деятельности, она решила отыгаться на внуках — самое время.

Свекровь не отличалась особым тактом и Леру воспринимала как бесплатное приложение к Олегу, а сына — как неотъемлемую часть их семьи: отец, мать, сын. Она в упор не хотела видеть, что создана новая семья — Олег и Лера, что их будущие дети — часть уже их семьи. Можно помочь, посоветовать, но не навязывать свое мнение целиком и полностью, не принимая возражений. Но надо было знать Марию Анатольевну...

Активистка и отличница, начиная со школьной скамьи, прошла свой путь, став руководителем крупного отдела на заводе «почтовый ящик», имея подразделения во всех городах Советского Союза. Секретарь партийной организации с большим стажем, свободно входила в приемную к Брежневу. Замуж она вышла сразу же после института за своего од-

ноклассника, а затем и однокурсника: любовь со школьной парты. Покорный и спокойный муж впоследствии стал обычным подкаблучником. Она привыкла всю свою жизнь командовать: сотрудниками, мужем, сыном, а теперь еще и невесткой. Не просто командовать и направлять, но и принимать решения за людей. Но если свёкр и Олег уже привыкли к строгому нраву Марии Анатольевны, то Лера, обладая независимым и строптивым характером, не собиралась. Правда, будучи культурной и сдержанно-вежливой, особенно по отношению к людям старшего возраста, она вначале выслушивала длинные заумные речи своей свекрови без возражений. А той только дай поговорить. Придя с работы, она вызывала Леру на кухню, усаживала за стол и начинала учить и поучать. Нет, все было очень мило, никакого давления. Обычно раздавался стук в дверь и Мария Анатольевна, заглядывая, интересовалась:

—

Лера, ты уже ела? А то пойдём вместе... Или чайку попьём.

И начинались разговоры ни о чем: как надо планировать будущее, как разговаривать с мужем (важные вещи обсуждать во время занятий любовью), как воспитывать еще не родившегося ребенка. Разговоры продолжались часами. Приходил с работы Олег, заглядывал на кухню, а свекровь только махала ему рукой: сейчас, мол, закончим.

Лера сразу поняла, что семья Олега здорово отличается от

их семейства, в котором всегда шутили, смеялись, подтрунивали друг над другом. Любили животных и музыку. И жили легко, не заморачиваясь.

Свекры же планировали каждый шаг заранее. Велись сметы учета каждой копейки, начиная от буханки хлеба. Расчерчивались тетрадки и все расходы вносились в нее. Юмора здесь не наблюдалось вовсе. Может, коммунистический настрой сыграл свою роль, а может просто люди такими были, но Лера, будучи жизнерадостной, смешливой, обладая легким характером, с самого начала почувствовала себя не в своей тарелке. Каждое утро начиналось ровно в шесть с новостей партии, на всю громкость вещаемых с радиоточки, висящей на стене в кухне.

Как-то, Лера, бродя по Калининскому проспекту, зашла в музыкальный магазин и купила новую пластинку популярного в то время певца. Надо было видеть каким взглядом обменялись Мария Анатольевна с сыном, когда узнали о покупке... Экономия во всем!

Все было терпимо до тех пор, пока Лера жила в Москве наездами, мотаясь на сессии, а затем, родив сына, осталась у родителей для сдачи диплома. К обсуждению родов (а вернее, местоположению этого важного события) свекровь подошла конкретно. Уже не с улыбкой, а достаточно агрессивно она пыталась Леру:

—

Я не понимаю тебя. Рожать надо там, где муж. Чтобы он

с самого начала прочувствовал весь процесс, вставал ночью, пеленал. Что для тебя важнее: чтобы мама молочка принесла в роддом или отношения с мужем?

—

Но я ведь сдаю досрочно экзамены, а потом сразу роды. Я просто не успею ездить туда-сюда. Потом, в июне диплом. Что же я с грудным ребенком поеду сдавать? Первые месяцы мама и бабушка помогут — мне надо заниматься.

Кто мне поможет здесь — вы все работаете? — пыталась защитить себя Лера.

Но свекровь была неумолима, по жизни не привыкла, чтобы шли против ее воли и это явилось первым камнем преткновения между ними: ее ослушались.

На встречу Нового года Лера, на восьмимесячном сроке беременности, прилетела в Москву. Ведь, как встретишь... Хотелось быть вместе с Олегом. Надела новое, специально сшитое для этого события, платье, туфли на каблучке, сделала прическу, подкрасилась — никогда не скажешь, что через месяц рожать. Встречали все вместе. После боя курантов «старики» понимающе удалились к себе. Олег, уже успев набраться до Нового года, прилег... и заснул.

Лера подошла к мужу, пытаясь разбудить его: да где там! Перевернувшись на спину, он громко захрапел, слюна потекла из его рта... Молодая женщина смотрела на его лицо, успевшее стать за это время родным и любимым, и думала: « Совсем не этого я ждала от замужества, совсем не этого... »

И от Новогодней ночи тоже. Слезы сами по себе потекли из глаз и вот так, проплакав, просидела она всю Новогоднюю ночь совсем одна. Олег так и не проснулся уже до утра.

Родился прекрасный мальчик. Олег, узнав об этом, ментально вылетел к жене с большим рюкзаком, в который Марией Анатольевной были упакованы московские разносолы, и встречал ее вместе с родителями при выписке. Казалось, после рождения сына, Лера обрела абсолютное семейное счастье. Она полюбила Олега и, читая записи в дневнике годичной давности, не могла понять своих сомнений на счет нынешнего мужа.

Спустя четыре месяца после защиты диплома, Лера уехала в Москву. Вот тут и посыпались проблемы.

В сентябре начался новый учебный год и Олег, восстановившись в институте, стал каждый день, после работы, посещать лекции. Лера пообещала свекрови (которая сетовала, что женившись, ее сын бросит учиться) что муж получит высшее образование. Олег приходил поздно вечером. На звонок первыми выскакивали «старики», не понимая, что надо дать возможность встретить мужа молодой жене, обменяться поцелуями, а потом, всего через несколько минут, уже можно и самим выйти поприветствовать сына. После первого же звонка с грохотом распахивалась дверь: Мария Анатольевна встречала любимого сына. Наверное так, как привыкла, как это было до его женитьбы. О том, что все изменилось она даже не хотела задумываться. Лера ютилась

тут же, в коридоре, у своей двери, выжидая пока новые родственники, наконец, подпустят Олега к ней – не будет же она на глазах у всего честного семейства предаваться ласкам.

–

Ну как дела? – интересовалась свекровь у Олега. – Кушать хочешь? Там я котлетки пожарила. Компот отец только что принес из погреба, твой любимый, клубничный.

–

У меня же ужин готов, Мария Анатольевна, – Лера не понимала, неужели она не помнит себя, эти важные моменты – когда ты встречаешь мужа... У тебя же под боком свой – занимайся им. Зачем лезть? Только хуже делаешь.

–

Мам, мы разберемся, идите спать, – говорил Олег. Мария Анатольевна обиженно поджимала губы и закрывала дверь в свою комнату.

Поначалу Лера пыталась бороться за Олега. Вечером после ужина, она, вперемежку со слезами, жаловалась ему, как устала от докучливой свекрови, которая изводит ее разговорами. Он, в знак утешения, страстно любил ее: что он мог сказать? Зная крутой нрав своей матушки.

Дальше-больше. Свекровь, не задумываясь о том, что молодые могут не только книжки читать в постели, ногой открывала дверь. Несколько раз застав пару во время самых интимных моментов. Постучать... А зачем?

–

П

оставь задвижку какую на дверь, что ли, – просила Лера мужа.

В конечном итоге, после длительных безуспешных просьб, крючок, приделанный ею собственноручно, был выбит «легким движением руки» (или ноги) свекрови, открывшей в очередной раз дверь без стука. На робкое замечание сына, что надо хотя бы создать видимость стука, она беспардонно ответила:

–

Я у себя дома...

Исчерпывающий ответ. С сыном, Мишкой, Олег почти не общался. Уходил утром – ребенок еще спал, приходил вечером – уже спал. В выходные дни родители полностью перехватывали инициативу и тоже освобождали его от обязанностей отца. А он и рад был. Кино, пиво – больше ему ничего не нужно: уставал!

На ноябрьские праздники свекровь устроила молодым поездку в Ленинград, забронировав гостиницу на краю города, относящуюся к их предприятию. Лера была счастлива – они вместе и не ездили еще никуда. Свадьба, беременность, институт. Наконец-то вдвоем вырваться – да еще в Ленинград! Днем бродили по городу, а вечером Олег искал где бы выпить. Леру, бокал никогда не держашую в руках, не волновали злачные места. Более того, она пыталась призвать мужа к разуму: дорого в рестораны ходить, на одну зарплату жи-

вем, да еще и маленький ребенок. Но Олег набычился и обиделся. В гостинице, продолжая дуться, не отвечал на ласки молодой женщины, для которой эта поездка явилась своего рода свадебным путешествием. Все чаще и чаще ловила себя на мысли Лера, что тот Олег, которого она знала до свадьбы (а знала ли?) и тот, которого видит сейчас – два разных человека.

Лера все чаще чувствовала от мужа запах алкоголя. Откуда? Из института? Отговорки находились постоянно: день рождения отмечали, друга провожали... Олег приходил уставший, раздраженный, ужинал и шел спать. В один прекрасный день он сказал, что бросил институт. Свекровь заламывала руки и приговаривала, обращаясь к Лере:

–

Я знала, что так и будет! Помнишь, ты мне обещала, что он получит высшее образование! Я так и знала! Ты-то сама закончила, не смотря ни на что!

–

Мария Анатольевна! При чем тут я? Я хотела и закончила, что ему мешает? Нет желания у человека. И брак здесь ни при чем. Он и до этого учился через пень колоду с академическими отпусками.

Но свекровь затаила на невестку еще одну обиду.

Лера очень быстро поняла, что Олег отнюдь не тот человек, с кем она хотела бы пройти до конца жизни рука об руку. Никаких целей, ни к чему не стремящийся, ленивый, при-

выкший, что мама с папой все сделают за него. С неоправданно завышенным самомнением. Ко всему прочему, он все чаще и чаще стал приходиться с работы сильно выпившим. В выходные вырисовывалась одна и та же картинка: Олег на диване у включенного телевизора с пивными бутылками на табуретке. Периодически выходящий на кухню в поисках еды. Лера, до замужества ведущая активный образ жизни, как могла пыталась призвать супруга к уму-разуму. Тщетно!

Первая искорка разлада проскочила между ними после празднования Лериного двадцатипятилетия. Собралась молодежь, и после тоста за именинницу, свекры, забрав годовалого Мишку, гордо восседающего в черных брючках и белой рубашке с бабочкой, предоставили квартиру в распоряжение молодых. Народ с бокалами разбрелся по квартире, кто-то курил на лестничной площадке. Когда начались танцы, бывший армейский товарищ Олега пригласил Леру. Свет в комнате был погашен и так получилось, что он не отпустил ее и во время следующего танца. Игорь, как звали приятеля, был женат и у него росла маленькая дочка, чуть старше Мишки. Но это не помешало ему нежно шептать Лере на ушко приятные слова (женщина ведь любит ушами). Она даже не успела понять, как его рот страстно припал к ее губам. Отшатнулась:

—

Игорь, ты что? Олег ведь твой лучший друг! Да и народ вокруг...

Леруся, я с ума схожу по тебе. С первого момента, как увидел на свадьбе. Стараюсь инициировать наши совместные встречи – ведь до этого мы с Олегом-то и не встречались практически после армии.

Лера не знала, что и сказать. Игорь нравился ей тоже, что скрывать. Интересный, всегда веселый, энергичный, в отличие от ее, как она уже поняла, молчаливого и угрюмого Олега, у которого язык развязывался только после изрядной порции выпитого.

Инцидент был замят, но ненадолго. В Москву пришла весна, а с ней желание любить и быть любимой. Совсем не так представляла себе любовь Лера. Безусловно, она любила Олега и не собиралась с ним расставаться. Как же, Мишка ведь растет! И Олег любил ее, но по-своему. Как? Не лелея это чувство, а относясь к жене как к своей собственности, данной ему навсегда. Не боясь потерять, зная, что никуда не денется. А зря. Ведь большинство браков распадается именно по этой причине.

А молодой женщине ведь что нужно? Внимание, ласка, теплые слова, огонь в глазах. Но отнюдь не заплывшее (после энного количества выпитого пива) лицо, вонючие носки под диваном, которые супруг забывал (или просто не удосуживался) отнести в грязное белье и все более редкое желание любить свою молодую жену. Именно это и явилось основным поводом для начала разлада: нежелание быть инте-

ресным, поддерживать огонь постоянно, как в первый раз, когда он приехал (не поленился, ведь) завоевывать Леру в маленький городок, где она жила до этого.

А Игорь, почувствовав с Лериной стороны слабый, но интерес, напротив активизировался. Звонил, шутил, интересовался и, наконец, пригласил ее... Прогуляться по лесу, ландышей пособирать. Они ехали в электричке, он держал ее руки в своих. В лесу он бросил на землю предусмотрительно захваченное покрывало. Но идея не была хорошей – люди ходят, да и земля еще недостаточно прогрелась... Однако огонь разгорелся и Игорь продолжал его поддерживать. Им инициировались встречи на территории квартиры его родителей, в сауне, на предприятии, где он работал и имел доступ во время выходных. Но никак не получалось у него овладеть желаемой женщиной. Наверное, сказывался страх быть застигнутым врасплох...

—

Ничего не понимаю, – оправдывался молодой здоровый парень перед возбужденной Лерой, – дома стоит как солдат по стойке смирно, а здесь... Наверное, жена что-то сделала, а теперь сидит себе и посмеивается.

Но Лере было не до смеха. Каждый раз ей приходилось придумывать какие-то истории, чтобы отлучиться из дома. Благо, Мишка был на даче со свекрами. А Олег... Один раз, придя с очередного свидания вечером, она застала его в привычном окружении: телевизор, много бутылок из-под пива и

друг, Леха. Судя по лицам, Лера поняла, что разговор шел о ней. Неужели он догадался? – размышляла она. Ей налили белого вина, и так хорошо пилось холодненькое в жаркий летний день, что Лера не заметила, как опустошила бутылку. Сказалось еще и глубокое чувство вины. Проснулась от необычного ощущения сухости во рту. На часах четыре утра. В квартире никого, кроме батареи пустых бутылок... Мужа не было.

После этого дня Олег, и до этого нечасто баловавший жену страстными сближениями тел, совсем прекратил инициацию исполнения супружеского долга.

Лера по темпераменту относилась к южным женщинам – ей нужен был секс. Рядом храпел молодой муж, а толку никакого: устал, завтра, дай поспать и все в таком духе. Странно, казалось бы, обычно эти отговорки свойственны женщинам. Но увы... Сначала Олег «баловал» чрезвычайно быстрыми сближениями Леру раз в две недели, затем в три, а затем... Она уже и не помнила, как часто, вернее редко.

Начались недомолвки и скандалы по пустякам. Муж и отец был из Олега никудышный. Денег не хватало, часть отдавали свекрам на питание, часть Олег брал себе на мелкие расходы, на остальное он мог пригласить друзей «пивка попить». Лера, неплохо зарабатывавшая до брака и немало путешествовавшая, не имела ни копейки. Смешно сказать, не на что было колготки теплые купить (Москва, ведь, не юг...) Сделав несколько попыток «челночить» в Польшу, Чехосло-

вакию, она поняла, что много не заработать.

Никогда не забудет она ее первую и последнюю попытку вывезти Олега за границу – в Варшаву. Поезд отходил вечером с Белорусского вокзала. Олег в тот день работал. В коридоре стояли наготове два неподъемных баула с товаром. Лера нервничала: все было рассчитано до минуты, электрички от дома до вокзала вечером ходят нечасто... Олега не было. В последний момент в дверь позвонили и Олег нарисовался пьяный в драбадан:

–

Леруся, – язык у него заплетался, – красавица моя, едем!

–

Олег, ты что? Как ты мог? Зачем ты все испортил? Господи! – заламывала руки Лера. – Впервые в жизни собрался за границу и надо так напиться. Ну что за человек?

–

Выпили немного, да, не отрицаю, проводили меня, ну и что? – Олег схватился за ручку одного из баулов, но оторвать от пола неподъемную сумку не смог.

–

Я с тобой не поеду. Позориться?

–

Лерусь, поехали! – лицо Олега стало красным и набычившимся.

Картина маслом на всю жизнь останется перед глазами Леры: Олег волочет баулы к железнодорожной платформе,

низко пригнувшись к земле. Такое чувство, что баулы волокут его. Но тем не менее. Еще один рывок уже по платформе Белорусского вокзала к поезду Москва-Варшава, и Лера выдохнула спокойно. Она уже не обращала внимания на заигрывания его с проводницей и постоянные выходы покурить. Сколько же ей нервов стоил этот бросок!

1991 год. В Варшаве русские разбили своеобразный рынок прямо рядом с вокзалом. Чего и кого здесь только не было! Лера выхватывала из толпы интеллигентные лица явно не работяг и торгашей (до чего же довели людей!) Она расстелила на земле заранее принесенные листы бумаги и аккуратно разложила товар: что-то из электроники, детские игрушки и всякую разную дребедень. Она не впервые занималась этим, да и чего стесняться: не ворованное ведь! Олег, напротив, изменился в лице:

—

Я не буду торговать! Я не умею! Пойду похожу, а ты постой!

—

А что тут нужно уметь? – удивилась Лера. – Стой себе и отвечай на вопросы, деньги считай и смотри, чтобы не украли ничего...

—

Ну не умею я, что я скажу: « Мужик, купи кирпич!» ?– и он развеселился. Глаза его, как у всех неуравновешенных и нервных людей, немного навывкате, стали вообще вылезать

из орбит, отсутствующий подбородок совсем ушел в шею. И так он стал противен Лере в этот момент.

На самом деле сыграло роль его завышенное самомнение, которое прививалось Марией Анатольевной единственному сыну.

–

Мы его не учили торговать, – обиженно говорила она. – Мы воспитывали его честным и справедливым человеком.

–

Меня тоже никто не учил, – парировала Лера, – жизнь заставила.

Но вот товар продан, правдами-неправдами выручено семьдесят долларов (громадная сумма!) Вот тут-то Олег активизировался: надо отцу купить подарок, матери... Деньги потратили быстро: тратить – не зарабатывать.

Лера сделала еще несколько попыток заработать: хотелось модное что-то надеть на себя, Олегу купить джинсы-футболки, Мишке какую курточку необычную – в магазинах, ведь, пусто! Тяжелый труд, неподъемные баулы, бессонные ночи в автобусах и страх, что отнимут то небольшое, что везешь на таможне...

И Лера поняла: надо искать работу. Мишке на тот момент не было еще двух лет. Насущный вопрос: с кем оставить? У Олега были две бабушки, которые поначалу охотно менялись друг с другом: ребенок не проблемный. До поры-до времени.

Они познакомились в весьма необычном месте. Валерия, периодически просматривая любимую газету “Московский комсомолец”, как-то наткнулась на объявление: “Проводится отбор девушек до 25 лет, желающих стать фотомоделями, для поездки в Париж”. Адрес, время. На тот момент Лере было двадцать четыре и она, всю жизнь мечтавшая стать моделью, решила попробовать. Реально оценивая свои шансы, вернее их полное отсутствие, она пошла на эту авантюру скорее ради того, чтобы хоть как-то встряхнуться. Приключение, небольшой всплеск адреналина... Беременность, роды, маленький ребенок, отсутствие новых лиц и мало-мальского разнообразия в ее жизни. Засиделась!

Необходимо было иметь при себе цельный купальник и туфли на высоком каблуке. У нее даже купальника приличного не было. Но надо знать Леру. Прихватив с собой югославский цельный, когда-то мамин, немного растянутый на животе, в сиренево-голубых разводах, и туфли московской обувной фабрики, купленные в салоне для новобрачных до свадьбы, она помчалась в ДК «Горбунова», на просмотр.

Вот именно там и состоялось ее знакомство с Катей, хорошенькой девушкой восемнадцати лет. Большие зеленые, немного навывкате, глаза, пышный рот, тонкий, чуть длинноватый носик... Невысокого роста, обычная фигурка – ничего сногшибательного.

—

Ведь фотомодели не обязательно должны быть длинноногими, — как бы в свое оправдание объяснила Катя, когда девушки переодевались в гардеробе после просмотра. — Модель — это лицо. Крем, духи, да все что угодно... Я считаю, у меня лицо подходящее.

Катя мечтала поехать в Париж: она закончила школу с углубленным изучением французского языка и считала, что знание его является большим плюсом для поездки.

Она станет лучшей подругой нашей героини на долгие годы...

А тогда... Лера отстояла длинный хвост очереди. Чего она только не услышала здесь: и что все куплено, и что кандидаты (модели) для Парижа уже отобраны, и что вообще все по благу. Но тем не менее все готовые для подиума девушки (красивые и не очень, худые и в теле, пятнадцатилетние подростки с наивными испуганными глазами оленят и двадцатипятилетние созревшие женщины, уже познавшие что-то в жизни) добровольно и без принуждения, выстояли свою очередь и продефилировали перед заседавшей в большой комнате комиссией взад-вперед. В купальниках и на каблуках. И все, без исключения, получили направление на фотосъемку, для базы данных: ведь надо же дать заработать фотографу!

И действительно, у Леры было время убедиться, что периодически кого-то вызывали без очереди, к кому-то из девушек подходили члены комиссии и, доверительно взяв под

ручку, отводили в сторону, шептав на ушко заветные слова, которые каждая из присутствующих здесь мечтала услышать. Одним словом, шла своя игра, – скопление остальных девушек для которой явилось просто фоном. Безусловно, Лера сразу заметила настоящих красоток с роскошными фигурами фотомоделей. Куда уж там остальным?

Но тем не менее, она явилась на съемку, прихватив с собой открытый купальник, купленный еще до свадьбы. Желтый, в маленькое черное сердечко. До рождения Мишки она была в нем очень даже ничего. Сейчас же, рассматривая свои полученные через неделю фотографии, она констатировала: купальник этот очень невыгодно подчеркивает утратившую былую упругость, после кормления ребенка, грудь. Не нужно было его надевать... А что нужно?

На всю жизнь останутся в альбоме несколько черно-белых фотографий: молодая женщина с красивыми глазами и копной непокорных волос. И чуть отвисающей грудью, так некстати выглядывающей из-под купальника с сердечками.

Но вернемся к Кате, коренной москвичке, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Жила она с мамой, в роскошной двухкомнатной квартире, расположенной в писательском доме. Бабушка с дедушкой проживали отдельно. На лето все выезжали на дачу, находящуюся не так далеко от Москвы. Катя закончила престижную школу на Проспекте Мира и сейчас училась на экономиста, заочно.

Впервые попав в ее квартиру, Лера утратила дар речи.

Буквально. Что она видела до этого? Однообразные ремонты, одинаковую везде мебель, хрущевки...

Этот дом был построен не для простого люда. И об этом гордо заявлял любопытный консьерж в застекленной будке на первом этаже. Лифт с зеркалом не радовал глаз словами из трех букв. Этажи, на которых вольготно, не теснясь, размещались всего две двери. Ну и сама квартира, прямо скажем, впечатляла. Просторный квадратный коридор со встроенными шкафами. Большая уютная кухня с красивой мебелью и полками, на которых покоилась коллекция изделий из гжели. Темная плита иностранного производства и такая же вытяжка отличали ее от таких привычных нам белых раковин и газовых плит. Сантехника в ванной и туалете тоже была какого-то необычного теплого кофейного оттенка. Не говоря уже о кафеле – синие узоры в виде геометрических цветов на бежевом фоне. Ну и стеклянно-зеркальные полочки с огромным количеством французских кремов, духов и всяких женских штучек. Лера никогда такого не видела, да и сравнивать было не с чем. У подружек, оставшихся в далеком маленьком городке, были такие же хрущевки, как и у ее родителей. А квартира в сталинском доме, где она проживала сейчас с мужем, была большой, но такой неухоженной... Не говоря уже об убогой кухне с ободранными шкафами и ванной, которая не знала ремонта, наверное, с момента постройки дома. Какие уж там полочки с кремами...

В одной из комнат располагалась спальня мамы. Здесь

стоял добротный, красного дерева, спальный гарнитур. В гостиной, где жила Катя, витал особый дух. Романтики и старины. Горка, комод и стол, выполненные в старинном стиле, были ажурны и изящны, мягкая мебель укутаны в чехлы пастельных тонов с рассыпанными по ним розами. Не мещанский уют, а особый стиль завершали занавески и цветы в горшках на специальных подставках. Даже обои в этой комнате были поклеены необычные: шелковые. Из этой комнаты не хотелось уходить.

—

Мама развелась с отцом давно, — рассказывала Катя. — потом у нее был мужчина, мне — как отец. Они не расписывались, жили гражданским браком. Он работал в строительной компании. Он же и купил эту квартиру, сделал ремонт, оставил... Они были вместе лет шесть, я училась в школе рядом с домом бабушки и дедушки, поэтому и оставалась всю неделю с ними. Так было удобно всем.

—

Я обожала этого человека, — продолжала Катя, вздохнув. — Он дал маме все. На руках носил. Цветы — ведрами... Я до сих пор помню, как приезжала на выходные, а в ведрах — розы. Из «Березки» шмотки постоянно маме покупал, да не просто туфельки, а сразу набор: туфли, перчатки, сумочка. И не иначе. А ко всему прочему, как готовил! Такие котлеты, как он жарил, я в жизни больше нигде не пробовала. Он стал моим идеалом мужчины.

–
И куда же он делся? – поинтересовалась Лера.

–
Даже не знаю, как у них все разладилось. У мамы очень сложный характер. Сбегались-разбегались, потом у него начались проблемы со здоровьем, мама в больницу к нему ходила, а потом его не стало. Говорят, сильно нервничал из-за мамы. Кто знает сейчас... Мама локти кусала, что не удержала его – мы жили как у бога за пазухой, ни в чем не нуждались. А что сейчас? Мама работает у подруги в коммисионке, продавцом, я без работы. А мы обе такие «кутихи». Есть деньги – моментально шмотки покупаем, крема разные. Мама постоянно ходит к косметичкам, на массаж – привыкла уже, не может без этого.

Увидела Лера как-то и маму. Полная ухоженная женщина со светло-голубыми «выцветшими» глазами и легким светлым пушком на голове, который с помощью химической завивки представлял подобие короткой стрижки. Шикарно одета, красивые украшения, начальственные нотки хорошо поставленного голоса. Катя явно старалась обходить стороной крутой нрав своей матери.

–
У девочки-косметички руки золотые, пальчики так и бегают по лицу, – все, что услышала в тот вечер Лера от мамы, пришедшей из косметического салона.

Так они и общались наездами друг к другу, периодиче-

скими прогулками возле Лериного дома с Мишкой. До тех пор, пока не встал вопрос о работе.

–

У мамы знакомый один фирму открывает свою, ему нужны сотрудники, – сообщила как-то Катя в телефонном разговоре. – Меня берут, хочешь, могу поговорить на счет тебя?

–

Я бы с удовольствием, – обрадовалась Лера, – а что делать нужно?

–

Да ничего особенного.

В те времена, 91-92 годов фирмы и фирмочки появлялись как грибы после дождя. С такой же частотой и закрывались. Или переименовывались. А как только не «обзывали» себя: и Закрытое Акционерное Общество, и Общество с Ограниченной Ответственностью, и Акционерное Общество Закрытого Типа (всех не перечислишь). Периодически название фирмы оставалось, а АОЗТ или ООО менялось. Дабы запудрить всем мозги, в том числе налоговой и остальным инспекциям. Сколько махинаций продумывалось и воплощалось в жизнь. Времена были суровые и безбашенные. И те, у кого были связи, мозги и немного капитала, можно сказать, попали в нужное место и жили в нужное время. Ну, а остальным значит не повезло.

В это время не только москвичи пытались раскрутить бизнес на щедро принимающей и дающей хорошие всходы зем-

ле московской. Одним из таких бизнесменов оказался Леонид, приехавший с юга России. В фирме у которого и стали работать Катя с Лерой. Работа – не бей лежачего. Приходили к одиннадцати-двенадцати, уходили в четыре-пять. До сих пор для Леры осталось загадкой, для чего Леонид выплачивал зарплату ей и еще нескольким сотрудникам, ежедневно появляющимся в офисе, недалеко от Театра Советской Армии. Небольшую, но все же деньги...

Не успев появиться в офисе, часам к двенадцати, Катя с Лерой, разложив судочки с едой, принесенные из дома, приступали к трапезе. Поточили лясы, посидели за компьютером, в отчаянии, до зайчиков в глазах, пытаясь попасть по кружочкам в небезызвестном Тэтрис. Вот и время домой отчаливали. Проходя пешком до метро Новослободская, заскакивали во встречающиеся по пути магазины. Как-то, зайдя в один из них, они с удивлением обнаружили, что на полках за стеклом разложены необычные предметы. Вернее, самые обычные, носителями которых является половина населения нашего земного шара: мужские члены. Здесь же девушки впервые для себя увидели фалоимитаторы различных размеров и исполнения. Секс-шоп – вот как назывался этот один из первых открывшихся в Москве магазинов. Катя, по натуре смешливая, приснула и выскочила на улицу. Лера – за ней следом. До метро у них был повод поохотать. А в этом им не было равных. Лера, не смотря на тяготы семейной жизни, была оптимисткой и обладала прекрасным чув-

ством юмора, который ее и спасал. В лице Кати она нашла достойную соратницу.

Приближался день первой зарплаты. Лера носила сапоги, купленные ею еще до свадьбы, во времена безбедные. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить, во что они превратились, учитывая московскую зиму. Ей не терпелось поехать на рынок и купить себе новые итальянские сапоги (она даже успела присмотреть их).

Настало время рынков. Купить уже можно было почти все. С рук, у продавцов, которые выстроились вокруг Детского Мира на Лубянке (странное месторасположение, не правда ли?) Наверное, важные люди с Лубянки занимались более интересными делами – старались оказаться в нужном месте. В нужное время они уже жили. Такие же рынки возникали по всей Москве и области. Народ знал, где что нужно искать и где что можно приобрести.

И тут, внезапно, радужные планы Леры были искромсаны не щадящими острыми ножницами Марии Анатольевны.

–

Я считаю, что на твою первую зарплату вы должны купить с Олегом по паре валенок, – утвердительно выложила она за ужином свое единственное и неоспоримое мнение. – Как хорошо: на дачку зимой приехать, валенки надеть и по снежку. Надо покупать белые. Я даже знаю где, присмотрела уже.

Не спросив: какие у вас планы? Зная, что молодая женщина уже почти три года не имела заработка (беременность,

учеба, неоплачиваемый декрет). Зная своего сына, у которого особо не разживешься рублем. Мало ли что нужно купить женщине... Да хотя бы новое красивое белье – побаловать себя. Да и вообще: какое ты имеешь право планировать расходы молодой семьи. Валенки! Лера чуть не поперхнулась чаем:

–

Мы ведь на дачу зимой и не ездим, – мягко попыталась возразить она.

–

Вот и будете, как валенки появятся, – сказала свекровь, как припечатала.

Лера не могла понять: как человек, доживший до этого возраста, сам того не подозревая, рушит своему сыну жизнь. Порой у нее создавалось ощущение, что свекровь это делает целенаправленно. Вот и сейчас: какая дача? Лесную дорогу, по которой надо было ехать минут пятнадцать, зимой никто не чистит от снега. Как и садовое товарищество, где у свекров стоял хозяйственный блок и начавший строиться дом. О чем она говорит? Какие валенки?

А что Олег? Он ведь мог заступиться, сказать: «сами разберемся». Но Олег не хотел вмешиваться и портить отношения с матерью. Сами разберутся, – принял он удобную позицию.

Конечно, надо было знать Леру. Свои кровные и на валенки? Да не в жизнь! В первый же выходной она поехала

на рынок и, добавив сэкономленные из челночных поездок доллары, купила итальянские ботфорты.

Приблизительно в это же время произошло еще одно событие, повлекшее за собой окончательный разлад между Лерой и Марией Анатольевной.

Тепло и ласку, которую забыла, когда получала от Олега, она пыталась компенсировать встречами с Игорем. Он к этому моменту снял квартиру, а может просто брал ключи у друга. Но были еще несколько попыток сближения, закончившиеся крахом, и Лера попросила оставить ее в покое, дабы не вызывать подозрения Олега и жены Игоря. На самом деле, ей было неприятно его молодое разгоряченное тело, тискающее ее и не дающее ничего взамен. Солдатик его скорее спал спокойным, мирным сном, чем стоял в полной боевой готовности. Однако Игорь затаил обиду и, по прошествии нескольких месяцев, Лера, выходя из ванной, с намотанным на голову полотенцем, увидела красную от гнева свекровь.

—

Зайди на кухню. — приказала она тоном, не терпящим возражения.

—

Что происходит? — спросила она у Леры, сверля ее глазами, когда за той закрылась дверь. — Ты должна мне все объяснить!

—

А собственно говоря, что случилось? – Лера в последнее время уже не была послушной овечкой и иногда позволяла себе за словом в карман не лезть.

–

Только что мне позвонили и сказали: «Вашей Лере мужчина снимает квартиру и они там встречаются».

–

Мария Анатольевна, – нашлась Лера, – да если бы мне снимали квартиру я бы уже давно здесь не жила...

И ушла сушить волосы. Свекровь не ожидала такого «хамства» и за снохой не побежала. Но Лера поняла, чьих это рук дело. Вот мерзавец! Не хочешь встречаться – получай?

В один из первых новогодних дней девушки совершенно случайно оказались возле красивых дверей старинного особняка на Таганке. Когда-то здесь велась светская жизнь, шуршали нарядными платьями дамы и нетерпеливо цокали копытами кони, впряжённые в кареты... Сейчас здесь тоже толпились дамы, но уже в других целях – здание было в распоряжении салона красоты. Катя хотела придать шраму от операции по удалению аппендицита более эстетичный вид, а Лера отправилась за компанию. И таким же непонятным образом она оказалась в кабинете у врача, на консультации: маленький шрамик, принятый ею за раннюю морщинку на щеке, не давал покоя.

Она попала на прием к мужчине невысокого росточка, что-то около сорока, с пышными вьющимися волосами по

плечи и такой же пышной бородкой. Внимательные светлые глаза из-под русых бровей. Осмотрев пациентку и успокоив ее опасения, мужичок-лесовичок, как сразу же окрестила его Лера, перешел к более интересующим его моментам. Располагающим спокойным голосом врач-косметолог стал интересоваться: посещает ли Лера сауну, спортивный зал, замужем ли. Безусловно, на первые два вопроса ответ был «нет». Какая может быть сауна или тренажерный зал? Тогда это только стало входить в моду и стоило немалых денег.

—

У меня знакомая, — продолжал вещать доктор, — каждую неделю посещает сауну. Ей 45, выглядит не более тридцати. Сауна очищает кожу, выводит токсины. Вам обязательно нужно попробовать.

И вот так, совершенно незаметно для себя, Лера согласилась встретиться с доктором, но уже не в стенах института красоты. Ей нужен был мужчина и Алексей (так его звали) оказался приемлемым вариантом. Он сразу понравился ей, да и само понятие «доктор» внушало доверие: плохого ничего не будет.

Алексей арендовал спортивный зал, раз в неделю. Для занятий карате. Тут же имелась и сауна. Встречи проводились по одной и той же схеме. Он встречал Леру на своей шестерке возле ближайшей к спорткомплексу станции метро, а потом там же и высаживал. Только секс, ничего более. Без взаимных претензий и обязательств. По обоюдному желанию.

Он никогда никуда не приглашал Леру, а ей это и не надо было. Она и так постоянно пыталась найти какие-то оправдания за свои поздние приходы с работы или отлучки в выходной день. Хотя, чего уж там, периодически маленький червячок точил ее изнутри: мог бы для приличия куда-нибудь вывести. Лера понимала, что она его полностью устраивает: моложе на двенадцать лет, замужем, тратиться не надо, претензий никаких. И еще она понимала, что у него есть и другие женщины: для выхода в свет.

Обычно их встречи предварялись телефонным звонком Алексея и кодовыми словами:

– Есть желание встретиться?

Поначалу Лере было забавно. Сауна, разгоряченные липкие тела, совместное принятие душа. Периодически, местом их встреч являлась «шестерка» Алексея, сидения которой для удобства были покрыты белыми шкурами, а пол со стороны пассажира предварительно застелен газеткой, что Леру страшно бесило. И о чем она как-то высказалась герою-любовнику.

–

Машина – мой второй дом, – объяснил доктор. Он жил в маленькой квартире с мамой и ротвейлером. Где-то в другой семье воспитывался его сын от первого брака, – должен же я поддерживать чистоту в ней. Коврики устанешь намывать, грязь видишь какая на улице, а так – газетку свернул, выбросил и все.

Алексей уверенно вел машину в Бауманский лесопарк, расположенный недалеко от своего дома, останавливался на одной из темных аллей и под покровом ночи делал свое нехитрое дело на заднем сиденье белой «шестерки». Затем высаживал Леру около ближайшей станции метро, даже не утруждая себя довести ее до дома.

—

Тебе же все равно по прямой, — имел он в виду Белорусский вокзал, с которого Лера потом добиралась электричкой, — а мне такие крюки накручивать по всей Москве! Не все ли равно, в машине или в метро? А я уже возле своего дома.

—

Нет, не все равно, — как-то ответила Лера.

—

Ты что, на принцип идешь? Зачем тебе это? Мы прекрасно проводим время вместе!

Тогда Лера промолчала. Она прекрасно понимала, что Алексей совсем никак не относится к ней. Просто использует подвернувшееся молодое ее тело по назначению. Девочка для сауны. В отличие от проститутки, чистая и порядочная. Об этом открыто заявил яркий инцидент, произошедший как-то в сауне.

Начав испытывать к Алексею нечто большее, чем просто необходимость в кусочке восставшей плоти, проникающей в нее, она захотела полного сближения тел в нормальной позиции: мужчина сверху-женщина снизу. До сих пор это было

как угодно, но только не в постели. А она просто захотела почувствовать прикосновение его груди к своей, обнять его, погладить по пушистым волосам, так притягивающим ее... И не где-то, стоя под струями или сидя на стуле, а подомашнему, на кровати. В данном случае, на деревянном топчане. И что же она получила? Поначалу Алексей был очень удивлен просьбе. Затем, расположившись на скамье в комнате отдыха, он с таким опасением пристроился сверху, как будто Лера была прокаженная. Особенно обидел ее момент, когда она, обвив его ногу своими конечностями, и попытавшись притронуться ступней к пальцам его ноги, почувствовала, что Алексей отдернулся, как ошпаренный.

—

Я врач, — он понял, что переборщил и попытался исправить ситуацию, — ты даже не можешь себе представить, сколько вокруг кожных заболеваний и инфекции. Это у меня чисто автоматически.

Постепенно червь внутри Леры становился смелее и она понимала, что надо заканчивать эти унижительные для нее встречи.

Последней каплей не заставила себя ждать долго. Пришла весна. Темнеть стало поздно, сауна по каким-то причинам была закрыта и, во время очередного свидания, герой-любовник «осмелился» повезти Леру к себе в гараж. Действительно, где же еще встречаться? Больше мест не было. Предварительно не забыв предупредить молодую женщину о том,

что необходимо соблюсти конспирацию. Не дай бог сторож увидит, что Алексей приехал не один, а с пассажиркой на переднем сиденье. Что он может подумать! Ему ведь больше думать не о ком, как только об Алексее. Лера не стала ничего говорить: скандалов ей хватало дома. Не для этого она встречается с ним, чтобы выяснять отношения. Хотя, какие уж тут отношения? Но для себя она все решила в тот же день. Когда «шестерка» подъезжала в воротам гаражного кооператива, доктор коротко приказал:

—

Ложись!

Лера немного сползла с сиденья. Но как же ей хотелось в этот момент выйти из машины и уйти в никуда. А Алексей, без угрызений совести, не понимая или просто не желая понимать, что только что грубо унизил женщину, быстро удовлетворил свои незамысловатые физиологические потребности, как маленькая собачка пристроившись сзади и нагнув ее к корпусу своей гордости, своего второго дома – белого Жигуля шестой модели.

«Да что же это за наказание такое, за что, за какие грехи тяжкие я, замужня молодая симпатичная женщина должна подвергаться таким унижениям, чувствуя себя проституткой. Только ради того, чтобы удовлетворить нормальные физиологические потребности, который должен выполнять муж, – думала Лера, отъезжая в электричке от Белорусского вокзала и глядя на обычную суету, происходящую еже-

минутно на платформе. – Конечно, никто никому ничего не должен. Да и обязанностью это тоже назвать нельзя. Какая это обязанность – выполнение супружеского долга? Но тем не менее, не зря ведь так называли. Значит, существует какой-то долг супругов по отношению друг к другу...»

С Олегом все становилось только хуже. Он был груб, раздражителен и Лера забыла, когда он в последний раз пришел домой трезвым. Сейчас она уже знала наверняка: жить в дальнейшем они вместе не смогут. Ей неприятно было смотреть как на его налившиеся кровью, бычьи, глаза, когда он являлся вечером после работы, так и на пустой, отсутствующий взгляд в выходные дни, когда он был дома и старался не пить. В них зажигалась какая-то искорка только тогда, когда дело касалось еды или просмотра очередного сериала. Лера знала, что развод – это вопрос времени. Она слабо представляла себе, как будет жить одна, с ребенком, в чужом городе, без средств к существованию – ведь этого больше всего боится женщина при разводе. Неопределенности. Безусловно, если бы у нее была квартира, временной фактор этого события был бы сильно сокращен.

Периодические беседы с Олегом во время его подвыпивше-любвеобильном состоянии, никогда ни к чему не приводили. Он падал ниц, целовал ее руки, признавался в любви и нёс весь тот сентиментальный бред, который городят пья-

ные мужа.

–

Олег, ты понимаешь, что так не может больше продолжаться? – обычно начинала Лера.

–

Да, понимаю, – отвечал он, опустив глаза в пол.

–

Если мы хотим сохранить семью, надо что-то предпринимать. Первое, что мы должны сделать – съехать от родителей, снять какое-то жилье. Пусть оно будет даже хуже. Мы

сможем начать новую, самостоятельную жизнь. Ведь этого нам не хватает! – продолжала Лера. – Если так пойдет дальше, развода нам не миновать.

–

Я не хочу разводиться, Леруня! – в глазах Олега в этот момент появились слезы. – Я люблю тебя! Да и где я такую найду, где я глаза такие найду?

–

Олег, пойми, я тоже не хочу с тобой разводиться. Я тоже люблю тебя и у нас Мишка. Мы могли бы прекрасно жить, но нам обязательно н

ужно разъехаться с родителями, – все это было правдой. Лера в то время свято верила, что лучше всего попытаться сохранить брак любой ценой – у ребенка ведь должен быть отец. То, что такие браки лучше не сохранять, а рубить на корню, она поняла гораздо позже.

–

Да-да. Я все понимаю, – к этому моменту Олег обычно стоял на коленях и обнимал Леру за бедра, – я готов, ищи варианты.

Беседы такого рода происходили с завидной периодичностью, варианты не так легко было найти и все забывалось до следующего раза. Но однажды, гуляя с Мишкой во дворе, Лера совершенно случайно, услышала разговор, что недалеко сдается квартира. Недорого. Записав номер телефона, вечером она поделилась радостью с Олегом, который сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

–

Какая квартира, Лера? – выпучил он свои глаза. – О чем ты? Да у нас двух зарплат не хватит на ее оплату. А на что жить, питаться?

–

Олег, ты не понял. Квартира недорогая.

–

Зачем нам снимать что-то и тратить лишние деньги? Я у себя дома и меня здесь все устраивает, – был ответ.

Конечно, ему было все равно. С родителями он практически и не сталкивался, приходя поздно вечером и, наскоро поужинав, уходя спать. Он боялся трудностей, связанных с ответственностью. А сейчас обязанностей у него не было вообще: холодильник всегда полон, квартира оплачена, ребенок присмотрен. Надо заметить, что молодые оплачивали часть

коммунальных услуг и давали какие-то деньги на питание, но все равно Олег знал, что в любом случае мама с папой позаботятся обо всем. Даже если он потратит всю зарплату на выпивку и друзей, с голоду умереть не дадут. А вот если жить отдельно – это совсем другая ситуация, и он, инфантильный и не приспособленный к жизни, не желающий никаких отклонений от постоянства, с которым он существовал и которое его устраивало, не собирался переходить на новый уровень. Даже ради своей семьи. Впрочем, считал ли он Леру с Мишкой своей семьей или же Мария Анатольевна так внушила ему свои постулаты, что он жил прежним составом: мама, папа, Олег и где-то там Лера. Ну и Мишка, которого он, наверное, любил. Любовью странною...

Шли дни, недели, месяцы... Каждый день был похож на предыдущий. Электричка-метро-работа-метро-электричка. Неприветливые насупленные лица свекров, кухня, нежные объятия Мишки на ночь (единственная радость) и нервное ожидание звонка в дверь: в каком сегодня состоянии явится Олег? Когда в комнате гасился свет, можно было вздохнуть спокойно: обошлось без скандалов и выяснений отношений. День закончен. Можно заснуть. До завтра. А что будет завтра?

Однажды окончательная стадия дня превзошла свои ожидания. Муж явился домой в таком состоянии, в каком Лера давно его не видела. Шатаясь, и будучи не в состоянии снять ботинки, он завалился в комнату. Свекровь тоже вылезла в

коридор.

—

Посмотрите на него! Сколько это может продолжаться? — Лера, если бы могла, вытолкнула бы его за дверь сейчас же. В грязных

ботинках, на ковер, где Мишка любил уютно расположиться и играть

в свои нехитрые детские игры. — Мария Анатольевна, скажите Вы ему, может он хоть Вас послушает! Я не могу больше!

Свекры зашли в комнату и стали стаскивать ботинки с ног своего пьяного сына, успевшего развалиться на расстеленной кровати. Тут Олега стало выворачивать прямо в постель. Лера вышла, не забыв сказать.

—

Я не собираюсь убирать за этой свиньей. Завтра же подаю на развод, — через

стеклянную дверь кухни она видела, как родители выносят белье с остатками ужина своего сына в ванную.

На следующий день она отправилась в суд и подала документы на развод.

И вот тут началось полное преобразование Олега. Он почти перестал пить, стал шелковым и, придя как-то после работы домой, радостно сообщил:

—

Леруня, у меня новость для тебя! Я сегодня ходил к на-

шему шефу, – такой, полный воодушевления голос, Лера последний раз слышала в самом начале их совместной жизни, – и как-то разговор зашел о квартире, о наших условиях. Он знает, что мы стоим на очереди. Но стоять можно долго... Так вот, он направил меня на работу к главному
, ответственному
за распределение кооперативных квартир, в мэрии. Он да-чу строит где-то на Можайке. Вот я и буду ездить, помогать. Глядишь, дело сдвинется с мертвой точки.

–
Здорово! – обрадовалась Лера.

–
Я сделаю все, чтобы ты изменила свое мнение обо мне. И, пожалуйста, забери заявление, – попросил Олег. – Ты не узнаешь меня.

Через некоторое время Лера забрала документы из суда. К этому времени она уже не работала с девочкой Катей. Фирма накрылась медным тазом, как и следовало ожидать. Сотрудники разбрелись кто куда. Бывший директор порекомендовал Леру своему другу, тоже открывшему фирму. Чем занимались, как назывались? Все это не имеет значения. Впоследствии ее постигнет та же участь. Но теперь к рутине электричка-метро прибавился еще и трамвай от Сокольников. Дорога занимала много времени, но Лере, не коренной москвичке, выбирать не приходилось. У нее не было знакомых, которые могли бы помочь ей с работой, и она любезно

приняла предложение друга бывшего шефа.

Под фирму снималась двухкомнатная квартира на первом этаже жилого дома, одну из комнат которой занимал босс, в другой располагались сотрудники. Шефом был мужчина среднего возраста, роста и телосложения. С водянистыми глазами и весьма облысевшим черепом, на макушку которого он зачесывал то немного, что осталось с боков. При произнесении его фамилии в воображении сразу всплывало нечто ужино-змеиное. Да и глаза его напоминали удава: вроде с хитринкой, но тяжелый гипнотизирующий взгляд. Тут же имелась и жена: симпатичная, верткая, энергичная брюнетка. Она появлялась изредка, оставляя за собой ауру жизнерадостности и смеха, что являлось полной противоположностью характера ее мужа. Пара приехала из Молдавии для создания большого бизнеса. Ну, а где благодатная почва для любого бизнеса? Все дороги ведут в Москву! Вот они и решили попытаться.

Через какое-то время после поступления Леры на работу, кажущееся счастье семьи Гадюкиных (так мы их будем именовать) начало медленно, но верно раскачиваться. Жена, симпатичная молдаванка, загуляла. Вернее, она почти нашла замену своему занудному мужу. А у него даже голос был тягуче-монотонным: говорил, как будто жилы вытягивал из себя. Перемены заметил весь состав фирмы. Сначала веселый смех жены был слышен в квартире-офисе все реже, а затем и вовсе смолк. Шеф ходил понурый, телефоны в квартире то-

же перестали быть активными. Бизнес стал идти плохо. Пошли разговоры о сокращении штата. А какой там штат? Три с половиной человека. И не смотря на то, что Лера не особо цеплялась за эту работу, следующая ее за углом не ждала, и очередь работодателей не стояла по ее душу. У нее все еще оставался страх, что она не сможет найти работу сама, без протекции. Компьютеризация, мощно охватившая пространства достойных офисов в то время, обошла ее стороной – у Леры в тот момент была задана своя программа: вынашивала, рожала, сидела. Основы, безусловно, преподавались у них в университете. Но какая теория без практики, которой у нее не было? И без которой очень неохотно принимали в солидные фирмы.

Настроение в фирме у всех было натянутым: каждый день как последний. И вот пробил час, когда босс-Гадюкин вошел в офис и заявил, что с завтрашнего дня один из сотрудников будет уволен. Кто? Он сегодня решит и объявит. Все «поджали хвосты» и ждали ответственного момента. Каждый был вызван «на ковер» с целью разговора. Уволили одну женщину, чуть старше Леры. Но все знали, что на этом точку ставить нельзя. Кто будет следующим?

Лера уже давно заметила, что Гадюкин, не смотря на любовь к своей изменщице-жене, посматривает на нее с неизменным мужским интересом. В один прекрасный морозный день, она, опаздывая на работу, бежала с трамвая. Гадюкин шел на встречу. И тут, при дневном освещении, а не в стенах

темного офиса, он рассмотрел, что сотрудница его, оказывается, очень красива: зеленые глаза блестят из-под дугообразных черных бровей, щеки раскраснелись от мороза, пепельные шелковые волосы, выпавшие из-под капюшона, рассыпались по спине. Фигурку точеную-стройную подчеркивает дубленка в обтяжку. И не смог он даже пожуричь ее за опоздание в этот момент. Просто улыбнулся и промолвил:

—

Лера, мне нужно с тобой поговорить. Но не в офисе. Ты можешь зайти сегодня в тринадцатую квартиру, скажем в три часа дня? — продолжил он, не обращая внимания на удивленный взгляд молодой женщины.

Лера пожала плечами неуверенно:

—

Хорошо...

—

Вот и здорово. Не забудь только!

Придя в офис, Лера поделилась произошедшим событием с Людой, работающей здесь значительно дольше. Она была гораздо старше, умнее и мудрее.

—

Ну что, девка, тебе сказать..., — начала Люда, — готовься.

—

К чему? — наивно поинтересовалась Лера.

—

Ну не к чаепитию уж точно, — усмехнулась Люда.

–

Ты что, думаешь... , – она не договорила, подразумевая то, что в данном случае у обоих было на уме.

–

А что он не мужик, что ли?

–

Но он ведь обожает свою жену, смотри похудел как, подурнел. Не следит совсем за собой.

–

Ой, Лерка, мужики все одинаковые, – вздохнула Люда. – Кобели! А что ему мешает продолжать любить ее и трахнуть тебя?

–

Я не собираюсь с ним, ты что?

– округлились глаза у Леры.

–

Я тебе вот что скажу. Подумай, прежде чем принимать решение. Ты хочешь остаться на этой работе?

Лера неуверенно пожала плечами, что означало: ну, вроде.

–

Так дай ему! – припечатала Люда. – От тебя не убудет. Но тогда он тебя точно не сократит.

–

Он мне противен, если честно.

–

Смотри сама, иначе следующей будешь ты.

В три часа дня Лера звонила в дверь квартиры номер 13. Гадюкин моментально распахнул ее: создалось чувство, что он стоял по ту сторону и ждал. Нервно осмотрел лестничную клетку: нет ли кого.

—

Пришла... Заходи, Лерочка! Я так рад..., — глаза его светились.

Квартира была убогой, практически без мебели. Гадюкин подошел к окну и стал говорить. Он что-то рассказывал: о себе, жене, детях... Как исповедовался. Лера слушала его вполуха и пыталась понять, что она здесь делает. Босс говорил много и долго, и постепенно Лера поняла, что ее старшая подруга, наверное, ошиблась в своих догадках: ему просто надо было выговориться. И слушателем он почему-то выбрал ее, Леру. В этот момент диалог его достиг своего апогея:

—

Вот чего ей не хватает, чего? — обычно монотонный бубнящий голос Гадюкина приобрел зычные нотки, — никто никогда ее так не будет любить, как я. Да мы столько прошли вместе, чтобы приехать в Москву, достичь здесь чего-то. А дети? — и в этот момент он заплакал. Обычными, совсем не начальственными, слезами. — Я ее так люблю, жизни не представляю без нее, да и не нужна мне эта жизнь. Мне детей жалко.

Лера совершенно произвольно сделала то, что совер-

шил бы каждый человек по отношению к рыдающему: мужчине ли, женщине. Она подошла к Гадюкину и дотронувшись до его плеча, произнесла:

–

Ну не надо... Все наладится, все будет хорошо, вот увидите! В жизни все бывает, у вас ведь дети, куда она уйдет?

Но ее жалостливое настроение Гадюкин истолковал совершенно неверно. Он, продолжая всхлипывать, но уже успокаиваясь, как-то конвульсивно принялся копошиться с ширинкой своих штанов, расстегивая их. На свет появился большой набухший предмет мужской гордости.

–

Возьми его! – полупросяще-полуповелительно сказал шеф. – Пожалуйста!

–

Что Вы... – Лера попыталась призвать его к совести, но ей не дали договорить.

–

Да ладно, чего ты. Ведь знала, зачем идешь! Приласкай его, – Гадюкин пытался передать свой жезл, как эстафетную палочку, Лере в руку.

У молодой женщины в голове творилось нечто невообразимое. Никогда ее еще так не унижали. Всплывали советы Люды, перспектива остаться на улице даже без тех грошей, которые она зарабатывала, и неприятное чувство по отношению к боссу. Инстинктивно, она взялась за восставшую

плоть Гадюкина.

—

Опустись на колени, Лерочка! Пожалуйста, поцелуй его! — умолял он с придыханием.

Опуститься-то Лера опустилась, но моментально вскочила: да за кого он ее принимает! Нашел себе бесплатную девочку по вызову! Что он себе позволяет! И она, развернувшись, вышла из квартиры.

Позже, выражение «тринадцатая квартира» долго являлось поводом для смеха и шуток между Лерой и Людмилой, а тогда... Через некоторое время, не сразу, бизнесмен Гадюкин, приехавший из Кишинева покорять столицу, уволил Леру. За несговорчивость, наверное. Хотя, как знать, быть может та же участь постигла бы ее, будь она менее строптивой.

Прошел год.

Олег все лето ездил работать на строительство коттеджа уважаемого человека из мэрии, и молодым выделили квартиру в строящемся кооперативе. В новом микрорайоне Митино. Правда, никто не оглашал точных сроков сдачи дома, но все же какой-то лучик в конце беспросветного темного тоннеля забрезжил. Не могут ведь дом десятилетиями строить!

В те годы очень популярным изданием являлась газета «Из рук в руки». Здесь можно было купить-продать, найти

работу, отдать что-то в хорошие руки и даже познакомиться. Интернета тогда не было и москвичи охотно давали объявления в надежде заполучить желаемое или сбавить ненужное. Сюда Лера и дала объявление о поисках места работы – после того, как была уволена кишиневским бизнесменом. Объявление было составлено грамотно. Ничего лишнего, никаких фраз типа «интим не предлагать», которыми пестрели столбцы представительниц слабого пола. Все по делу: возраст, профессиональные навыки, опыт работы. Звонки посыпались сразу, и женщина поняла: как же она ошибалась, боясь быть уволенной Гадюкиным. Безусловно, многие были отсеяны за ненадобностью, некоторые офисы Лера посетила. В один из них ее приняли.

Секретарем, коих было у шефа двое и которые чередовались посменно. Одна – с утра, вторая – после обеда. Приличный офис, солидное руководство, все путем. Зарплата – не бог весть какая, но персонал кормили завтраками-обедами и даже ужинами, для припозднившихся в офисе (если оставалось что-то с обеда). Пустячок, а приятно. Не надо тратить и думать о хлебе насущном.

С Олегом было сносно. По крайней мере он всю пытался вновь завоевать любовь и доверие Леры. А постель продолжала оставаться холодной: устал, не могу, давай как-нибудь потом. Молодая жена пыталась и так, и этак, в ход пускались любые ухищрения – тщетно. Лера пыталась сделать какие-то попытки, разобраться в происходящем.

—

Олег, если тебя что-то тревожит

, — шептала она в темноте после очередного краха сближения, — скажи мне. Не таи в себе. Я твоя жена и люблю тебя. Мы вместе будем решать эту проблему. Пойдем к сексопатологу — у меня есть знакомый, мы в электричке познакомились. Он мне свою визитку дал.

—

У меня все в порядке, — Олег на разговор не шел и твердил одно и то же.

—

Но так не может продолжаться, если мы хотим дальше жить вместе. Мы же не доживаем свой век, а только начинаем... Ты понимаешь это?

—

Да.

—

Так давай же что-то предпримем. Сама по себе проблема не решится. Сколько мы уже не спим вместе? Чем дальше — тем тяжелее будет.

—

Все будет нормально.

—

Да что же нормально, Олег? Почему ты обо мне не подумаешь?

Но Олег всячески увиливал от исполнения супружеского

долга. Фраза «супружеский долг» – хуже не придумаешь, отдает социализмом и обязательствами. Как занятия любовью можно назвать долгом? Любовь ли, долг ли, как хотите назовите, но Лера тихо сходила с ума без мужчины. Что она только не придумывала, чтобы распалить страсть в Олеге: начала гладить и целовать его, когда он засыпал, ласкала себя, издавая томные звуки. Обычно муж вскакивал и, вытаращив глаза, кричал:

–

У тебя не все в порядке с головой.

–

У меня-то как раз все в порядке, – Лера понимала, что все без толку. Она только унижает себя этими действиями. И прекратила инициативу вовсе.

Любимым местом ее уединения стала ванная комната. Забравшись с ногами на стиральную машину, она ласкала себя, гладила по животу, груди, опускаясь все ниже и, наконец, добравшись до самой чувствительной точки, замирала от напряжения: оттянуть момент как можно дольше. А затем – спасительные волны растекались по всему телу: от кончиков пальцев ног до мозга.

Несколько раз с ней знакомились мужчины: в транспорте, на улице. Только один из них задел тонкие струнки ее души. Интересный брюнет до тридцати, атлетического телосложения. Женат. Они встретились несколько раз, погуляли по Москве и даже забрели на какую-то выставку в Манеж.

Для предварительного, более глубокого знакомства. Не сразу же в койку лезть? Хотя и ежу ясно, для чего эти двое завели знакомство. Изучив внутренний духовный мир друг друга в течение этих нескольких встреч, дело встало за главным: где осуществить знакомство более близкое? Места для уединения нет: у него дома жена, у Леры – полна коробочка. Саша, как звали потенциального любовника, решил проблему по-своему.

В сырой зимний день Лера с Сашей отчалили от одного из московских вокзалов, сидя в электричке друг напротив друга. Ситуация была неприятна им обоим. Саша, понимая весь абсурд происходящего, держал Лерины руки в своих:

–

Ты не представляешь, как я хочу тебя, Лерочка! Ну что делать, если нет места. Давай только разочек попробуем таким образом, а потом я что-нибудь придумаю.

Лера молчала, внутри ее раздирали противоречия. «Ну почему, почему я должна оказываться в таких унижительных ситуациях? – размышляла она. – С врачом, сейчас вот опять. Чувствовать себя падшей женщиной, изменщицей. Только потому, что у Олега что-то переклинило. Мне ведь всего двадцать восемь, а что будет дальше?»

Выйдя на серой безликой платформе Перловка, они двинулись по направлению к одинаковым, как близнецы, домам, располагающимся неподалеку от станции. Молча поднялись на этаж и зашли в квартиру, с замком которой Саша справил-

ся не без труда. Фраза «взять ноги в руки» как нельзя лучше описывала Лерино состояние. И бежать без оглядки. Такого убожества она не видела никогда в своей жизни. Абсолютно ясно было, что квартира сдается для таких именно встреч: повсюду стройными рядами стояли пустые бутылки, свидетельствующие о том, что приходящие сюда сначала напиваются, а потом занимаются тем, ради чего здесь и появились Лера с Сашей. Бутылки занимали и половину комнаты, интерьер которой составляла кровать дореволюционного производства, застеленная чем-то несвежим, и маленький кресло-диванчик. Настоящий притон. Саша, по всей видимости, тоже ожидал чего-то более приличного.

—

Лерунь, извини меня, что не смог привести тебя в более достойное место, но мне сказали, что здесь очень прилично, — сказал он в свое оправдание, — хотя чего можно было ожидать. Квартира сдается на два-три часа. Сколько же она людей принимает...

—

Давай уедем отсюда, — произнесла наконец Лера. — Я не смогу здесь...

—

Да-да, я понимаю, сейчас уедем, — Саша обнимал Леру. — Раз уж приехали, давай просто побудем вместе. На час квартира наша.

Лера стояла у окна и ей хотелось рыдать. Внизу проезжали

машины, люди торопились побыстрее прийти домой и расположиться на уютной кухне. Еще один короткий зимний день молодой женщины уходил, оставляя за собой разочарование. Перед ее глазами всплыл образ Олега, в общем-то неплохого человека, пытающегося, по крайней мере, сохранить семью; маленького Мишки, которого ей сейчас так захотелось прижать к себе и почувствовать запах его пшеничных волосиков. «Что я здесь делаю? – отвращение переполняло Леру. – В этом притоне, куда водят дешевых шлюх, вливают в них алкоголь, а потом трахают, кто во что горазд. У меня есть семья, дом. Что я здесь делаю, что меня занесло сюда?» Внезапно взгляд ее упал на Сашу, на коленях которого она сидела. «Ах да! Желание, неумемная страсть, сексуальное бешенство, которое мне необходимо удовлетворить. Но почему так? Неужели нельзя как-то иначе?»

Саша тем временем покрывал ее поцелуями.

–

Саша, давай уедем! – повторяла Лера. – Нет сил здесь оставаться.

–

Да-да, милая, сейчас, – он продолжал целовать ее, медленно опускаясь на колени.

И вот он уже без рубашки. Леры не могла оторвать взгляд от торса, такого накачанного, мужественного. В другую сторону полетели его джинсы.

–

У меня нет сил ждать еще. Я хочу увидеть
, целовать тебя всю, – шептал он.

Быстро расстелив свои вещи на кровати-революционерке, он схватил Леру на руки и бережно уложил сверху, одновременно доставая свою набухшую плоть... Наверное, не только мужчина должен быть готов к бою в совокуплении. В данном случае, Лера, под впечатлением своих грустных мыслей, не смогла раскрыться для слияния с сексуально заинтересовавшим ее партнером. Было больно и неприятно, как в первый раз... Ничего не вышло. Назад ехали опять молча.

Саша, не смотря на конфуз, продолжал Лере позванивать – как же еще общаться-то? До встреч дело не доходило: то у него появились непредвиденные обстоятельства, то у нее не было времени. И вот, в один из выходных дней, когда Олег с Лерой, в прекрасном расположении духа, сидели на кухне и о чем-то беседовали, зазвонил телефон. Трубку взял Олег.

–

А кто ее спрашивает? – услышала Лера и, по налившимся кровью глазам Олега, сразу поняла, кто ей звонит.

–

Слышь ты, знакомый, еще раз позвонишь – костей потом не соберешь, понял? Ты меня понял? – заорал Олег, сделав паузу и перебивая сбивчивую речь Саши, который пытался, по всей видимости, что-то объяснить.

Нетрудно догадаться, что потом произошло на кухне. Олег орал, матерясь на чем свет стоит и топя ногами; Лера,

как могла, пыталась что-то объяснить, смягчить ситуацию. Закончилось все взаимными слезами.

—

Не звони мне больше, – сказала она Саше, когда он в очередной раз попытался связаться с ней. – Ты мне чуть семью не разрушил. Ты что, не мог просто повесить трубку? Знаешь ведь, что я замужем.

А Олег опять стал пить. Правильно говорят в народе: «Мужик должен быть постоянно чем-то занят, ему надо находить дело». Во время работ в выходные дни на благо получения жилья, у него просто физически не было времени на выпивку. Будние – одна работа, выходные – другая. Прийти, поесть, лечь спать.

И Лера решила испробовать еще один шанс. Заговор. Сарафанное радио принесло ей адрес нужной женщины в подмосковной деревне, которая якобы делает отворот алкоголиков от выпивки. «Еду, – решила Лера. – Терять нечего! А может и вправду поможет! Хуже не будет!» Когда человек отчаивается, он хватается за любую спасительную соломинку.

Не хотела она терять Олега, не смотря ни на что. Характер плохой? А где можно найти лучшего? Каждый со своим... «Он добрый, – уговаривала она себя, – квартира будет, съедет от родителей, глядишь более ответственным станет. Глава семейства. И денег особо на выпивку не будет – обставить надо, ремонт сделать. Свое ведь!» Так размышляла она, глядя в окно электрички, уносящей ее к бабке-гадалке.

Приехать нужно было ни свет, ни заря. Очередь стояла нешуточная. В дом сразу всех желающих не впускали, и женщины, – а здесь были только они, – сидели на лавочках во дворе. Вызывали по несколько человек и, не смотря на то, что Лера приехала очень рано, попала к гадалке она только к полудню. Уж чего она не наслушалась в очереди! Ее проблема казалась такой смешной и пустяковой по сравнению с остальными. Сколько людей, столько бед. И болезни приходили исцелять неисцелимые, и мужа привораживать, который ушел из семьи и оставил мал-мала-меньше. Всего не упомянешь.

Лера предусмотрительно взяла с собой бутылку водки и майку Олега, как ей было наказано. Женщина средних лет что-то посмотрела на воде, предварительно положив туда камушки, через которые Лера передала свою энергию. Что-то пошептала, прочитала молитву, проколола Лере палец иглой, уронила капельку ее крови в бутылку с водкой и наказала, что делать со всем этим добром. Назад наша героиня ехала в хорошем расположении духа и полной уверенности, что Олег допивает свою последнюю в жизни бутылку водки. Свекровь, заранее осведомленная о поездке, встречала дома с вопросами. Лера все рассказала, настрого предупредив о том, что делать и чего делать нельзя.

Вероятно, Олег к заговорам и молитвам был стоек: не действовали они на него. Надо отдать должное, впервые выпив из этой бутылки, он все отдал назад. Так, в принципе, и бы-

ло предусмотрено гадалкой. Водка должна была выходить сразу же после выпивки и таким способом вызвать отвращение пьющего раз и навсегда. А потом все вернулось на круги своя. Остальная часть жидкого горючего была уничтожена без вреда для здоровья. Съездила Лера и во второй раз в подмосковную деревню. С новой бутылкой. Была принята как своя, без очереди и ожидания. Не принес заговор результата, и у Леры в отношении Олега опустились руки.

Приблизительно в это же время у нее начинается роман с лучшим другом мужа, Антоном.. Он давно нравился Лере, еще до свадьбы. Интересный брюнет с жесткими мужскими чертами лица, высокий, хорошо сложенный. В очках, которые делали его красивые карие глаза немного детскими, растерянными. Несколько лет он служил в армии в качестве офицера, после института, даже на свадьбу не смог вырваться к ним. И вот только недавно вернулся. Ни с кем не встречался. Имел свою квартиру.

Конечно, самое последнее дело – спать с женой друга. Но тогда, сохраняя полную конспирацию во всем, ни Антон, ни Лера об этом не задумывались. Она приезжала после работы к нему домой и наконец-то получала то, о чем мечтала все это время. Мужчину, который ее безумно притягивал и удовлетворял в нормальных условиях, а не в сауне. И, самое главное, приятное ощущение того, что здесь ценят не только ее тело, но и душу. Они что-то готовили вместе, ужинали, болтали, смеялись, занимались любовью... И все было

бы прекрасно, если бы не одно «но». Долго так продолжаться не могло. Антон, являясь нормальным полноценным мужчиной, потенциальным женихом с собственной московской квартирой и пропиской в придачу, не мог постоянно встречаться с замужней женщиной. Вернее он, инертный, как и многие московские мужчины по своей природе, мог. И долго мог. Но в его большом семействе очень хотели женить Антошу. На девушке из хорошей семьи. И среди многочисленных родственников постоянно шло копошение с целью познакомить Антона с кем-нибудь. Только за время тесного общения Леры с данным персонажем его знакомили раз пять. Но он оставался верен ей. Она же так привязалась к нему – хорошему, ласковому и, вместе с тем, такому страстному и темпераментному, что даже не хотела думать о том, что рано или поздно все закончится. Сидя на работе, стоило ей представить его сильные руки, накачанный торс, жесткие волосы, в которые Лера любила запустить пятерню, глаза, которые становились такими незащищенными, когда Антон снимал очки во время секса, ей сразу же хотелось все бросить и бежать к нему в объятия.

Олег тоже принимал активное участие в поисках невесты для своего лучшего друга. Как-то устроили посиделки, куда пригласили Катю и где, «совершенно случайно», там оказался Антон. Вечер прошел прекрасно, Катя Антону понравилась и он отправился проводить ее домой. Лера старалась держать себя в руках и не выдать Олегу своих настоящих

чувств. На следующий день она сразу же позвонила подруге: узнать, как все прошло. Катя сообщила, что кавалер ей не понравился и, вообще, не понятно зачем он навязался провозжать ее. Лера, в принципе, предполагала такой расклад.

Катя была та еще штучка. Девушка, очень большого мнения о себе, искала как минимум принца без коня. И не беда, что росточком не вышла, и фигуркой, и вместо грудки два прыщика, а вокруг длинноногие модели порхают с пышными бюстами. И дело даже не в том, что у моделей мордочки-то глупенькие, а Катя – москвичка с высшим образованием и двумя квартирами в будущем. Она терялась в догадках: почему именно таких, длинноного-глупеньких, принцы любят? Ну не принцы, но мужчины с толстым кошельком. Сколько же проходило их через нее в течение дня!

Катя работала в секции дорогого белья, куда такие вот дяденьки водили своих любовниц или будущих жен для того, чтобы приобрести им два маленьких кусочка дорогушей кружевной ткани: прикрыть те самые места, ради которых, собственно говоря, дяденьки и любили этих самых глупых моделей. Секция дорогого белья в самом дорогом магазине Москвы «Петровский Пассаж». Вот где сейчас работала девочка Катя, которая к этому времени уже была девушкой, а физиологически – женщиной. Девственности ее лишил дяденька, годящийся ей в отцы, в пору работы в непонятной фирме. Где деньги платили ни за что. Дяденька был симпатичен, галантен и быстро заметил на этаже молодень-

кий, нетронутый никем бутончик. Который он впоследствии и превратил в нежную розочку. Сделать это было несложно: несколько душевных разговоров в ресторанах, куда он возил Катю на роскошном БМВ, преданный «влюбленный» взгляд красивых карих глаз, поездка в хороший дом отдыха на выходные. Именно в таком порядке. Катя влюбилась сразу и безоговорочно. И потом, через несколько встреч после того, как дяденька удовлетворил свое любопытство и устремился на поиски других нетронутых бутонов, стала жить его телефонными звонками. Все как обычно, все как у всех. Первый мужчина – самая большая и сильная любовь. Долго пришлось Кате забывать мужчину, которого она, в идеале, хотела видеть рядом с собой. И не беда, что он гораздо старше и женат – молодым девчонкам ведь часто нравятся мужчины возраста их отцов. Ну, а жена – не стена, можно и отодвинуть. Умен, интересен, галантен, умеет себя вести, богат – вот были основные критерии выбора кавалера. Ну и где она найдет те же качества среди сопливых одногодок? Посему и сидела девушка Катя в гордом одиночестве в своей шикарной московской квартире и даже не пыталась знакомиться с кем бы то ни было.

–

Катя, годы идут очень быстро, – поучала ее старшая подруга Лера, после того, как та отказала в свидании своему бывшему однокурснику. – Не заметишь, как двадцать пять, а потом и тридцать... Встречайся, тебя ведь не замуж зовут,

и не в постель. Ты сама выбираешь. По крайней мере, у тебя будет опыт общения и ты научишься разбираться в мужской психологии.

—

Что он мне может дать? — был ответ. — Поехать в кафе на метро, выпить кофе? Он мне неинтересен. Мне с ним не о чем говорить...

Безусловно, наш герой Антон не произвел на нее впечатление, он даже не работал в то время. Однако он проявил настойчивость и Лера узнает от Олега, что ребята встретились еще раз. Который и стал последним.

Лера потирала руки, но знала, что недолго ей осталось нежиться в объятиях любовника. Все чаще и чаще слышала она от Олега, что Антон опять встречался с потенциальной невестой. Сама же свою страсть по отношению к нему она сдерживала с большим трудом. Если они втроем шли в кино или просто сидели в гостях у Антоши, она, улучив момент, когда муж выходил, не могла сдерживаться. Хоть до руки дотронуться, хоть вскользь поцеловать. Играла с огнем, одним словом.

Увлечшись Антоном, она поняла, что не любит своего мужа. Да и не любила, наверное, никогда. Просто привыкла, просто относилась тепло, как к мужчине, чье семя, превратившееся в плод, выносила и родила. И теперь она уже точно знала, что развод неминуем. Это всего лишь дело времени.

И вот этот момент настал.

Летом Лера решила навестить родителей, которых давно не видела. Финансовая ситуация для поездки в семье была напряженной. Лериной зарплаты и отпускных хватило только на билеты. Как быть, как потом существовать до следующей зарплаты? К этому времени Олег, и до этого не отдающий всю получку в дом, вовсе перестал давать деньги на жизнь. Только в случае крайней необходимости, да и то свекрови, на Мишку. А так – каждый сам за себя. На кухне давно стояло два холодильника: один – «стариковский», второй – холостяцкий трофей Леры, присланный в контейнере с остальной мебелью после свадьбы и «отдыхающий» на даче до лучших времен. Которые настали... Безусловно, Олег не стеснялся доставать продукты из холодильника родителей, если в своем было пусто, а Лера оставалась на сухом пайке до завтрашнего дня.

–

Езжай, Лера. Тебе надо отдохнуть, родителей повидать, да и нам хорошо бы какое-то время пожить отдельно, подумать о жизни друг без друга. Глядишь, чего и надумаем.

– подбодрил он сомневающуюся жену.

–

Да я бы с удовольствием, но не знаю, как с деньгами выкручусь. Я получу аванс не скоро после приезда. На что жить?

–

На счет денег не переживай – приедешь, я тебе отдам всю

свою зарплату, – успокоил Олег.

И Лера поверила. Взяв отпуск на две недели, она уехала с сыном. Четырнадцать дней прошли быстро и, вернувшись, она буквально осталась без копейки денег.

–

Олег, ты ведь обещал, что поможешь..., – завела она разговор.

–

Фиг тебе, а не деньги, – он был в этот момент зол. На нее ли, на себя ли, а может просто на жизнь. В последнее время это являлось его стабильным состоянием – озлобленность.

–

Мишка с родителями на даче. А ты иди гуляй, слышишь? – прикрикнул он на нее, когда она сделала слабую попытку что-то возразить. – Радуйся, что вообще живешь здесь бесплатно.

И он добавил что-то смачно-нецензурное в ее адрес, от чего сам и развеселился.

–

Ну и сволочь же ты, – только и смогла произнести Лера.

Было горько, обидно и гадко. И она ощутила такую волну отчаяния и одиночества... Никому на всем белом свете она не была нужна. Никто не интересовался: как ты, сыта ли, счастлива ли, что у тебя на душе? Родители? Как они могут помочь? Лера, будучи дома, даже не стала жаловаться на Олега и описывать ситуацию, как она есть. Заранее знала,

что услышит:

—

Не руби с плеча, спрячь свой норов подальше. Какой не есть, а муж. Где ты, разведенная, с ребенком найдешь кого-то другого? Да и в семье ты приличной. Знаю я твой «характерец», — талдычила одно и то же ее мать, с которой Лера когда-то была очень близка.

Материально помочь они никогда не могли — сами нуждались, и ожидали, что рано или поздно дочь, вырвавшаяся в Москву, будет помогать им.

—

Ты отрезанный ломоть, — часто повторяла мать.

Кроме Мишки никого у нее на белом свете не было, и от этой мысли хотелось выть.

После этого случая Лера дала себе зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах ни от кого не зависеть по жизни. И всегда иметь в наличии сумму денег, «нз» — неприкосновенный запас. Надо заметить, единственный жестокий урок пошел впрок и всю жизнь Лера держала перед собой свое слово.

Время до следующей зарплаты прошло, с голоду она не померла. Благо, на метро был месячный проездной, а в офисе кормили-поили.

С Антоном все закончилось так же неожиданно, как и началось. История умалчивает о том, нашел ли он свою, единственную. Или просто ему надоела прямолинейная, честная,

страстная Лера. Или же он не хотел терять друга, а этого было бы не избежать, если бы отношения между ними двумя продолжались: все тайное становится когда-нибудь явным.

Денег катастрофически не хватало, в офисе поговаривали о скором отъезде владельцев за рубеж. Соответственно, о повышении зарплаты никто даже не заикался. И Лера опять взялась за газету «Из рук в руки». Разместила правильное объявление без слов «интим не предлагать», и стала ждать звонков. Они посыпались сразу. Все было не то...

Однажды вечером, в очередной раз подняв телефонную трубку, она услышала приятный баритон. Спрашивали ее. По поводу работы.

–

Вы когда-нибудь были на Тенерифе? – поинтересовалась трубка.

–

??? Где?

–

Это один из Канарских островов, – объяснил баритон.

–

А-а-а, – протянула Лера. – О Канарских островах я, конечно же, слышала, но вот бывать там не приходилось.

–

А вы хотели бы поработать там? – опять поинтересовалась трубка.

Лера подумала, что с ней шутят. Какие Канары? Но она

не стала сразу же разуверять собеседника в своей профнепригодности для работы на этом сказочном острове. Да-да, в те годы сочетание «Канарские острова» – это было какое-то нереальное место на земном шаре, куда ступает нога только очень счастливых, везучих и богатых людей. Да и то, ступают ли? Не выдуманные ли это экзотические острова, которых вообще не существуют в реальности? Но Лера продолжила диалог.

–

Наверное, язык надо знать? – предположила она.

–

Что у Вас с английским?

–

Понимать – понимаю, база есть, разговорный – в глубоком пассиве, – нашлась Лера, немного приукрасив реальное состояние дел. А может вовсе и не подвох, может действительно Канары – ее шанс?

–

Вы знаете, – сказала трубка, – на самом деле язык и не особо нужен. Работать Вы будете с нашими соотечественниками, русскими. Очень важно, чтобы Вы имели презентабельную внешность, приятные манеры, обаяние. Это главное, а язык очень быстро можно наверстать, – пообещал баритон.

На самом деле важны даже такие мелочи, как Вы, например, держите чашечку кофе... Вы должны уметь расположить к себе клиента. Давайте вот что. Я предлагаю Вам

встретиться завтра в семь, возле ресторана Макдональдс на Пушкинской. Вас устраивает? Там обо всем и поговорим.

—

Хорошо, — согласилась Лера, все еще слабо веря в реальность разговора.

Договорившись, как им опознать друг друга, абоненты отключились от сети. Лера сидела на диване, как будто пыльным мешком кто по голове ударил. Она не верила в происходящее. «Господи, если это мой шанс, не дай мне упустить его, — молила она. — Смилоствисься надо мной. Я устала от беспросветности, безденежья, нелюбви, которая меня окружает. Дай мне шанс!» На самом деле, она прекрасно понимала, что обладатель прекрасного баритона встречается в Москве уж точно не с ней одной, и что шансов у нее один на миллион. А где вероятность того, что она не выиграет этот миллион?

На следующий день, после работы, она спешила к ресторану Макдональдс, что на Пушкинской. Первый Макдональдс в Москве. Лера вспомнила, как они с Олегом отстояли два часа в очереди в один из первых дней его открытия. Всем ведь хотелось попробовать кусочек заграницы, ощутить себя, хоть ненадолго, приобщенным к заграничной еде. Своя только стала заполнять пустые прилавки магазинов, а тут — Макдональдс. Они тогда набрали всего на невероятную сумму. Привезя домой уже успевшие остыть булки с котлетами, выложили перед ошалевшими родителями.

—

На эти деньги столько нормальной еды можно было кушать, — только и сказала свекровь. — Не вкусно!

Сейчас очереди при входе уже не наблюдалось, и Лера стала высматривать загоревшего мужчину в синем пиджаке с дипломатом. Сама она оделась по деловому, но с долей кокетства. На дворе стояла осень и сверху на шелковый черный брючный костюм она набросила бутылочного цвета коротенький расклешенный плащик с воротником-пелеринкой, который делал ее очень женственной. Приметив, наконец, предмет своих поисков, она подошла к металлическому столику на террасе при входе в ресторан. Мужчина, увидев Леру, встал, успевая одновременно внимательно оценить ее и ответно пожать протянутую, в знак знакомства, руку.

Мужчина был старше Леры. Сухой, поджарый, среднего роста, очень загоревший брюнет с волосами цвета вороньего крыла, блестящими то ли от жира, то ли от геля, нанесенного на них. Глаза его были пронзительные ярко-синие. Каждый раз, когда он улыбался, загар оттенял неестественно белоснежные зубы, и создавалось впечатление, что он их отбелил. В России зубы у населения, в основном, были с легким налетом цвета слоновой кости, отбеливать тогда еще было не принято и выглядело это настораживающе-притягательно. Темно-синий костюм придавал глазам васильковый оттенок синевы.

Завязалась беседа. Ненавязчивая и какая-то моменталь-

но легкая. Впрочем, Лера настроила себя на то, что надо быть самой собой: не комплексовать, не стесняться. Естественность – вот главный ключ к успеху. А природного обаяния ей было не занимать. Что ей терять? Худший вариант – ее просто не примут. Быть может, если бы на встречу пришел суровый мрачный бизнесмен-капиталист, она вела бы себя совсем по-другому. Но когда она увидела представителя фирмы, то и вовсе осмелела. Вид у него был непрезентабельный. Сам он, не смотря на отбеленные зубы и улыбку, не сходящую с лица, нервный и дерганый. И Лера расслабилась окончательно.

Они пили кофе и беседовали. Ни о чем. Разговор не касался ни профессиональных навыков, ни работы. Он интересовался ее жизнью и, по всей видимости, пытался найти то, что хотел увидеть в будущем сотруднике. Потом рассказал о себе: родом с юга России, гражданин Австрии уже много лет, работает на Канарах достаточно давно. Не прошло и полчаса, как Юрий (так звали представителя) торжественно провозгласил:

–

Вы приняты на работу.

Лера не знала, что и думать. Еще ни слова не было сказано ни об обязанностях, ни о зарплате, ни об условиях. Впрочем, она вообще забыла, что пришла на интервью. За интересным разговором ей казалось, что она на свидании.

–

Вы, наверное, думаете, что это какая-то афера или шутка? – поймал Юрий ее удивленный взгляд. – Я понимаю... Сейчас я все покажу и вы поймете.

И он стал открывать дипломат, доставая какие-то бумаги.

–

Вот документы фирмы, где я работаю. Меня прислали в командировку специально подобрать сотрудника для русской линии. Мы занимаемся таймшером – слышали, что это такое?

Лера отрицательно замотала головой. И он стал рассказывать, подсовывая ей какие-то бумаги на английском языке. Говорил он сбивчиво, со свойственными ему, как уже успела заметить Лера, проскальзывающими нервными нотками.

–

Вы знаете, что мы сейчас сделаем. Тут недалеко находится наше московское представительство, – Юрий поймал недоверчивый взгляд женщины, – чтобы Вы окончательно поверили в происходящее мы пойдем туда и познакомимся с руководителем. Я думаю, он еще там, – Юрий бросил взгляд на часы.

Идти до офиса было минут десять. Все это время Юрий радостно повторял:

–

Вы не представляете, как я счастлив, что нашел наконец то, кого искал. Я встретился, наверное, с пятьюдесятью женщинами в этом Макдоналдсе.

Меня там уже знают, кофе

в глотку не лезет. Все не то... Я уже думал, назад уеду ни с чем. И тут Вы! Я так рад, так рад!

Они вошли в один из старых московских дворишков, оттуда – еще в одну арку, и оказались в тупике, где находилась еле заметная маленькая дверка, ведущая в полуподвал. Лера стало не по себе, но виду не подала. Зашли. По темному узкому коридору сновали какие-то нерусские смуглые черноволосые мужчины. Вот тут Лера струхнула. «Вот дура, – думала она. – Сейчас изнасилуют, прибьют и концов потом никто не найдет. Здесь же закопают. Что же я за наивная дура такая?» Но смело зашла в комнату, дверь которой галантно открыл перед ней Юрий. Стены тускло освещенной комнаты были завешены коврами ручной работы.

–

Присаживайтесь, сейчас босс подойдет, – предложил Юрий.

Лера опустилась на один из кожаных диванов, стоящих здесь. В жилах застыла кровь. Что дальше? Неужели конец? Кричи-не кричи: никто не услышит. Но держалась мужественно и даже натянула на губы улыбку – изображаем радость. Дверь отворилась, и вошел настоящий русский мужчина. Улыбающийся не белыми, а цвета слоновой кости, зубами. С голубыми добрыми глазами, полненький, но такой свой, родной, московский, что Леру напряжение сразу отпустило: ничего плохого не произойдет.

–

А вот и Сергей Алексеевич, – радостно объявил Юрий, протягивая руку мужчине.

–

Можно просто Сергей, – вошедший рассматривал Леру, не переставая приветливо улыбаться.

–

А это наша новая сотрудница, Валерия. Нашел, нашел! Я не верю в это! – какая-то нереально-искренняя радость была через край, и Лера не могла понять: чему так радуется этот человек. Нашел-не нашел, уехал бы назад. Что здесь такого? Он же для фирмы ищет, а не для себя персонально.

–

Очень приятно, – отозвался Сергей, усаживаясь за свой письменный стол. – Он так переживал, что уедет ни с чем... Поздравляю тебя, Юра! Хороший выбор!

–

Мы не будем тебя долго задерживать, Сережа! Я просто привел показать Лере наше московское представительство, чтобы у нее не закралась мысль о нереальности происходящего.

Перебросившись парой-тройкой фраз, они покинули офис и вышли на Бульварное кольцо.

–

Вы где живете? Я Вас подвезу на такси, – вызвался Юрий. – а потом поеду в свою гостиницу.

Сама любезность, – думала Лера, сидя рядом с представителем фирмы на заднем сидении машины. Странно все это как-то. А Юрий не переставал радоваться своей удаче и шумно признаваться в этом.

–

Вот, это Вам, – вдруг сказал он, вытаскивая из внутреннего кармана пиджака две бумажки зеленого цвета.

–

Что это? – удивилась Лера.

–

Предварительный бонус от фирмы, так сказать «добро пожаловать» в нашу компанию. Берите!

Последние пару часов Лера не могла понять: сон это или явь. Или хорошо подстроенный кем-то розыгрыш. Она прекрасно знала цену деньгам. И, зарабатывая какие-то ежемесячные рублевые копейки на продукты-транспорт и двести пятьдесят долларов раз в три месяца, не могла понять: как это возможно. Человек видит ее впервые и, не зная ни фамилии, ни точного адреса, отдает ей такую сумму: двести долларов! Да что ей стоит просто больше не появиться на его горизонте? Конечно, Лера никогда бы так не поступила. Но сколько проходимцев на белом свете!

Сумма объявленной зарплаты вообще поразила ее воображение. Тысяча долларов в месяц и квартира, выделенная фирмой на время работы на Канарских островах, в ее распоряжении. Минимальный срок работы – три месяца. Требо-

валось выезжать чем можно скорее – как только она получит визу.

Все перевернулось с ног на голову за эти два часа. И она сразу стала напоминать котел, в котором варилось все подряд. Уволиться с работы, получить визу (а вдруг не дадут?), как оставить Мишку на три месяца, с Олегом надо оформить официальный развод и прочее, прочее, прочее.

Вот ведь как бывает. Живет человек своей размеренной, беспроблемной, ничем не примечательной жизнью. И один вечерний звонок способен перевернуть все вверх тормашками. Безусловно, Лера видела, каким взглядом смотрел на нее Юрий, и взгляд этот ей был очень хорошо знаком. Ну и что такого? Она молода, симпатична. И деньги эти он тоже дал для того, чтобы она никуда не делась. Неужели у него свой интерес? Ну что же, если так – все выяснится в течение ближайшего времени. Юрий намеревался отбыть на Канары через четыре дня.

На работе Лера пока не стала ничего говорить. Вначале пусть приглашение придет, потом скажу, – размышляла она. С Юрием встречались каждый день. Вернее, он находил какие-то поводы, чтобы увидеться. И Лера не могла отказать. По работе они ездили в гостиницу «Космос», где была назначена встреча с важным клиентом из Сибири. Сделав дело, Юрий пригласил Леру поужинать, погулять по ВДНХ, расположенному рядом (ведь ему так хотелось побывать в этом известном месте). Как Лера могла отказать?

В один из дней ей необходимо было явиться в московское представительство для встречи с очередным клиентом. И деньги, привезенные им за таймшер, посчитать заодно. Лера надела красивый деловой костюм – ведь уже не секретарь, в представитель фирмы. Надо соответствовать. Клиент ждал в комнате, завешенной коврами. Сергей, завидя Леру, облизнулся, как мартовский кот и, улучив момент шепнул:

–

Восхитительно выглядишь! – как будто они были знакомы сто лет, а не виделись всего один раз.

Подержав в руках сумму денег, которую ей даже трудно было себе представить до этого, Лера уехала на основную работу.

Она прекрасно осознавала, что нравится Юрию. Об этом свидетельствовал красноречивый взгляд и букеты цветов, которыми он задаривал ее. Также она знала, что он, по всей видимости, рассчитывает на ее взаимность. Позже, по приезду на Канары. Ну что же, посмотрим, – думала она. К Юрию она не испытывала ровным счетом ничего. Ей приятны были его ухаживания, но сейчас для нее важна была только будущая работа.

Эти несколько дней в Москве не изменили ее отношение к новому знакомому. Каким она увидела его в первый день, таким воспринимала и сейчас. Нервный, какой-то взъерошенный, с всегда жирными волосами цвета вороньего крыла. Не было в нем интеллигентности, породы, спокойствия, урав-

новешенности. Более того, к Москве подкрался октябрь, и Юрий сейчас производил жалкое впечатление с своим синем костюме, по всей видимости единственном привезенном с жарких островов, где в нем и вовсе нет необходимости.

Лера же сейчас чувствовала себя королевой и ей, признаться, было все равно, в каком костюме ухажер рядом с ней. Такси, цветы, рестораны, комплименты... И никаких намеков на близость. Правда, предложения с упоминанием «мы» в будущем времени проскальзывали все чаще и чаще. Лера понимала, что он нашел не только сотрудника фирмы, но, по всей видимости, и женщину для себя.

«Я подумаю об этом завтра», – ее любимая фраза. А пока она принимала все как должное и наслаждалась настоящим моментом. В последний день Юрий попросил проводить его в Шереметьево. Их вызвался подвезти сотрудник московского представительства, который потом доставит Леру домой. Она согласилась.

–

Лера, ты, наверное, уже поняла, что я отношусь к тебе так не потому, что ты будешь работать у нас в фирме, – сказал Юра в последние минуты прощания, возле стойки регистрации билетов.

–

Догадываюсь, – она скромно опустила глаза.

–

Я ни о чем не прошу тебя. Все должно происходить своим

чередом. Я уверен, что с визой у тебя все будет в порядке, и я тебя буду в скором времени встречать на Канарах. Можно я буду звонить тебе каждый вечер, перед сном?

—

Конечно, – пожала плечами Лера. – Пожалуйста!

—

Да, я совсем забыл спросить. Что у тебя с деньгами? Ведь тебе надо будет оплатить визу, билет...

—

У меня нет денег, – ответила Лера.

—

Вот, возьми. Здесь полторы тысячи. Должно хватить на все. Тебе еще нужна будет гостиница в Мадриде – ведь ты будешь лететь с пересадкой

... Я обо всем позабочусь, не волнуйся,

Лерочка. А сейчас мне пора, – и он, порывисто, как и все, что делал, обнял женщину, прижав к себе, и поцеловал ее.

После чего стремительно направился к стойке регистрации, обернувшись и помахав рукой.

Юрий звонил каждый вечер. Ласковым голосом он интересовался: как дела, получила ли приглашение, назначила ли встречу в Испанском консульстве, купила ли билеты. Не забывал упомянуть, что уже начинает скучать. Одним словом, всячески показывал Лере свои далеко идущие планы в отно-

шении ее.

В один из первых дней после отъезда представителя тайм-шерной фирмы, Лере позвонил Сергей и сообщил, что она может забрать приглашение для испанского посольства у него в офисе. После чего Лера записалась на прием в консульство и стала воплощать свои многочисленные предотъездные планы в жизнь.

Начала она с нынешнего места работы. Поведав двум приятельницам-коллегам о намечающейся поездке, она услышала:

—

Лера, ну ты и наивная. Да тебя просто развели... Ты что, веришь всему этому?

—

??? Что вы имеете в виду?

—

Да ты знаешь, сколько молодых красивых женщин таким образом обманывают. Приедешь, заберут документы и отправят в притон. Или в гарем, – смеялись они.

—

Ну, и для того и для другого я уже не первой свежести, пожалуй, – парировала Лера. – Мог бы и помоложе выбрать. Девчонки, вы чего, серьезно, что ли думаете, что меня обманывают?

—

Конечно! А ты что думала, что вот просто так с улицы

возьмут тебя и будут штуку баксов в месяц платить? Да для такой работы всегда свои имеются.

Но Леру было не переубедить. Да и упряма она была, что касается личного будущего. Что я теряю? – вот был ее девиз. А терять, действительно, было абсолютно нечего. Муж-алкоголик (в скором будущем – бывший муж), отсутствие жилья и постоянные прения со свекрами на кухне – единственной общей территории, без которой было ну никак не обойтись, и где проходили все стычки. Особенно в выходные дни, когда они старались сделать Лерину, и без того не сладкую жизнь, вовсе невыносимой. Просыпаясь поздно, Лера отправлялась завтракать тогда, когда все наверняка должны были рассосаться. Семейство первый прием пищи обычно совершало ни свет, ни заря... Она появлялась к полудню. Убедившись, что кухня пуста, шла готовить завтрак. В тот самый момент, когда она устраивалась за столом, с шумом распахивалась дверь «стариковской» комнаты и появлялся свекр. Он шел мыть посуду, не забыв предварительно врубить на полную громкость радиоточку с каким-то политическим бредом. Почему не через полчаса, почему именно сейчас, в тот самый момент? В пику! К нему присоединялась свекровь, которой тоже именно сию минуту необходима была часть стола. Она, обычно поджав губы, сузив глаза и уперев руки в бока, стояла так, что обойти ее можно было, только натолкнувшись на острый локоть. Борьба за выживание.

Свекровь, обожавшая внука до беспамятства, в который

раз открытым текстом заявляла Лере во время апогея боев:

–

Я вообще не понимаю, чего ты здесь сидишь. Гордость надо иметь... Я бы уже давно на твоём месте уехала к маме. У тебя есть родители – езжай к ним.

–

Интересное кино получается, – Лера в карман за словом не лезла. – А при чем тут мама? Здесь мой дом. Муж, сын, работа, в конце концов. С какой это стати я должна ехать к маме? Если Ваш сын не способен содержать и сохранить семью – это его личные проблемы. Значит, получается, он поигрался, сделал ребенка и умыл руки. Все! А ты езжай к маме и расти дитя. Ну уж нет, так просто Вам от меня не отделаться. Я здесь прописана и буду жить до тех пор, пока мы не получим квартиру.

–

А если вы никогда ее не получите? – язвила свекровь. – Гордость совсем потеряла. Видит, что ее здесь не любят, и сидит.

–

Ну, а если не получим, значит Вам не повезло. Будем менять Вашу двушку на всех. На старости лет будете пожинать радости проживания в коммунальной квартире, – отвечала Лера. Старалась держаться спокойно, но внутри все закипало от гнева. Нет, каково? Езжай к маме!

Каждый раз сценарий был разный, а окончание одинако-

вое: свекровь, красная как вареный рак, с шумом захлопывала дверь в свою комнату.

–

Оставь нам Мишку, а сама уезжай, – это был второй вариант сценария.

–

Это как? – стараясь выглядеть наивно, интересовалась Лера.

–

Мы его обожаем, вырастим как сына, ни в чем нуждаться не будет, получит лучшее московское образование, – входила в раж свекровь.

–

А когда ему будет четырнадцать, Олег посадит его рядом с собой и поставит бутылку пива? Что значит, оставь? – недоумевала Лера. – Да Вы вообще понимаете, какой бред несете?

–

Мы с тебя никогда ничего не спросим: ни алиментов, ни помощи... – продолжала захлебываться в своих фантазиях Мария Анатольевна, ничего не видя и не слыша вокруг. Или просто не желая ни видеть, ни слышать. Вот просто выдумала себе идиллию: она, глава семьи, ее муж-подкаблучник, непутевый сын («и шут с ним», как она выражалась)

и внук, который будет как сын. Новая страница в жизни. Отыграюсь на внуке, раз уж сын такой неудачный получился.

Вот не было бы невестки и картинка приобрела бы радужный и завершённый вариант, а так эта тварь все омрачает.

–

Мария Анатольевна, вы хоть понимаете, что говорите? – отрезвила ее сноха. – Вы же сами мать, как Вы такое произвести посмели?

–

Ничего, – отмахнулась она, – ты себе нового родишь. Отдай нам Мишку.

–

Беспредметный разговор, – ответила Лера и закрыла дверь в свою комнату.

«Какая ужасная женщина, – думала она. – Какие мысли невероятные у нее сидят в мозгу. Не помешалась ли она?»

В следующий раз, когда Лера разговаривала со своей матерью по телефону и дверь в комнату была приоткрыта, Мария Анатольевна, без стука, что уже являлось обычным явлением, вошла и попросила:

–

Лера, дай я поговорю с твоей матерью.

Лера протянула трубку. Она знала, о чем будет разговор: об ее отъезде.

–

Татьяна Леонидовна, – начала по-московски «акать» свекровь. – Лера Вам говорила о своем скором отъезде? Что Вы думаете об этом? Вы ей разрешите это сделать?

Нетрудно догадаться, что ответила мать Леры. Что значит, разрешите-не разрешите? Лера давно уже самостоятельный человек, более того – отрезанный ломоть, в ее понятии. Какие могут быть разрешения? Она полную свободу предоставляла дочери и в более раннем возрасте. Потом, а что криминального в этой деловой поездке? Безусловно, это ее шанс, и будет обидно и горько потерять его. Шансы ведь не даются нам каждый день. Свекровь только пожала плечами и передала трубку снохе.

Надо отдать должное, мама всегда была с Лерой на одной волне. Не смотря на свою совсем не авантюрную натуру, она не сдерживала Леру в ее попытках найти счастье. Более того, когда дочери было шестнадцать-двадцать, и ей действительно нужен был совет умудренного опытом человека, мать отвечала ей:

–

Я могу тебе посоветовать, но это твоя жизнь. Если мой совет окажется ошибочным, ты будешь винить меня. А так – только себя саму. Сама решай.

Вот такой была Татьяна Леонидовна. С молодости Лера руководствовалась мудрыми словами матери, которые та любила произносить: «Счастье не ждут, счастье находят те, кто всегда в пути!»

Посему сейчас между матерью и дочерью не существовало разногласий.

–

Конечно, езжай, – сказала напоследок Татьяна Леонидовна. – Даже не думай. Мишку можешь нам привезти, посмотрим сколько нужно.

Сын, пожалуй, стал основным камнем преткновения и главной болью Леры при подготовке к отъезду. Сказано, ведь, было: минимум на три месяца. А там, где три – там и четыре, пять. Путь неблизкий. С пересадками и ночевками лишний раз не разъездишься... Что делать? В свете неприятных разговоров с Марией Анатольевной по поводу ребенка, Лера отправилась в юридическую консультацию. Спросить совета.

Описав проблему, она поинтересовалась:

–

Я очень боюсь, что за время моего длительного отсутствия эта семья может подать на лишение материнских прав. Да и вообще, много чего можно успеть. Они одержимы ребенком, понимаете? Что мне делать в этой ситуации?

–

В принципе, ситуация, как Вы ее описали, имеет место быть, – ответил юрист. – Материнских прав лишить можно, но сложно. Нужны свидетели.

–

Что они, свидетелей не найдут? Да за деньги все можно сделать.

–

Вы правы. В моей практике очень много разных случаев

подобного рода. Вот, что я Вам скажу. У Вас есть место, куда можно отвезти ребенка на время Вашего отсутствия? Сделайте это, и чем можно скорее. Желательно, без каких-либо сборов, чтобы никто ничего не заподозрил. Буквально, выкрадите. Если, конечно, хотите сохранить ребенка за собой.

Вот на этой «оптимистичной» ноте, Лера покинула офис юридической консультации. Пока доехала домой, в голове одна за другой возникали картинки из возможного будущего. Вот, она приезжает домой после нескольких месяцев отсутствия. А ей говорят: «Пошла отсюда! Ты здесь больше не прописана и ребенок этот уже не твой». Зачем ей тогда работа на Канарах? Потерять сына? А Мишке на тот момент пяти еще не было – в этом возрасте дети очень быстро все забывают. Да и внушаемые они. Скажут: мама кинула тебя, плохая она. И поверит он всему, ее кровиночка, ее смысл жизни. Но просто так взять и хитростью выкрасть ребенка, увезя его к родителям, она не могла. Не в ее характере это. И она решилась на разговор с мужем:

–

Олег, я, наверное, отвезу Мишу к маме на время моего отъезда, – как можно легче сказала она. Как будто вопрос этот был решен давно и бесповоротно.

–

Что? – набычился Олег. – К какой еще маме? Миша будет жить здесь. Это не обсуждается. Лера поняла, что проблема уже давно обговаривалась между основной семьей –

свекровь-свекр-Олег.

Делать было нечего. Мишку она оставляла на свой страх и риск, и не знала, что она найдет по возвращении.

Все семейство было чрезвычайно возбуждено отъездом Леры и мыслью о том, что вскоре им не придется расходовать свои нервные клетки на непонятно каким образом оказавшуюся в их дружной семье чужую строптивую женщину. И чем на более долгий срок она уедет, тем лучше. А там, может, и не вернется назад вовсе... Кто знает!

Состоялся разговор с шефом на работе. По контракту необходимо было предупредить руководство чуть ли не за месяц до предполагаемого срока увольнения. Лера, получив приглашение, зашла к боссу в кабинет. Надо заметить, начальник был прекрасным человеком и хорошим руководителем, заботился о сотрудниках, подбирая хорошего повара... А может, больше о своем желудке он тревожился, кто знает. Но на те копейки, которые он платил, могли жить только Лерины коллеги, у одной из которых муж имел свою фирму и она в деньгах не нуждалась вовсе, а приходила на работу, чтобы дома не сидеть. А у второй был богатый любовник, который содержал ее. Лера, описав ситуацию, оповестила босса о приблизительной дате увольнения.

—

Ты хорошо подумала? – поинтересовался он, глядя на нее своими умными еврейскими глазами. – Для тебя важна зарплата, которую они тебе будут платить, или работа на Кана-

рах? Что ты там будешь делать? – создавалось чувство, что он, как и все остальные, слабо верил в то, что Леру там не обманут жесточайшим образом. И вообще, что ее там ждут.

–

Пока не знаю. Работать с русскими отдыхающими...

–

Я могу повесить тебе зарплату. Если честно, я очень доволен твоей работой, ценю тебя и мне не хотелось бы тебя терять.

–

Михаил Семенович, на такую сумму Вы вряд ли мне повысите оклад, – улыбнулась Лера.

–

???

–

Мне будут платить тысячу ежемесячно, – гордо объявила Лера.

–

Ну, так, конечно, я не смогу, – начальник смотрел на нее удивленно. И источник удивления можно было истолковать двояко: не м

огут столько платить за такую

работу. Или второй вариант: неужели ты такая дура, что купилась на откровенное вранье, которое тебе продали за правду.

–

Ну что же, желаю тебе удачи, – подписал заявление об увольнении Михаил Семенович. – Думаю, она тебе ох, как пригодится.

–

Спасибо, – ответила Лера и вышла из кабинета.

Состоялся и процесс развода, как еще один этап подготовки к отъезду. Лера подала документы за некоторое время до знакомства с Юрием. Процесс затягивался. То Олег не смог прийти, а поскольку в семье сын – их не разводили без присутствия обеих сторон. Давали отсрочку, время подумать... Возникали еще какие-то непредвиденные обстоятельства. Не горело, от этой бумажки мало что зависело, и Лера не старалась форсировать процесс. Но в данной ситуации она хотела уехать свободной от уз брака.

Быт, что ты делаешь с нами? С нашими отношениями, любовью, надеждой создать крепкую дружную семью... Лера сидела в темном коридоре суда напротив Олега. И не смотря на то, что она в последнее время отчаянно желала развестись, сейчас вдруг все куда-то пропало. Как назло, вспомнились какие-то слабые лучики хорошего, которых было так мало, как солнца в зимней серой Москве. И хотелось плакать. И спазмы подступали к горлу. Несколько раз она выбежала в туалет, боясь, что ее вывернет прямо на ее новый розовый костюм. Она понимала, что сейчас они все еще муж и жена. А через полчаса они будут чужими людьми. И больше она никому не жена. А так, разведенная женщина, коих

в России в то время не особо жаловали. Считалось: разведенка, значит – не смогла, не удержала, не терпела, и многое еще чего «не»... Что не должно быть присуще нормальной русской бабе.

Сколько русских семей несчастны! Мужья не работают, пьют, баба тащит на себе неподъемные авоськи, страдая в скором времени всеми вытекающими последствиями – варикозным расширением вен, опущением матки... Поднимает этот груз на этаж (не везде есть лифты и не всегда они работают), готовит ужин, проверяет уроки у детей (решает проблемы этих самых отроков). Мужик, не внося ни копейки в семейную жизнь, искушав ужин, приготовленный супругой после ее восьмичасового рабочего дня, стояния в очередях и ношения вышеупомянутых сумок, а также проглотив несколько рюмашек, начинает выяснять отношения. Порой громко, с руганью и кулаками. И вот так проходит пол-ночи, а назавтра эта же женщина, хорошо если без видимых следов насилия, сядет в свой автобус (электричку, метро), чтобы заново совершить свой ежедневный обычный бросок. Поэтому и выглядят многие из этих баб (ее и женщиной-то уже трудно назвать) в свои сорок – на шестьдесят. И даже не задумываются они о том, что где-то совсем рядом существует иная жизнь. И что мы – сами кузнецы своего счастья, как это ни банально звучит. И что можно и нужно все поменять, если еще не все слишком запущено и ты еще не выглядишь на шестьдесят... И будешь тащить этого своего мужа (кото-

рый иногда, быть может, даже поработает ради приличия) до гробовой доски. Зато можно гордо сказать подругам: «А вот мой вчера...» И тут уже совершенно неважно, что «мой» и в глаз дал, и изнасиловал безо всякого предохранения, и через пару-тройку недель ты побежишь делать очередной аборт, – но это уже совсем другая история. Самое главное: статус «замужняя женщина» звучит гораздо солидней, чем гнильцой пахивающее «разведенка».

Но Лера никогда не относилась к вышеуказанной категории русских баб. Хотя, чего скрывать, неопределенность статуса «разведенная женщина» пугала ее.

Позади – очереди в Испанское Консульство, увольнение, развод. А впереди – Канары и абсолютно новый виток жизни в другом мире, с новыми людьми, окружением. Что он принесет?

В Лерином заграничном паспорте красовалась испанская виза сроком на полгода. На руках были билеты до Мадрида с обратной датой вылета через месяц. Билет из Мадрида до Тенерифе должен был ждать ее в справочном бюро мадридского аэропорта. Тогда еще не было прямых рейсов до одного из любимых направлений отдыха наших соотечественников, куда сейчас летают беспосадочные чартеры. Тогда еще много чего не было, и Лера являлась своего рода первооткрывателем.

Звонил Юрий и давал последние ценные указания.

—

Лера, там же, в справочном бюро, попроси сотрудников позвонить в отель «Валери». Чтобы ты не ошиблась, я забронировал для тебя ночь в отеле с твоим именем. Оттуда придет водитель и заберет тебя. Не перепутаешь?

—

Спасибо, Юра, за твою помощь и за все, что ты делаешь для меня, — откликнулась Лера.

—

Ты не представляешь, я только и живу нашей встречей, ни о чем думать не могу. На работе все уже в курсе и подтрунивают надо мной... Скорей бы!

«Да, — думала Лера. — Ситуация! Мужик надумал себе три короба, а я должна буду расхлебывать. Я даже симпатии не питаю по отношению к нему. Как же быть в данной ситуации?» Но она жила принципом : «Я подумаю об этом завтра»... Как-нибудь, — сама себя утешала молодая женщина. В конце концов мы будем жить в разных местах, я же не обязана спать с ним в одной кровати... Можно просто дружить, а там посмотрим». Но как же она ошибалась!

Выезд был намечен на начало ноября. Небесная лаборатория подмигнула Лере или просто намекнула: это твой новый виток жизни. Будь начеку! Ровно шесть лет назад, день в день, Лера впервые сошла с трапа самолета на московскую землю, чтобы встретиться с Олегом. День в день!

Рейс на Мадрид вылетал поздно вечером и в Шереметьево Лера поехали провожать Олег и Катя. Настроение было беспокойным из-за маленького Мишки. Лера отдавала последние указания свекрови.

–

Я буду стараться звонить каждый день, оттуда недорого, – говорила она.

–

Не переживай, все будет хорошо, – голос Марии Анатольевны не мог скрыть радости от отъезда невестки.

–

Мишенька, мальчик мой! Я тебя очень люблю, помни это! – Лера наклонилась к ребенку, стоящему в коридоре и цепко держащему ее за колени.

Вся картина отдавала безысходностью. Мать, не зная на сколько времени уезжает, разговаривала с сыном так, как будто покидает его как минимум на пять лет. Сын, голубоглазый хорошенький мальчишка с пшеничными волосами по плечи, в вязанной жилетке и домашних тренировочных штанишках, смотрел на маму снизу вверх испуганными глазенками. Он понимал одно: она уезжает, покидает его. Своим детским умом он не мог осознать всего, что происходило в последнее время в доме между родителями, но эмоционально он чувствовал нелюбовь взрослых по отношению друг к другу. У детей ведь это на каком-то подсознательном уровне. И хоть они и старались выяснять отношения, когда он уже

спал, все равно ребенок отчетливо знал: вся эта мышинная возня в последнее время и мама с чемоданом в руке сейчас – две составляющие какого-то события. Какого, как это повлияет на его детскую жизнь? И мама, любимая мама, с которой он так любил гулять, которая читает ему на ночь книжки, с которой так уютно дурачиться утром в кровати в выходные дни, когда она не торопится на работу, сейчас стоит со слезами на глазах. Почему? Она что, оставляет его навсегда? Он еще крепче обхватил материнские колени.

Лера посмотрела в глаза сыну, поднятые на нее снизу, и такая тоска и горечь охватили ее, что впору было выть. В них она прочла все: детский испуг, неопределенность, царящая в его душе, и нежелание отпускать ее. Что делать? Еще чуть-чуть и она готова была отказаться от этой поездки, но сама себе приказала: «Не раскисать! Плохо ему не будет, его здесь любят! Я обязана дать шанс себе в первую очередь, и ему тоже. Если у меня все получится... – добавила она. – А что с того, что я буду продолжать дальше сидеть здесь, в этой квартире? Что изменится, кто мне поможет? Нет, надо ехать!»

Она еще раз наклонилась к ребенку, поцеловала его и ушла, закрывая за собой дверь и стараясь не оглядываться.

Всю дорогу до Шереметьево в глазах стояли слезы и Мишкина мордашка. Резкий пронизывающий ноябрьский ветер дунул ей в лицо, когда она выходила из машины, как бы отрезвляя ее и окончательно иссушивая соленую влаж-

ность. Потом, за хлопотами, в аэропорту стало легче. Через несколько часов приземлились в Мадриде. Время было позднее и народ с московского рейса, быстро растекаясь в разные стороны, освободил здание аэропорта. Оставались припозднившиеся пассажиры и уборщицы. Лера, найдя справочную службу, подошла к окошку.

—

Добрый вечер! – поздоровалась она с женщиной-испанкой на английском, – у Вас должны быть билеты на мое имя.

Женщина, покопавшись в ящике стола, отдала Лере билеты до Тенерифе с вылетом в десять утра следующего дня.

—

Вы не могли бы позвонить в отель «Валери» и попросить их выслать машину для меня, – попросила Лера.

Испанцы, особо не напрягающиеся в углубленном изучении другого языка, даже английского, переспросили ее. Лера повторила просьбу, но что-то не сработало. То ли ее плохой английский подвел окончательно, то ли испанцы не хотели понимать правильно, но, позвонив в отель, ей сообщили, что бронирование на ее имя не подтверждено.

—

Как это? – оторопела Лера. – Проверьте еще раз, пожалуйста! Такого не может быть!

Подошел еще один испанец, на ломаном английском он снова поинтересовался названием отеля и попросил по буквам произнести фамилию. Тщетно! Ее там не ждали. Испан-

цы извинились за недоразумение и Лера отошла от окошка.

Что делать? Аэропорт был девственно пуст. Женщине стало не по себе. Настроение уходящего дня давало о себе знать... Усталость от сборов и расставания с ребенком, перелет. Ночь, чужой город, пустой аэропорт. Ей нужен был нормальный полноценный отдых. Но куда ехать? В любой, попавшийся по пути отель? Она была осведомлена о ценах на гостиницы в Европе и в ней боролись два желания: сэкономить деньги и нормально отдохнуть. Быть может, если бы в аэропорту на каждой скамейке спал турист, она бы тоже попыталась вздремнуть здесь. Но эта пустота, ночь – с одной стороны, и заманчивые картинки горячего душа и теплой чистой постели в отеле – с другой, сделали свое дело. «Плевать, – думала она. – Ну потрачу долларов сто за ночь. Дорого, конечно, безумно... Сколько можно было хорошего купить для себя и ребенка в Москве за эти деньги. А так – просто понежиться в кровати несколько часов. Плюс такси в обе стороны. Да ладно, все равно эти деньги принадлежат Юре... Еду, – решила она.»

Спустившись на стоянку такси, она подошла к первой машине, стоящей здесь. Таксист практически не говорил по-английски. Каким-то образом: что-то на английском, несколько слов на итальянском, угодливо всплывшем в ее памяти, наполовину на пальцах, Лера объяснила, что ей нужен отель недорогой и недалеко от аэропорта: у нее завтра утренний рейс. Таксист-испанец покивал головой, «погыркал» что-то

на своем по рации, и покатил Леру по ночному Мадриду. Она знала, что вариант «такси у аэропорта» – не самый лучший: и берут они втридорога, и к отелю он ее подвезет тому, в котором заранее обговорена его комиссия. Но что делать? Гулять так гулять!

За окном такси мелькали картинки ночного Мадрида. Минут через двадцать водитель припарковал свою машину у стеклянной двери небольшого отеля.

–

Bueno?

– поинтересовался он. – Хорошо?

–

Si. –

ответила Лера по-итальянски.

Он распахнул дверцу машины с Лериной стороны, достал ее чемодан из багажника, помог открыть красивую дверь отеля.

–

Гыр-гыр-гыр, – что-то быстро сказал он на испанском явно знакомому ему портье и, взяв с пассажирки плату за проезд, удалился.

Номер был прекрасным: большим, но вместе с тем уютным, с окнами, выходящими на маленькую мадридскую улочку. Роскошная кровать с хрустящим бельем, огромная ванная комната с белоснежными полотенцами и душистым мылом... Как же Лере хотелось остаться здесь на несколь-

ко дней, бродить по Мадриду и возвращаться в этот отель вновь. Как давно она не путешествовала... А ведь она была заядлой путешественницей до знакомства с Олегом. И вообще, как давно она не чувствовала себя счастливой, свободной. Ведь в последнее время она только и делала, что оглядывалась назад: что скажут дома, как посмотрят, не испортить бы отношения со свекровью – она сидит с Мишкой... Может, действительно это ее шанс вырваться из последних пяти лет беспросветности и серости? По крайней мере, завтрашний, нет уже сегодняшней день, что-то покажет.

Время на часах было около двух ночи. Учитывая, что на восемь Лера попросила заказать для нее такси, спать оставалось шесть часов. И ради этих шести часов она заплатила огромную сумму – сто двадцать долларов... Уколы совести периодически занимались своей нехитрой иглотерапией, но стоило головой прикоснуться к подушке, как сон полностью овладел молодой женщиной.

В восемь утра она выскочила из отеля и прыгнула в такси. А чуть меньше, чем через четыре часа, она приземлилась на острове Тенерифе.

—

Наш самолет только что совершил посадку на острове Тенерифе, – известил голос из микрофона сначала на испанском, а затем на английском языке. – Спасибо, что выбрали

нашу авиакомпанию и приятного отдыха.

Лера выглянула в иллюминатор. Поначалу ей показалось, что ее привезли не туда. Совсем не таким представляла она себе загадочный остров, входящий в сеть знаменитых Канарских Островов. Кругом – пустыня, камни, все выжжено солнцем... Ни одного зеленого кустика, деревца. В ее воображении Тенерифе должен был быть оазисом, начиная прямо с трапа самолета.

Жаркий воздух ударил в лицо, не успела она покинуть прохладный салон воздушного судна. Продвигаясь за другими пассажирами на выход после прохождения паспортного и таможенного контролей, она пыталась оттянуть встречу с Юрием. Вспоминая, как в Москве, в течение тех дней, что они встречались, он никак не задел ее сердце, а брал только добротой и надеждой избавления от беспросветного нищенского будущего. Среди улыбающихся лиц, встречающих с плакатами и без них, она не сразу заметила объект, который меньше всего хотела увидеть. Он же, улыбаясь во весь свой белозубый рот, лихо оттолкнувшись одной рукой от стойки, отделяющей толпу тенерифцев от потока прилетевших, оказался с Лерой по одну сторону. Протянул букет. Порывисто обнял, прижал к себе и поцеловал.

–

Лерочка, ласточка моя! Наконец-то! – бормотал он. Они вышли из здания и направились к стоянке машин.

–

Я изволновался весь, – продолжал причитать Юрий, нажимая на брелок и открывая маленькую красную машинку. – Вчера вечером позвонил в отель, сказали: «Такая-то не приехала». Как это, спрашиваю, не приехала? Ну все, думаю, не получилось. Чего я только не передумал за эту ночь. Потом позвонили и сообщили, что заселилась какая-то женщина с ребенком. Я уже думал, ты сына с собой взяла...

–

Как же я возьму его, а виза? – вклинилась в его непрекращающийся диалог Лера.

–

Ну не подумал я. На эмоциях весь... Как же так получилось с отелем, ума не приложу? Ладно, забудем! Я счастлив, да, не побоюсь этого слова, счастлив, что ты наконец здесь. Со мной!

Они ехали по безупречной глянцевой автостраде, с обеих сторон от которой пролегал тот же самый пейзаж, который Лера увидела из окна самолета.

–

Юра, вот это и есть рай? – робко поинтересовалась Лера. – Сплошные камни вокруг.

–

Леруня

, это настоящий Тенерифе, какой он есть. Здесь же вулкан, Тейде, эти камни вулканического происхождения. А Тенерифе курортный – это, в основном, искусственные посад-

ки цветов и экзотических растений с подводкой системы орошения. Правда, когда мы отправимся с тобой в столицу, на север, ты увидишь совсем другую картинку – там часто идут дожди и природа совсем иная. Это всего в часе езды, а разница существенная. Здесь же дожди бывают по статистике три дня в году.

Они о чем-то беседовали, Юрий рассказывал, показывал и много смеялся. Смех его был каким-то натянутым, неискренним.

–

Мы сейчас заедем в супермаркет, а потом поедем домой, – объявил он.

Лера промолчала: она была слишком переполнена эмоциями последних дней, вернее всего одного дня, чтобы переспросить: к кому домой? В супермаркете они взяли самое необходимое и направились к машине. Юра шел подпрыгивая, как на шарнирчиках. Одной рукой неся бумажный пакет, другой он непрерывно подбрасывал ключ от машины. Это отсутствие спокойствия и постоянная дерганность не смогли быть незамеченными Лерой, не смотря на ее положительный настрой по отношению к нему, внушаемый самой себе. Увы, каждым своим жестом, словом он только отталкивал женщину.

Она еще в Москве обратила внимание на какую-то неестественную худобу Юрия, но времени акцентировать на этом свое внимание у нее не было – слишком эмоциональными

оказались те четыре дня, что они были вместе. Сейчас же, здесь, свежий загар и отсутствие пиджака, удачно маскировавшего отсутствие широких плеч, делали его и вовсе болезненно тощим. Большие синие глаза его казались огромными. Скулы выпирали, натягивая кожу, и создавалось впечатление, что она сейчас лопнет, оголив кость. Лера не могла понять выражение глаз Юрия: что оно таит за собой, что творится в его душе. Даже когда он улыбался, они не были веселыми: улыбались губы, а какая-то натянутая тревога сквозила в глазах. В остальных случаях выражение глаз было жестким, нервным и колким. Лера понимала, что у Юрия спрятано много скелетов в шкафу и жизнь ему пришлось прожить нелегкую, а раны от нанесенных обид до сих пор не затянулись... С такими людьми очень сложно – они продолжают искать в каждом вновь встретившемся на пути человеке подвох.

И вот, наконец, они прибыли. На чистой небольшой улице стояли одинаковые домики, возле которых такие же одинаковые маленькие машинки ждали своих хозяев. Вся эта чистота, белизна и какая-то кукольность отдавала нереальностью после серой, холодной, грязной Москвы...

«И вот так люди живут всю свою жизнь, даже не подозревая, что где-то идут снега, тают, замерзают, опять тают, превращаясь в мерзлую ледяную кашу. – думала Лера. – И люди, серые как сама Москва в течение восьми месяцев в году, бродят с одинаковыми мрачными лицами, перемещи-

вая кашу ногами, поскальзываясь, падая и воспринимая эту ежедневную безрадостную блеклую картину не как наказание быть рожденным в этой стране, где меньше всего заботятся о народе, а как что-то естественно-неизбежное и принимаемое. Вероятно, многие из этих угрюмо-серых людей даже представления не имеют, как это может быть, как это должно быть на самом деле.»

Возле одного из таких белых домиков Юрий припарковал свою машину.

—

Вот и приехали, – радостно произнес он, улыбаясь во весь рот. Глаза же его продолжали оставаться серьезными.

Это были многоуровневые апартаменты с видом на океан. В данном случае – трехэтажные. Владельцы первого этажа имели возможность расположиться на террасе, находящейся на уровне земли. Фактически на пляже. Точно такие же апартаменты находились на втором и третьих этажах, с той только разницей, что терраса располагалась многоступенчато, друг над другом. Все выполнено из белого камня, с деревянными решетками в виде разделения террас по бокам и сверху. Впрочем, решетки эти можно было назвать живой изгородью из-за немислимых расцветок экзотических растений, увивающих ее. Для того, чтобы попасть на второй этаж, куда последовали наши герои, необходимо было спуститься с основной дороги по лестнице.

—

Добро пожаловать, Лерочка!— произнес Юрий, открывая дверь в квартиру и пропуская женщину впереди себя. — Это мой дом. Теперь это и твой дом тоже.

Лера не стала ничего говорить об обещаниях, данных в Москве. Молча вошла и огляделась. Небольшая гостиная, отделенная барной стойкой от кухни, предстала перед ее взором. Скромно, по-холостяцки, но чисто и прибрано. Однако то, что Лера увидела за балконной дверью заставило ее забыть и о Юре, и об апартаментах. Оно манило и звало. Валерия последовала за своим желанием и оказалась на громадной террасе — той самой, увитой экзотическими растениями необычного розово-абрикосового, ярко-красного, апельсиново-желтого цветов. Здесь стояли несколько лежаков для принятия солнечных ванн и стол со стульями. Размер этого чуда превосходил самые смелые ожидания — она была больше, чем комната, в которой Лера жила со своим бывшим мужем и сыном. Метрах в двадцати океан бился о камни дикого пляжа. Лера замерла, опершись о перила. Водная стихия всегда завораживала ее, а океан она видела впервые в своей жизни. Соленым воздухом невозможно было надышаться. Брызги воды с шумом накатывали на огромные валуны и с тихим шелестом удалялись назад, в стихию. Чтобы вернуться опять.

Океан, пустынный пляж, на котором не было ни души, и она, всего еще месяц назад не подозревающая о том, что такое место существует, и уж тем более о том, что судьба,

неведомо каким образом, занесет ее сюда.

—

Какая красота, — только и выдохнула она, обращаясь к своему спутнику, который стоял рядом.

—

Теперь это все твое, ласточка. Пойдем, покажу тебе остальную часть апартаментов.

Остальной частью оказалась небольшая спальня, выходящая из гостиной, и прилегающая к ней ванная комната. Все скромное, необходимое для жизни, без особой роскоши.

—

Юра, это твои апартаменты?! — осторожно поинтересовалась Лера, сделав акцент на слове твои. — Но ведь в Москве ты обещал, что фирма выделит мне здесь квартиру на время работы.

Видно было, что этот вопрос неприятен Юрию из-за того, что он не знал, как оправдать себя. Лицо исказила еле уловимая гримаса, которая моментально превратилась в вымученную улыбку.

—

Лерунчик, тут произошли небольшие изменения в фирме, пока оформлялись твои документы на выезд. Я тебе позже обо всем расскажу. Квартиру они пока выделить не смогут.

—

Так что, получается, что я больше не нужна здесь? Где же я буду жить?

–

Как это не нужна? Конечно нужна! Просто условия немного изменились. Ты не будешь работать каждый день... Давай, я тебе позже все расскажу, – прервался Юрий, явно недовольный этим разговором. Для себя-то он уже давно все решил, а теперь надо было мягко донести эту информацию до Леры. Но не все ведь сразу! – Давай приготовим что-нибудь покушать, выпьем винца и я тебе все объясню.

–

Не переживай ты так, – поймал он испуганно-удивленный взгляд молодой женщины. – Тебе повезло: у тебя есть я. И в обиду я тебя не дам.

–

Юра, но это как-то... – Лера не знала, что сказать, чтобы не обидеть его. Как дать ему понять, что совсем не на это она рассчитывала. И уж точно не планировала жить с ним под одной крышей, что логично подразумевал дальнейший исход событий.

–

Ласточка, хочешь кофе? – поинтересовался мужчина.

–

Да, с удовольствием, – Лера поняла, что нужно решать вопросы шаг за шагом, и сейчас уже все равно, где она будет жить и как она будет работать. Она уже здесь и каким-то образом эта ситуация должна разрешиться. Позже! А сейчас ча-

шечка горячего кофе будет весьма кстати.

Они устроились на террасе за столиком. Юра зажег сигарету.

—

Я понимаю твоё смятение, — сказал он. — Как объяснить тебе все, что у меня на душе? Я, когда увидел тебя там, возле Макдональдс, понял, что никак не могу потерять тебя. Просто не имею права. Я долго искал тебя, более того, ты будешь смеяться, я видел тебя во сне однажды. Сомнений быть не может — это была ты. Нет, ты не подумай:

все, что я говорил про работу действительно имело место быть. Но тут есть одно «но». Фирма предоставляет жильё «рэпам». Это представители компании от слова «

рэпрезентатив», которые продают клиентам таймшер

. Работа тяжёлая и не для каждого. Более того, это работа по двенадцать часов в сутки. Тут надо иметь характер и железные нервы. Ну и опыт, естественно.

—

Я так понимаю, что ты мне говорил не об этой работе, — предположила Лера.

—

Правильно. Сразу тебя никто и не возьмет на эту должность. Поездишь немного со мной, посидишь на презентациях, согласишься что к чему и, быть может, через некоторое время сможешь стать «рэпом».

—

Но о чем говорил ты?

—

Я говорил о работе с клиентами, которые уже заключили контракт. Тебе никому не придется ничего навязывать, врать, приукрашать действительность. Ты будешь принимать деньги и отвечать на простейшие вопросы о таймшере

. Эта работа для тебя и ты справишься с нею. Загвоздка возникла в том, что в офисе, где ты должна была работать, появился новый сотрудник – любовница босса английской линии. Она выполняет ту же работу, что должна будешь делать ты, только с английскими клиентами. Понятно, кто я и кто босс английской линии... Офис занят. Мы решили, что вы будете делить с ней этот офис пополам.

—

Как это? – Лера начинала понимать, что история отдает гнильцой, но что она могла сделать?

—

Для начала они предоставляют нам два дня в неделю по несколько часов. Чтобы прозвониться к клиентам в Россию, поговорить...

—

То есть, как я понимаю, ту зарплату, о которой мы говорили, я уже не увижу, – вздохнула Лера.

—

Пока да, – Юрий отвел глаза. – Не расстраивайся раньше времени. Я взял выходной завтра, мы поедем, я тебе все

покажу. Тебе здесь понравится...

—

Завтра же воскресенье! – удивилась женщина. – Ты работаешь в выходной день?

—

У нас нет выходных. Поэтому я и не хотел бы эту работу для тебя, – Лера поняла, что Юра за нее уже все решил. – Ты женщина! И

не просто женщина, а красивая женщина. Ты должна заниматься домом, собой, но не работать семь дней в неделю по двенадцать часов.

«За меня меня женили», – подумала Лера. Приятно, конечно, когда о тебе заботятся, делают комплименты, планируют сколько часов тебе работать. Но Лера всегда привыкла принимать решения сама, и сейчас ей было немного не по себе от сложившейся ситуации.

Уже за этот короткий промежуток времени она поняла, что Юра искал в Москве скорее сожительницу для себя, чем сотрудника для фирмы. Здесь, среди иностранок, сделать это было нереально, тем более с такой странной, мягко скажем, внешностью, как у него. Ко всему прочему, русская, привезенная из России, будет «в рот смотреть» и не показывать свои «фэ» – уже только за то, что вывез оттуда. Все это проносилось в голове у Леры, когда она сидела в кресле на террасе и поцеживала свой кофе.

С ужасом думала она о приближении ночи. Что делать, как разрулить эту ситуацию, не будет же он насильно брать ее? После ужина Юра стал стелить диванчик, находящийся в гостиной.

–

Лера, я все понимаю, – ответил он на удивленный и, вместе с тем, облегченный взгляд ее, – я не насильник какой. Хочу, чтобы ты привыкла ко мне. Спать я буду в гостиной до тех пор, пока ты сама не захочешь делить со мной спальню. Она в твоём распоряжении. А ждать я умею...

–

Возражения не принимаются, – твердо ответил он на какой-то Лерин жалостливый лепет, вызванный взглядом, брошенным на диван, предусмотренный только для сидения на нем, отнюдь не для комфортного проведения ночи. – Я сам поставил тебя в эту ситуацию. Я все понимаю. Спокойной ночи!

Наутро Лера проснулась от звука прибоя, с одной стороны, и музыки, доносящейся из гостиной, с другой.

–

Проснулась? Доброе утро! – поприветствовал Юрий, радостно улыбаясь и усиливая звук музыкального центра. Хриплый бас Высоцкого выводил «Кони привередливые». – Любишь Высоцкого?

–

Если честно, не очень, – призналась Лера.

—

Ты послушай, тебе понравится. Его невозможно не любить, – уверенно сказал Юрий, делая звук еще громче. – Сейчас выпьем кофе и поедим. На сегодня у нас много дел.

День прошел быстро и насыщенно. Как еще он мог пройти, когда для Леры все было новым и необычным. Все ей нравилось здесь, на этом острове – вот только компания не задалась. Уже вечером, перед тем как поехать домой, они заскочили в офис. Многие были осведомлены о приезде нового сотрудника: Лере пожимали руку в знак приветствия, улыбались, желали удачи и все, что обычно в таких случаях принято говорить.

В супермаркете закупили всяких разностей дабы устроить праздничный ужин в честь приезда. Открыли бутылку вина, зажгли несколько свечей и устроились на террасе. Юра много рассказывал о себе. В лице сквозила печаль.

—

Бывшая моя жена сейчас в Австрии живет, вместе с сыном, которого я, по закону, не могу даже видеть. Все, что было, осталось ей. Мы ведь долго вместе жили...

Из всего рассказа Лера поняла, что жена сейчас катается «как сыр в масле», живя в их огромном доме в Австрии, а он, герой повествования, вынужден болтаться по съемным квартирам на Тенерифе, и у него нет никаких прав на встречу с сыном. Лера особо не вдавалась в подробности рассказа: она была равнодушна к прошлому ее вынужденного сожителя.

В глазах стояло личико сына, Мишки, который своими маленькими нежными ручонками обхватывал ее ноги во время прощания всего два дня назад. «Два дня, а как будто неделя прошла! – проскользнуло в голове. – Как я выдержу эти три месяца? Да я с ума сойду, не имея возможности дотронуться до его волосиков, не поцеловав румяную щечку на ночь». К горлу стали подступать слезы.

«Что я вообще здесь делаю? С этим чужим, не располагающим к себе, нервным, мужиком, с его проблемами. Да не нужен мне этот сказочный остров с белыми домиками и одинаковыми маленькими машинками, изобилием невиданных ранее продуктов на прилавках и постоянно улыбающимися счастливыми людьми. Хочу назад, в Москву!»

Разбушевавшийся океан бился о камни. Уже давно стемнело и только шум воды давал знать о том, что там, по ту сторону террасы, бушует стихия. Лера стояла, перегнувшись через перила. К счастью, собеседника ее рядом не было, и она не стала сдерживать свои эмоции и чувства. Как мазохист, она снова и снова вспоминала и перемалывала в себе сцену прощания с ребенком в коридоре их московской квартиры: его растерянный, испуганный взгляд, цепкое объятие ручонок: «Не отпущу!» Долгожданные слезы покатались по щекам, а она их и не сдерживала. Будь что будет, что мне стесняться этого чужого человека?

Подошел Юрий, бережно набрасывая на плечи женщины плед, и что-то спрашивая. Лера промолчала, не желая выдать

голосом свое настроение.

—

Что случилось, Ласточка? – он наконец-то заметил, что с ней происходит.

—

Да так, накатило. Напряжение последних недель сказывается.

—

Тебе здесь плохо? Почему ты плачешь?

И Леру прорвало. Сама того не подозревая, она сбивчиво стала рассказывать ему о ее сомнениях, о семействе, с которым пришлось жить последние годы, и об ее опасениях. О сыне, которого любит больше жизни. Обо всем.

—

Не волнуйся, все будет хорошо, – приговаривал Юра, подливая вина в бокал. – Выпей, полегчает! Выпей-выпей! Давай за то, чтобы ты со временем перевезла своего сына сюда. Я его всему научу. Мастерскую организуем... Ты знаешь, у меня в доме была такая. Все будет уметь. Парень должен все уметь делать своими руками.

То ли вино, то ли успокоительная терапия сделали свое дело, но Лера успокоилась. А когда она легла, дверь отворилась и в проеме появился Юрий. Подошел, поцеловал, пожелав «спокойной ночи», и непонятно каким образом оказался рядом с Лерой.

—

Если ты не хочешь, я сейчас же уйду, – приговаривал он. – Но так невыносимо спать там, зная, что ты за стеной, в этой комнате. Невероятно...

Следующее утро, как и предыдущее, началось с хриплого голоса Владимира Семеновича. Музыка орала, Юра носился по квартире со свойственной ему нервозностью, собираясь на работу: наглаживал рубашку, одновременно бреясь и на ходу глотая кофе. В машине он все же вспомнил прошлую ночь:

–

Леруня, мне было очень хорошо вчера... Извини, может я поторопил события, но очень не хотелось оставлять тебя в таком лирическом настроении одну!

Офис напоминал муравейник. Основным языком был английский, но, если прислушаться, можно было услышать и французский, и немецкий, и итальянский. На каждой линии работали люди соответствующих национальностей. Русскую линию представляли Юрий и молодая полячка Анна. Вертячая, шустрая, некрасивая, но обаятельная, невысокого роста и крепкого телосложения. Цепкие маленькие голубые глазки, тонкий ротик, остренький носик и белые волосы по плечи делали ее похожей скорее на немку или шведку. Ведь известно, что польские женщины – одни из самых красивых в мире. Иногда, для важности, она надевала очки. Анна все делала быстро: говорила (причём одинаково резво и на род-

ном, и на русском, и на английском), двигалась, заключала сделки с простодушными клиентами. Она считалась одним из самых лучших «рэпов» по сделкам в фирме. Каждое собрание утром в понедельник (здесь его называли митингом) начинался с награждения самой молодой и перспективной сотрудницы Анны.

В первые дни Лера ездила с Юрой в офис, присутствовала при проведении презентаций, знакомилась с остальными сотрудниками фирмы. Он летал на крыльях любви и только слепой мог не заметить этого. Те, кто тесно общался с ним до приезда Леры, мягко подтрунивали, тут же оговариваясь, что не осуждают его ничуть.

—

Я бы на твоём месте тоже не смог оставить в Москве такую девушку! – в этом был основной смысл дружеских одобрений. – Повезло тебе!

Если раньше он задерживался на работе допоздна, то сейчас старался окончить все дела побыстрее и уехать с ней. Возил ее по местам, заслуживающим внимания, в столицу, Санта Круз. Весь остров можно было объехать за час, но какая же существенная разница оказалась всего в шестидесяти минутах езды на север. Выжженную пустыню постепенно сменил совсем другой ландшафт. Вдоль дороги стали появляться вечнозеленые кустарники и деревья, так любящие влагу. Санта Круз и вовсе напоминал обычный европейский город, а не курортную зону. Торговые комплексы повсюду, ресто-

раны, бутики и кафе.

—

Каждый год в феврале на Тенерифе проходит карнавал, — рассказывал Юрий. — Он растягивается по всему острову, но в столице — это наиболее захватывающее действо. Ты увидишь! — пообещал он.

—

Ласточка, давай мы купим тебе что-нибудь красивое, — предложил он, когда они проходили мимо одного из бутиков. — И обязательно нужно купить вечернее платье — самое лучшее. У нас будет вечеринка через пару недель в офисе и я хочу, чтобы моя женщина была не только самая красивая, что очевидно, но и самая нарядная.

В одном из дорогих магазинов было куплено французское платье в пол, цвета бургундского вина. Лера спускалась в нем из примерочной, находящейся на втором этаже, как модель. Пышную грудь подчеркивал открытый лиф, бретельки элегантно покоились на изящных плечах, облегающий покрой подчеркивал тонкую талию, ниспадая волнами книзу. У Юры, сидевшего в кресле в ожидании ее, от увиденного невольно отвисла челюсть: вечерняя одежда меняет человека.

—

Берем! — выдохнул он, не смотря на то, что наряд стоил треть его зарплаты.

В один из вечеров все еще первой недели, Юра припарко-

вался возле огромного торгового комплекса. На удивленный взгляд Леры он провел ее к секции драгоценностей и сказал:

–
Я хочу сделать тебе подарок. Выбирай, что нравится!

Никто никогда не дарил ей такие подарки. Даже золотое украшение, которое принято дарить жениху невесте в день свадьбы, было подарено как-то скомкано, что ли. Мария Анатольевна до свадьбы торжественно объявила будущей снохе, что на подарок невесте у нее выделено столько-то рублей, отложенных из зарплаты Олега, и она может присмотреть себе что-то из золота. Подыскивая изделие за исковую сумму, Лера поняла, что ничего подходящего она найти не сможет – слишком сумма была незначительной. Она попросила будущую свекровь отдать ей эти деньги и, прибавив столько же, купила то, что пришлось ей по вкусу.

Сейчас же перед ней открылась витрина, освещенная нужным образом (чтобы все сверкало и переливалось), с такими необычными изделиями – нежными, изысканными, дизайнами совсем не похожими на избитые, грубые серьги-кольца, продающиеся на Родине. Взгляд упал на набор: маленькие сережки, унизанные изумрудами и бриллиантами, и такое же тоненькое колечко.

–
Вот это я хочу, – показала она на коробочку.

–
Оно такое маленькое, ты уверена? – заботливо спросил

Юрий. – Может, чего побольше?

–

Нет, мне это нравится. – Лера никогда не умела перегибать палку.

Серьги перекочевали в ее маленькие ушки, а на одном из пальцев левой руки уютно поселилось колечко.

–

Спасибо, Юра! – она поцеловала его, счастливо улыбающегося от того, что он увидел блеск ее зеленых глаз в тон изумрудам.

–

Следующим будет обручальное, – игриво шепнул он, добавив, – если ты скажешь «да»!

По пути домой, купив бутылку шампанского и ящик креветок, они спустились вниз, к бушующему океану. Настроение было отменным: у него – потому что завоевал женщину, которая безумно ему нравилась, а у нее... Да много ли неизбалованной подарками женщине нужно для хорошего настроения? В данном случае прибавлялось еще осознание того, что ее любят, заботятся и балуют, как могут. И они предались любовным утехам прямо здесь, на берегу.

–

Русалку я еще никогда не имел, – не мудрствуя лукаво, тут же оценил ситуацию кавалер.

Изменилось ли у Леры отношение к ее ухажеру? Она сама себе не отдавала в этом отчет. Притяжения не было, как и в

начале. Он не купил ее, нет. Наверное, просто взял своим хорошим, добрым отношением. Как можно взять любую здоровыслящую, неизбалованную, не стервозную, благодарную женщину, которая хочет быть защищена. Да, не Алэн Делонем, но где же его взять Делона-то? Да и не хватит Делонов на всех. Сколько одиноких несчастных женщин, нелюбимых, не пригретых никем, которым не к кому прислониться. Лера видела, что человек стремится сделать все, чтобы завоевать ее сердце. И она старалась не полюбить, так хотя бы ответить взаимностью.

На первый же выдавшийся выходной Юрий с Анной заказали яхту – выйти в открытый океан и показать Лере дельфинов и китов. Только они втроем и капитан – удовольствие не из дешевых. Юрий, в белых просвечивающих брюках и тщательно отглаженной рубашке (он никогда не позволял себе выйти из дома даже немного в мятой рубашке, и поэтому гладильная доска занимала основное место в гостиной) под цвет глаз, считал себя неотразимым. Как минимум, миллионером на собственной яхте. Тощие ноги и бедра просвечивали сквозь тонкую белую ткань, отнюдь не придавая эротичности.

Полдня на свежем воздухе и раскачивание по волнам сделали свое дело – все устали и поехали ужинать домой, пригласив Анну. Было открыто вино, включена музыка. Пока Лера нарезала салат за барной стойкой, Анна подтанцовывала в такт музыке. Юрий пристроился за полячкой сзади и,

обнимая ее за бедра, тоже стал совершать какие-то телодвижения. Анна не противилась. Наоборот, ей, казалось, были приятны его прикосновения к обтянутым шортами бедрам. Со стороны это выглядело как своего рода прелюдия к чему-то большему.

Лере это не понравилось. Не то чтобы она ревновала, но все же. «Может, у них был роман? – сам по себе закрался в душу вопрос. – Вряд ли... Тогда зачем весь этот спектакль? Возобновить угасшую страсть, заставить ревновать ее?»

Вечером она задала прямой вопрос Юрию, на что получила исчерпывающий ответ:

–

Как ты могла подумать? Она еще так молода... Да и не в моем вкусе даже. Мы просто друзья и коллеги. Ко всему прочему, у нее есть бойфренд.

В тот же вечер, после ухода гостей, они, устроившись на диване, смотрели телевизор. Внезапно, во время одной из эротических сцен, Юрий мягко заставил опуститься Леру на колени и набухшее достоинство его выскочило из ширинки небезызвестных просвечивающих белых брюк. Лера опешила. Нет, не потому что видела сей предмет впервые... Надо заметить, что до сих пор они занимались сексом в темноте. Полной темноте при погашенном свете в спальне, ну или под покровом ночи на пляже, для разнообразия. Предмет Юрия ничем не отличался от таких же достоинств всех представителей мужского пола с тем только отличием, что на нем была

татуировка. «Сделано в СССР» – красноречиво гласила она, растянувшись во всю длину возбужденного органа.

–

Это в далеком детстве... Дурачок был, дал себя изуродовать на всю жизнь. – немного смущенно оправдался владелец надписи. – Не обращай внимания, возьми его, сделай мне приятно.

Лера все сразу поняла. Она была наслышана, где делали такого рода надписи. В местах не столь отдаленных. И у нее моментально открылись глаза на многие вещи, все встало на свои места. Так вот откуда этот непонятный взгляд холодных глаз, нервозность, дерганность и многие другие неприятные для нее черты, которые у людей нормальных, никогда не судимых и не отсидивающих свой срок, не наблюдаются.

Она не стала распространяться на счет своих догадок. Зачем? Конечно, он станет ее переубеждать и врать с три короба. Утрамбовывая и заполняя оставшееся место в почти полном большом мешке лжи, которую Лера, по всей видимости, проглотила, о себе.

Она не смогла доставить ему удовольствие, как не старалась. Не умела она это делать, да и необходимости такой по жизни не было. Для себя же она четко решила: с этим человеком ей не по пути.

В течение второй недели она была занята своими прямыми обязанностями. Ее представили в другом офисе и она несколько раз в неделю обзванивала клиентов, разлетевших-

ся, после отдыха на Канарах, по всему бывшему Советскому Союзу. Больше всего звонков приходилось на Дальний Восток, в Тюмень, Якутию – там обитали основные счастливики, обладатели «собственности» на сказочном острове. И не имеет значения, что «собственность» эта только на одну или две недели в году, а в остальное время твои апартаменты используют такие же «счастливики». Но как же гордо это звучало: « У меня недвижимость на Канарских Островах». В глазах людей несведущих и понятия не имеющих, что за лажа кроется за словами «таймшер», после таких слов ты сразу же вырастал на несколько уровней.

Уже после пары-тройки раз присутствия на презентациях она все поняла: и про таймшер, и про то, что все шито белыми нитками. Жалко ей стало соотечественников, которые одурманенные красотой острова и опоенные океаническим воздухом, осмотрев «свою недвижимость» в виде односпальных, полностью обставленных апартаментов, как под наркозом, подписывали договора и платили депозит в размере тысячи долларов тут же, в офисе. Быть может, последней тысячи, оставшейся у них до отъезда домой, на которую они могли бы хорошо отдохнуть, купить подарки, в конце концов. С улыбкой «шесть на девять» и дружественными рукопожатиями они расставались с деньгами и удалялись из офиса, наивно полагая, что им просто повезло: купить за какие-то «жалкие» тысяч десять «недвижимость» на Канарах, с правом обмена своей недели по всему миру. И уже тем же

вечером, в своем отеле, отойдя от наркоза, с ужасом понимали, какую глупость они совершили и как их легко одурачили. На следующее утро они, сломя голову, неслись обратно в офис, в надежде заполучить свои кровные назад. Но не тут-то было. Контракт грамотно составлен на английском, на котором многие русские не то, что читать – два слова связать не могут. Черным по белому на бумаге написано: «Депозит назад не возвращается». То есть: ты можешь не платить оставшуюся сумму, но депозит тебе никто не вернет. И бай-бай недвижимость на Канарах. Каждый «рэп» имеет свой процент с этой тысячи. Можно представить себе, сколько пар подписывают такие контракты с радостно-недоверчивыми улыбками на лицах, а затем разочаровываются. В корне меняются и выражения дружественных лиц «рэпов», еще вчера расстававшихся с вами чуть ли не родственниками, хлопывая по плечу, пожимая руки и в уме подсчитывая свою прибыль, а сегодня едва ли сквозь зубы здороваясь с вами и делая вид, что «вас здесь не стояло». И не помогают никакие уговоры. Русские, ведь, не дураки. Просто жажда приобрести экзотическую недвижимость на момент лишает их здравого рассудка. Какие только отговорки не придумываются на следующий день, каких только историй не придумывают они, чтобы вернуть назад свои кровные. Тщетно! «Рэп» на то и «рэп», чтобы обладать железными нервами, стойкостью к любым слезам и мольбам, и умением лгать. Да, врать им приходится изрядно. Только преподносить эту ложь на-

до умеючи, завуалированно, дабы позже не к чему было придраться. И если представитель хорошо умеет справляться со своими обязанностями, значит такие качества как человечность, справедливость, жалость и иже с ними отсутствуют у него напрочь. А присутствует с широким размахом одно: жажда наживы. В голове – калькулятор, вместо глаз – две зеленых купюры, желательно по сотне каждая.

–

Я же тебе сразу сказал: ты не сможешь работать «рэпом», – заметил Юрий, когда Лера высказала свое мнение по данному вопросу. – Ты слишком честная и справедливая. Здесь та

кие не выживают. И вообще, «рэпами» всех линий работают

люди, которые прошли какой-то тяжелый период жизни в своей стране. Здесь, на Канарах, они пытаются скрыться от власти. Многие просто убежали из страны, и вынуждены всю свою жизнь прятаться здесь. Им терять нечего.

«И тебе тоже?» – хотела спросить Лера, но вовремя сдержалась. Какое, собственно говоря, ее дело, что у него произошло в жизни. Он ее нашел, пристроил, а дальше – вопрос времени.

Она потихоньку пыталась вспоминать и активизировать свой пассивный английский. Как это обычно бывает, когда нет возможности общаться на другом языке, вспоминаются те слова, о существовании которых в твоём лексиконе ты

вообще забыл. Она приходила в офис, откуда обзванивала русских клиентов. Кроме босса и его любовницы, англичанки Тани, обладательницы огромных, постоянно удивленных, глаз с сильно накрашенными ресницами, которыми она хлопала как заводная кукла, здесь не было никого. По сравнению с офисом для презентаций, похожим на гудящий улей, казалось, здесь все вымерло. Таню сделали непосредственным начальником русской линии и, соответственно, шефом Леры. Она с большой неохотой отдавала «свой» офис даже на несколько часов два раза в неделю и постоянно интересовалась: кому позвонила, что сказали, что она ответила и все в таком духе. Заслышав шум мотора отдаляющейся Таниной машины, Лера с облегчением набирала номер домашнего московского телефона.

—

У нас все отлично. Миша в порядке. Только что пришли с прогулки, — наигранно-радостно щебетала в трубку Мария Анатольевна. — Мишутка, подойди, мама звонит.

—

Мишенька, привет, мой хороший!

Как ты? — сердце ее таяло от нежного голоса ребенка. — Я скоро приеду. Что привезти тебе? Когда? Да через пару недель и приеду!

Так проходила ее работа на солнечном острове в океане. В принципе, Лере здесь нравилось. В ожидании Юрия с презентации и, когда не было необходимости ездить в офис к

Тане, она любила наблюдать за немецкими туристами-пенсионерами, счастливыми многолетними обладателями временной недвижимости на Канарах. Надо заметить, этот таймшерный клуб находился рядом с гольфовыми полями, поэтому так и назывался «XY Golf&Country Club». Уже с утра, аккуратные бабульки в шортах-майках с аббревиатурой клуба, кепках, натянутых на короткие стрижки, тянули свои тележки для гольфа наманикюренными пальцами, униженными золотыми кольцами, на поля, чтобы там заняться делом, которые они любили больше всего, и на которое, по возрасту, они были еще способны. Интеллектуальные беседы за игрой для миллионеров, как называют гольф, сокращали свободное время, обычно тянущееся на отдыхе так долго, до ланча. Тут же были и их партнеры по жизни, гольфу и таймшеру. Загоревшие тренированные ноги дедулек, которых язык не поворачивался так назвать, выглядывали из-под шорт, в вырезе маек-поло обязательным атрибутом являлась золотая цепь с медальоном. После пары-тройки часов, проведенных на свежестриженных газонах, все следовали в ресторан, неторопливо везя за собой свои тележки с торчащими оттуда клюшками. Люди прожили трудовую жизнь и сейчас, здесь, наслаждались заслуженным отдыхом. Они закусывали, пили пиво, смеялись и строили планы на вечер. И не важно, была ли игра в гольф вынужденной для поддержания статуса богатых людей или же им действительно интересно было забивать мячик в лунку, – они так любили проводить свое сво-

бодное время и посему покупали таймшер именно в этом клубе «XY Golf&Country Club».

Лера невольно вспомнила пенсионеров в России. Какие там современные стрижки? Пучок неухоженных бесцветных волос из-под платка. Маникюр? Украшения? Тележка? Разве что для продуктов, в лучшем случае... А то просто несколько набитых авосек в натруженных руках. А ведь это две страны, спустя пятьдесят лет: победитель и побежденная. Нетрудно догадаться, кто есть кто. И про пенсию лучше не говорить. Какие уж там поездки на старости лет? На пропитание бы хватило... А если пенсия получше – так еще и детям-внукам помогают. Считается: старый человек – отработанный материал. Все молодым, а ты уже отжил свое. Как несправедливо!

Лера видела, что многие мужчины, работающие в офисе, засматриваются на нее, заигрывают, пытаются заговорить. Юрий же, заметив это, заметно начинал нервничать, не скрывая своей ревности.

–

Почему ты не скажешь, что я твой бойфренд? Ты что, стесняешься, да?

–

Меня никто не спрашивает, – отвечала Лера. – Почему я должна ставить их в известность?

–

Ты же видишь, как он смотрит на тебя, – говорил в следу-

ющий раз он. – Почему ты не можешь сказать, что здесь работает твой мужчина?– Сам он бегло говорил на немецком, а английский только пытался изучать – посему с потенциальными соперниками разобраться не мог.

–

Он же меня не на свидание приглашает, Юра. Успокойся! Здесь все общаются друг с другом. Я ведь не дикарь какой!

–

Теперь ты понимаешь, как я рисковал, приглашая тебя сюда. Ты красивая, повсюду мужиков полно и все облизываются при виде тебя.

На самом деле, если бы Лера лучше знала английский, быть может история имела бы совсем иной оборот, но ее пассив никак не желал переходить в закономерный актив, и она понимала: как же им недодавали в их «якобы» специализированной школе. Читать-понимать: пожалуйста! А общение – пшик! Многие мужчины-сотрудники делали неоднозначные намеки, приглашая ее на чашечку кофе, но Юрий всегда был начеку и подсказывал, как разъяренный тигр. Да и какая чашечка, когда она в полной зависимости от него! Ей ведь даже жить негде! Все продумал заранее! Ведь если бы компания выделила Лере квартиру и платила зарплату, она бы давно общалась со своим предусмотрительным благодетелем только в стенах офиса.

Как-то вечером, после работы, у них была намечена поездка на самую высокую точку острова Тенерифе – к вул-

кану Тейде. Маленькая юркая машинка взбиралась по дороге-серпантину. Пара останавливалась и делала фотографии на фоне сосен, огромных кактусов, усеянных необычными плодами, продающимися здесь в супермаркетах, острове с высоты птичьего полета. По мере продвижения воздух становился холоднее и холоднее. Последние несколько кадров получились исключительными: Лера стояла на облаках в лучах уходящего солнца. Лица не видно, только абрис. Знала бы она, чего ей будет стоить эта фотография и восхождение на самую высокую точку острова, не в жизнь бы не поехала. Назад ехали при включенной печке.

Результат сказался через пару дней: она почувствовала себя не очень хорошо, но дома не осталась и поехала офис, где кондиционеры работали на полную катушку. И если для здорового человека это приятно: после раскаленного уличного воздуха войти в прохладное помещение, то для больного, постоянно покрывающегося испариной, это совсем не здорово. Через несколько дней она слегла: поднялась температура, у нее не было сил оторвать голову от подушки. Юра к этому времени стал еще более дерганый и нервный. Он даже не позаботился о лекарствах, воспринял Лерину болезнь, как какую-то блажь, и отметил, что руководство по головке не погладит за это: она и так без году неделя и на «птичьих правах».

—

Ну хорошо, лежи! – только и сказал он, уходя утром после

того, как высказал все, что думает о Лериной болезни. – В обед постараюсь привезти, что там нужно.

–

Мед и лимоны, – хрипло попросила Лера. Кашель раздирал ее

внутренности, а она даже не знала, какие лекарства можно здесь купить.

Лера не вышла на работу и на следующий день, но к вечеру температура спала и она стала себя чувствовать значительно лучше. Она сидела на террасе в ожидании своего сожителя, любовалась волнами, бьющимися о камни, англичанами, гарцующими на лошадях по берегу, и размышляла, что делать дальше. Работы для нее здесь нет и, соответственно, счета оплачивать самостоятельно она не сможет. С Юрием жить только ради крыши над головой и еды она не собирается – не для этого она уехала, оставив ребенка. Мишку она везти сюда, к бывшему уголовнику, тоже не собиралась: что он сможет привить ему? Надо было принимать какое-то решение. Билет у нее назад был с вылетом через две недели. Ну что же, так получилось. Каждый опыт (даже неудачный) является жизненным опытом. Значит, и через это необходимо было пройти. А в Москве надо будет навестить Сергея в представительстве: может, там найдется какая-то работа. Так размышляла она, не заметив, что Юра уже в апартаментах. Каково же было ее удивление, когда она поняла, что он пьян. Глаза, и без того светившиеся ненормальным блеском, были

и вовсе полоумными. Он резво оттолкнулся от пола и, опершись жилистой рукой о барную стойку, вытянул свое худое тело параллельно полу, как гимнаст вытягивается на козле в физкультурном зале. Глаза горели зло, и Лера прекрасно знала этот взгляд пьяного человека, не предвещающий ничего хорошего.

—
Пьяный муж пришел домой, — оповестил он.

—
Юра, что с тобой? Зачем ты? — спросила, заранее зная о чем пойдет речь.

—
Со мной все хреново, а с тобой?

—
Что происходит, ты мне можешь объяснить? — как же она ненавидела эти беспредметные разборки с пьяным человеком.

—
Я, может, специально напился. Мне тебе многое надо сказать, а на трезвую голову не смогу.

—
Ну говори!

—
Лера, понимаешь... Все не так между нами, — начал он.

—
???

—

Я не так все представлял себе... И женщину не такую, наверное. Нет, ты красивая, очень красивая, и это, пожалуй, самое страшное. Я ревную безумно к каждому брошенному на тебя взгляду. Но так продолжаться не может бесконечно и , рано или поздно, это плохо кончится.

—

Юра, в чем моя вина? В Москве у нас разговор вообще не шел о совместном проживании, если ты помнишь...

—

Не шел, не шел, – перебил он ее. – Здесь пошел. Ты ведь обо всем сразу, наверное, догадалась. Да никому ты здесь не нужна была. Я, может, специально поехал в Москву женщину найти для себя. А кого я нашел? Ты ведь ничего не умеешь. Посмотри, за две недели ты ни разу суп не сварила.

—

Какой суп, Юра? Когда? Мы вместе уходим утром и приходим ночью, – пыталась вставить Лера.

—

Не перебивай, дай мне закончить. Мне и так тяжело. Я планировал все совсем по-другому. Мне нужна женщина в доме – чтобы было наготовлено, наглажено, убрано. Что ты есть, что тебя нет. Рубашки свои я сам глажу. Зачем мне такая женщина?

—

Домработницу тебе надо искать... – вклинилась Лера.

–

Да, ты изнеженная. Но ты и как любовница ничего из себя не представляешь, – его несло, и ничто уже не могло остановить и вернуть на стартовую прямую.

–

Да как тебе не стыдно? Ты фактически принудил меня жить с тобой, спать с тобой, поставив в безвыходную ситуацию.

–

Лера, какая ты женщина, когда даже минет не умеешь делать? – вот этой последней фразой он полностью выбил почву из-под ног у молодой женщины. Нет, какой подлец, а?

–

Что ты сказал?

–

Ты слышала и это правда.

–

Я больше не желаю разговаривать с тобой, и спать ты будешь сегодня здесь. Я все еще болею и не хочу делить постель с тобой.

–

И на счет болезни тоже. Подумаешь, простудилась... Королева. В офис все с простудой ходят и никто не развалился еще. Как бы ты вообще существовала здесь, если бы меня не было.

—

Послушай, Юра! Я сюда к тебе не напрашивалась. Ты меня завлек, можно сказать, обманным путем и знал, что завтра я никуда уехать не смогу. И сейчас ты мне говоришь такие гадости? Ты думаешь, что купив пару шмоток, приобрел и меня с потрохами? Я к тебе ничего не чувствую. А теперь спокойной ночи.

Утром она проснулась от приятного запаха, щекочущего ее дыхание. Открыв глаза, обнаружила букет цветов на одеяле и Юру, склонившегося над ней.

—

Доброе утро, моя принцесса! Прости засранца, если сможешь. Не надо было мне напиваться вчера. Но я был расстроен из-за твоей болезни и из-за того, что никак не мог тебе помочь. И в офисе все только и спрашивали, куда ты делась. И ревность моя дурацкая. Милая, дорогая, как же я был неправ. Конечно, я все понимаю: я себе надумал сказку, не подготовив тебя к реальности

, а сейчас требую все и сразу. Ведь прошло всего две недели... Все будет хорошо, вот увиди

шь. Ты полюбишь меня, — он говорил быстро, нервно, на одном дыхании, не давая Лере вставить ни слова.

Да она и не пыталась. Все уже стало ясно вчера вечером: «Что у трезвого в уме, то у пьяного на языке». Она чувствовала его настроение. Да, ему нужна была такая, чтобы и в офисе работала, и обед был готов, и постирано-наглаже-

но-убрано, и минет по заказу в любое время дня и ночи. А на такое способна только русская баба, никак не иностранка. Вот он и отправился на поиски в Москву. Ах, да! Чтобы еще личико не уродливое было. Извините, не на ту попал. Для себя она уже все решила.

После этой ночи Юрий старался вести себя так, как будто ничего не произошло. Но ситуация сложилась как в том анекдоте: «ложки нашлись, а осадок остался». Через несколько дней после инцидента Анна разоткровенничалась с Лерой.

—

Валери, это между нами..

. Я очень хорошо к тебе отношусь и хотела предупредить. Мы вчера с Юрой разговаривали, он жаловался, что спустил всю зарплату на твои наряды-украшения-рестораны-яхты и сейчас, в буквальном смысле, считает каждую копейку. Он не так много делает денег, – уточнила Анна. – Не рассчитывай на него. У него много хороших качеств, но вы не подходите друг к другу. Ты слишком изысканна и интеллигентна для него, ему нужна более простая. И он это понимает, поэтому и бесится. Более того, он поделился со мной, что хочет опять ехать в Москву на поиски новой невесты. Хотя я с самого начала ему говорила, что это не очень хорошая идея – искать таким образом женщину. У вас что-то произошло? Это не мое дело... – тут же оговорилась она. – Тебе надо уезжать. На что ты будешь жить здесь? Хочешь, можешь по-

пробовать поработать «рэпом»...

–

Вряд ли я смогу, – вяло ответила Лера. Она и сама приняла решение уехать с Тенерифе, но было неприятно, что этот сукин сын, выводя рулады прощения, собирается искать новую женщину. Какая свинья!

–

Это жизнь, Валери! Не расстраивайся. Где-то убудет, где-то прибудет.

Вечером того же дня Лера попросила:

–

Купи мне билет до Мадрида, пожалуйста! Надо поехать, навестить ребенка.

–

Хорошо, – кротко и, как показалось Лере, с облегчением ответил Юрий. – Может, ты привезешь его?

–

Может быть.

Они обманывали друг друга. Она, уезжая, заранее знала, что назад не вернется ни за какие коврижки. Он же, отправляя ее и заботливо интересуясь скорейшим возвращением, потирал руки с уверенностью, что они больше никогда не увидятся и у него будут открыты перспективы для новой встречи. Он просто не отправит ей новое приглашение, – делов-то!

Отъезд был запланирован на начало декабря – ровно че-

рез месяц с даты приезда. Тенерифе готовился к Католическому Рождеству. Повсюду продавались рождественские цветы в горшках, красной пышной верхушкой своей напоминая звезды.

–

Давай купим, – попросила Лера.

–

Зачем он тебе, все равно ведь уезжаешь?

–

Пусть будет – ты же остаешься на Рождество здесь. На память обо мне, – улыбнулась она.

Было грустно покидать Тенерифе именно сейчас: люди сустились в преддверии праздника, витрины магазинов были нарядно оформлены, повсюду атели верхушки Рождественских цветов. И вся эта подготовка к праздникам проходила при тридцатиградусной жаре. Даже как-то не верилось, что может быть иначе, стоит только улететь отсюда. Но Лера прекрасно знала, как это будет, не успеет шасси самолета прикоснуться к московской земле. Она знала, что Москва встретит ее, в лучшем случае, снегом и морозом, в худшем же – серой промозглой сыростью, слякотью и сильными порывистыми ветрами. Как же она успела отвыкнуть от всего этого за месяц! И как же она похорошела за этот месяц... Красивый равномерный загар оттенял ее изумрудные глаза. Она немного осветлила свои длинные шелковые волосы, и они роскошными волнами рассыпались по смуглым плечам. Она

была хороша и желанна. И об этом красноречиво свидетельствовали уже только взгляды сотрудников – всех успел за это время поставить Юрий в известность о своей собственности. Вначале многие недоуменно пожимали плечами, не стесняясь переспрашивать: «И это твой бойфренд?» Странные русские женщины, – думали иностранцы. Сколько интересных одиноких мужчин вокруг, желающих познакомиться, а эта красотка выбрала такого необычного, мягко скажем, человека. Его здесь не уважали и не пытались скрыть это. Многие здоровались сквозь зубы, почти никто не пожимал руку при встрече. Лере же все, с кем она общалась, желали хорошего полета и скорейшего возвращения назад.

То, что в Москве ее ждал отнюдь не канарский рай – полбеды. А вот то, что она опять столкнется с беспросветностью, отсутствием денег и проживанием с разведенным мужем не только в одной квартире, но и в одной комнате – совсем другой коленкор. И выхода из всего этого она пока не видела.

Накануне отъезда она получила деньги за ту работу, которую выполняла в течение месяца, и сумма за эти несколько дней (если сложить все наработанные часы) превышала ее месячный московский заработок в несколько раз. Оставив все вещи у Юрия, в аэропорт она поехала с маленькой дамской сумкой-портфельчиком, в которой покоился паспорт и деньги.

—

Я ведь приеду назад, – объяснила она. Играть так играть,

до конца. – Надеюсь, с Мишкой.

–

Было бы здорово! – откликнулся ее сожитель.

В аэропорту не было жарких объятий и поцелуев, и этот факт однозначно давал понять, что они расстаются абсолютно чужими людьми. А были ли они когда-нибудь близки? Или кто-то свыше столкнул их, абсолютно разных, живущих каждый в своем мире, на какой-то месяц, чтобы создать жизненную ситуацию, испытать их, заранее зная, что ничего из этой затеи не выйдет, а потом посмеяться над персонажами и их разочарованными лицами, доставив себе удовольствие в очередной раз.

В аэропорт Мадрида Лера приземлилась вечером и решила остаться ночевать здесь: не до жиру. У нее были какие-то деньги, но неизвестно, когда будут следующие. Заплатить около двухсот долларов за гостиницу и такси в оба конца было сейчас непозволительной роскошью. Всю ночь она просидела в пустом аэропорту, чувствуя себя бездомной собакой, брошенной, никому не нужной. Утром, как только открыли магазины, она поспешила в Дьюти Фри Шоп и купила себе французские духи, самую последнюю новинку, которой сейчас пользовались все уважающие себя женщины Испании, и от запаха которого она сходила с ума весь последний месяц на Тенерифе. Простая зеленая бутылочка с незамысловатым названием “Eden”... Но как же ей стало хорошо от одного прикосновения терпкой жидкости к ее шее, запястьям. И от

мысли, что она смогла себе позволить впервые в жизни купить настоящие французские духи. Как приятно, черт побери, пойти и купить то, что хочется, а не экономить всегда и на всем, подсчитывая трату каждого рубля на свои маленькие женские удовольствия.

После бессонной ночи в аэропорту, она не заметила, как сразу же заснула, едва коснувшись сидения в самолете еще до взлета. Ей снился сказочный остров Тенерифе и Мишка, бегающий по пляжу. Юры в ее сне не было.

В Шереметьево Валерию встречали тем же составом: сдержанный Олег и Катя, бросившаяся подруге на шею. Дома ждали на удивление радостная Мария Анатольевна и Мишутка, немного смущенный и, похоже, успевший отвыкнуть от матери за этот месяц. Он, выйдя в коридор из стариковской комнаты, как будто не веря своим глазам, уставился на нее, загоревшую, с высветленными волосами. Лера присела на корточки:

–

Мишенька, привет! Ты меня не узнал?

–

Мама! – только выдохнул он и припал к ней, обнимая изо всех сил, как будто боялся опять потерять ее на целый месяц своей жизни.

У Леры на глаза навернулись слезы и она держала его в своих объятиях до тех пор, пока не смогла совладать с собой: слишком много свидетелей.

–

Ты опять уедешь? – спросил ребенок.

–

Нет, дорогой! Никуда я уже не уеду! Мы теперь будем вместе с тобой везде путешествовать, хочешь?

–

Да, – смущенно промолвил ребенок.

Какое же это было счастье опять спать с ним на маленьком диванчике “Малютка”, слышать его спокойное сонное дыхание, а утром просыпаться и дурачиться, не вставая с кровати. Лера отогнала от себя навязчивые воспоминания о пробуждении с тощим Юрой в одной постели. Все пройдет, все пройдет...

В первый же выходной она отправилась с Катей на ВДНХ, покупать видеомэганитофон. Подруга на тот момент уже не работала в секции дорогого женского белья, удачно переквалифицировавшись на заместителя заведующей секцией Сони-Панасоник. Здесь давали хорошие бонусы в виде дорогой техники, и мужчины приходили не только с любовницами для покупки трусиков-лифчиков. Но почему-то и здесь ей не везло с принцами. Не появлялись они в секции электронных товаров Сони-Панасоник, а если и было что-то подходящее, то рядом гордо вышагивала принцесса.

–

Я не понимаю этих мужиков, – часто жаловалась Катя подруге. – Чем интереснее он, тем страшнее она. Где глаза у

них?

—

Ну может, там свой интерес. Прописка, например, московская. Или хорошие внутренние качества человека, — предполагала Лера.

—

Не знаю, ничего не понимаю. Недавно зашел один, такой классный. Глазками стрелял-стрелял... Потом подошел, стал что-то о технике спрашивать. Долго так интересовался. А сам улыбается и в глаза мне смотрит. Только я уже губы раскатала, входит краля его с ворохом бумажных пакетов. Он сразу и сник.

—

Если ты будешь надеяться только на свой магазин, всю жизнь придется ждать тебе, — Лера считала себя мудрой старшей подругой и старалась научить Катю жизни.

—

Где их искать-то? Не в метро же... Те, кто в метро — мне не нужны!

Лера не стала никому ничего рассказывать о своей ситуации. Сказала только, что ждет приглашение от Юрия с Тенерифе, и уедет назад с Мишкой. Такая версия. А там — что-нибудь придумает. Кате же она не стала говорить о своих открытиях по поводу татуировки на причинном месте. Позор-то какой! Зная Катино умение иронизировать, она даже не сомневалась, что это станет притчей во языцех в их раз-

говорах на всю оставшуюся жизнь.

От Выставки Достижений Народного Хозяйства осталась только одна аббревиатура: ВДНХ. Никаких достижений здесь давно не было, так же, как и народного хозяйства в стране. Что выставлять-то? Все комплексы арендовались предприимчивыми бизнесменами. Тут можно было купить все или почти все, были бы деньги. Техника, мебель, вещи, обувь, посуда, лекарственные препараты и многое другое. Все импортное.

—

А зачем тебе видеомэгнитофон, если ты собираешься уезжать? — поинтересовалась Катя.

—

С собой возьму, кассет разных куплю с мультфильмами для Мишки. Пусть смотрит русские мультики, на испанском ведь он не понимает, а там все телевидение на местном, — она так поверила в свою придуманную версию, что ей казалось, будто это правда.

—

А-а, — понимающе протянула подруга.

Видеомэгнитофоны только стали появляться в свободной продаже и стоили недешево. Иметь такое чудо техники, чтобы можно было развалиться дома в кресле, а не ходить в кинотеатр, сидя в душном зале и слушая чей-то кашель, считалось очень престижным. Только вот фильмы брать особо неоткуда было. Предприимчивые мальчишки еще не открыли

пункты видеопроката – все придет гораздо позже. Где-то что –то передавалось из рук в руки. Но не то, что хочется посмотреть, а то, что предлагают.

Лера купила компактный японский видеоманитофон и несколько кассет с мультфильмами. Пришла домой довольная. Установила все и позвала ребенка:

–

Миш, подойди пожалуйста! Смотри, что я купила для тебя! – нажала кнопку на пульте и на экране телевизора возник Чебурашка.

–

Чебурашка! – воскликнул ребенок.

–

Да, но теперь ты можешь смотреть мультик когда захочешь, а не тогда, когда по телевизору показывают.

–

Как это?– удивленно спросил Миша.

–

Вот видишь эту коробочку, в ней кассета с записью. Нажал кнопку и все сразу показывает. Здорово, правда? Ты доволен, малыш?

–

Очень! Мам, мы правда уезжаем?

–

Наверное, мой хороший. А ты хочешь?

–

Даже не знаю. А как же коробочка с мультфильмами?

—

А мы ее с собой заберем.

Никаких версий Лере придумывать не пришлось. Фортуна решила подбросить еще один шанс и повернулась передом. И предстала Богиня Удачи на сей раз в лице полячки Анны. В один из длинных декабрьских дней, проходящих под лозунгом “как жить дальше”, она позвонила и сообщила:

—

Валери, у меня для тебя хорошая новость. Я поговорила с руководством и убедила их, что нам нужен представитель в Москве, а не на Тенерифе. Они согласились. Работа ответственная — это не только звонки клиентам, но и постоянные финансовые отчеты и... — Анна продолжала перечислять обязанности. — Они согласились выделить зарплату полторы тысячи долларов в месяц. Ты согласна, справишься?

Согласна ли она? Анна еще спрашивала... Лера чувствовала, как у нее растут крылья и ее беспросветное существование, все прошлые неудачные попытки найти себя, потихоньку отходят на задний план. Анна и раньше звонила — в основном с сожалениями, что Лера уехала, и укорами: какой подлец этот Юрий.

—

Он тебе не вышлет приглашение, — сказала она как-то.

—

Анна, я все знаю.

—

Твои вещи он передаст с туристом, — сообщила она в следующий раз. — Они будут в московском представительстве.

—

Я поговорю с руководством, может быть уговорю их, чтобы ты работала в Москве для нас, — пообещала она однажды.

Лера слабо верила в эту возможность до сегодняшнего звонка. Кто бы мог подумать... Как люди бывают обманчивы. В Испании Анна казалась сгустком энергии, и создавалось впечатление, что она живет только для себя: в глазах отражались преимущественно доллары и она носилась в поисках очередной жертвы таймшера. Ей несвойственно было интересоваться проблемами окружающих ее людей, а тут такой сюрприз. Безусловно, руководство прислушалось к ее совету оставить Валерию в московском представительстве. Они доверяли этой молодой расторопной полячке и уважали ее мнение. А Анна продолжала говорить:

—

Валери, будет нелегко. Надеюсь, ты понимаешь. Все надо начинать с нуля.

На тебе будет и отправка туристов, уже купивших таймшер, на отдых. Оформление виз, приобретение билетов. Я на тебя очень рассчитываю. Можно сказать, я подписалась за тебя. Не подведи!

—

Анна, я не знаю, как тебя благодарить! Дай Бог тебе всего

самого хорошего.

—

Не надо меня благодарить. Я очень хорошо понимаю твою ситуацию. Завтра же отправляйся в московский офис и разговаривай с Сергеем. Он в курсе. Пока!

Сергей встретил Леру радушно и немного смущенно (она догадывалась об источнике смущения – Юрий, конечно же, поделился с ним своими недовольствами по поводу привезенной из Москвы сожительницы). После недолгой беседы он промолвил:

—

Ну что же, я надеюсь у нас все получится. Клиентов пока немного, но русская линия на Тенерифе теперь всем будет давать наши координаты и, думаю, дело пойдет. Теперь по оплате. Тысяча твоя – пятьсот мои. Ты понимаешь: это и аренда офиса, и другие затраты – мне-то зарплату не платят...

—

Хорошо, – кротко согласилась Лера. А что она могла, начать торговаться? Не в ее характере это было. Да и тысяча – более, чем приличные деньги.

И дело пошло. С каждым днем, неделей, клиентов – проходящих, звонящих, приносящих деньги, да и просто желающих уехать на отдых, – становилось все больше и больше. Лера не подвела – работала на совесть. Полный рабочий день в офисе отнюдь не заканчивался по приходу домой. Поужи-

нав, она садилась обзванивать «счастливицков», только прибывших с Канарских островов и еще не успевших понять, что они натворили. Вот тут-то она и брала их, что называется, горяченькими.

—

Добрый вечер. Меня зовут Валерия, я ваш представитель в Москве. Мне пришел ваш контракт, по которому вы должны будете внести следующий взнос в нашем представительстве. Есть ли у вас какие-то вопросы?

Чаще всего вопросов не было – они возникали значительно позже, уже после выплаты полной суммы и желания отдохнуть или поменять свою неделю на что-то другое. Вот тут и начинались проблемы, которые Сергей, обычно, вешал на Леру. И если в самом начале он еще встречался с клиентами, то позже даже не удосуживался зайти и поздороваться: разве что, если этот клиент представлял для него интерес в будущем. Он только забирал у Леры пачки денег, с которых при отправке в оффшорную компанию имел очень хороший процент. В дальнейшем ему показалось, что пятьсот долларов – недостаточная мзда из зарплаты Леры и он предложил ее увеличить, компенсируя процентом из перевода денег. Каково же было его удивление, когда Лерин процент стал составлять гораздо больше, чем фиксируемая сумма, которую он вычел из ее канарской зарплаты. Но назад дороги нет.

Сергей был неплохим мужчиной, но очень жадным и завистливым. Окончив в свое время Институт международных

отношений, какое-то время работал в МИДе, неплохо владел английским, имел хорошие манеры, был обаятелен, мил и приятен в разговоре. Проблем было две: ему всегда не хватало денег и он был дамским угодником. Разведясь с первой женой, он содержал двух дочерей-подростков от первого брака и имел сына во втором браке. Детей он боготворил. Все самое новое было у его дочек, все поездки оплачивались им. Он действительно их полностью содержал, а не просто отдавал копеечные алименты, дабы отвязаться. Сын был еще слишком мал, а новая жена требовала на свои расходы тысячу в месяц. Само собой, не рублей. Она, пожалуй, являлась основной статьёй его расходов. Алена, как ее звали, была страшнее атомной войны (Лера просто не могла поверить своим глазам, когда впервые увидела ее в офисе), но обладала неимоверно завышенным самомнением. Это именно тот вариант: когда его (мнение) прививают с детства умные родители-психологи некрасивым девочкам, и девушки эти, вырастая, не замечают своей непривлекательности, а ведут себя соответствующим образом (я-самая лучшая и красивая), и мальчишки, а в дальнейшем мужчины, ходят за ними толпами.

Сам Сергей ездил на старой, постоянно ломающейся, «шестерке», и занимал две комнаты в коммунальной квартире, не имея возможности выкупить третью. Конечно, денег ведь не хватает... Поначалу он пытался подбить клин и под Леру: они даже поехали кататься как-то по вечерней Москве, с заездом на Воробьевы Горы. Пылкий женолюб даже сделал

попытку поцеловать ее, прижав к мощным перилам смотровой площадки, открывающей вид на Москва-реку. В это время, где-то совсем рядом через Москва-реку, в районе стадиона Лужники, в их коммунальной квартире жена Алена ждала с ужином. А может, не ждала. Кто знает? Может, ей нужна было только вожденная тысяча. Алена, кстати, уже тогда ездила на старенькой Ауди, купленной супругом – «шестерки» она стеснялась. Лера уклонилась от его ухаживаний: вот еще, чего не хватало! Она всегда была противницей романов в офисе, тем более с начальником. Покатались и хватит!

Спустя несколько месяцев после начала работы, как только забрезжило первое весеннее солнышко, народ, вспомнив о своей недвижимости на островах, стал подтягиваться в офис с паспортами и деньгами на визы-билеты. Все только начиналось тогда: не было агентств, аккредитованных в Посольстве, которым можно было сдавать паспорта и забирать их к назначенному сроку с готовыми, тогда еще испанскими, визами желтого цвета. Как не было и прямых рейсов на Тенерифе. Лера проторила дорожку к Испанскому Консульству. Снег ли-дождь ли, она скромно стояла, выжидая своей очереди, и с завистью поглядывая на таких же, как она, уютно устроившихся в теплых салонах своих автомобилей. От Посольств, какую бы страну они не представляли, никогда не знаешь чего ожидать. Начиная с того, сколько человек в день они примут, и заканчивая получением пустого паспорта без объяснения на то причин. Жаловаться некому: дверь

закрывается и вешается табличка «Приема нет».

Лерин интерес отражался не в почетных грамотах и поощрениях в трудовой книжке, а в солидной пачке зеленых купюр, и она с удовольствием выполняла свою работу. Более того: ей нравилось то, что она делала. Она была на своем месте. Клиенты уважали ее, прислушивались к мнению, а она старалась по мере возможности помочь в решении разного рода проблем, а не просто отделаться от них, как от назойливых мух. И люди ценили это. Она часами сидела на телефоне и факсе, выбивая очередные недели для уже ставших почти родными обладателей таймшера.

По мере того, как она приобретала билеты в одном и том же месте, ей стали делать значительные скидки от количества покупаемого. Сергей об этом не знал и не должен был. Это был ее маленький бизнес. Не смотря на то, что пачка зеленых, откладываемых в надежном месте, быстро росла, Лера не кутила и не позволял себе лишнего. Она прекрасно знала: эта работа может исчезнуть так же внезапно, как и появилась. Всегда надо иметь запас. Она оплатила свою долю в наконец-то построенном кооперативе и собиралась купить машину. Вот это был ее пунктик. Она устала ездить на метро и электричке, до сих пор остававшейся основным транспортом от дома до Белорусского вокзала.

Летом она купила Жигуль-«шестерку», которую ей впарили, как несведущему водителю – поломанную-подклеенную-подпаянную, где нужно, до первой же поломки. В бли-

жайший выходной она отправилась на дачу, где в то время жил Мишка со свекрами. Въехав в ворота дачного товарищества, она увидела личико своего ребенка, который сперва даже не понял ничего. Когда же узнал в водителе маму, сколько было радости у него и гордости у нее от того, что все налаживается в жизни. От того, что ей удалось подняться на ступеньку выше. Пока, правда, всего на одну маленькую ступенечку, но ведь лестница высокая, а ей еще подниматься по ней и подниматься. Хватило бы сил! И то, что она уже приезжает на своей машине на работу – маленькое, но достижение. А следующим, пожалуй, будет отдельная квартира. И прощай последние шесть лет унижений. И семья теперь приобретет совсем иной состав. Не свекровь-свекр-Олег-Мишка, а Лера и Мишка. И не будет больше никого в этой их семье.

А в семье Мария Анатольевна-свекр-Олег-Мишка и Лера как бесплатное приложение, становилось все хуже и хуже. Она терпела издевательства из последних сил, и только работа спасала. Олег буйствовал. Однажды он довел ее до такого состояния, что она отправилась с заявлением в милицию. Он угрожал, запугивал и, по всей видимости, не знал, в какое русло пустить тот гнев и злобу, которые так и перли из него. Он-то думал, что бывшая жена будет в ногах валяться, чтобы назад принял. А тут она, независимая и красивая, получает кучу денег и плевать на него хотела с высокой колокольни. Ну так я ей покажу кузькину мать! Как только он не провоцировал ее, какие козни не придумывал. Оканчивалось все-

гда одними и теми же угрозами:

–

Ты, сука, да тебя в асфальт закатают, потом никто не найдет.

Этими словами Лера и закончила свою исповедь милиционеру. Он внимательно выслушал и сказал:

–

К сожалению, мы помочь не можем ничем. В принципе, семейные разборки – не наша прерогатива, но я Вам могу сказать одну вещь: когда угрожают, никогда ничего не делают. Если человек хочет как-то навредить, он никогда не будет заранее об этом говорить.

Однако заявление принял.

Видела Лера однажды и новую квартиру, о которой они так мечтали, и получить которую им удалось тогда, когда жить вместе была уже не судьба. Просторная светлая трешка в новостройке-многоэтажке. Не было там, правда, ни метро поблизости, ни телефона в перспективе. Решили искать варианты для обмена.

–

Ты себе можешь присматривать двушку, но по цене она должна быть равна моей однокомнатной, – высказал свое единое и неоспоримое мнение бывший муж.

–

С какой это стати?

–

А с такой, что я горбатился на эту квартиру и хочу половину. Да и денег ты на нее дала половину.

—

А Мишка не считается? Если бы его не было, нам бы не выделили трехкомнатную. Прописан он будет со мной.

—

Я сказал, так и будет, — набычился Олег.

Свекровь периодически продолжала устраивать показательные выступления. Хотя, чего уж там устраивать? Потерпи немного и скоро все съедут. Так нет же: ей обязательно надо было потрепать нервы — скорее себе, чем Лере, у которой к тому времени выработался стойкий иммунитет на все семейство.

—

Чего ты сидишь в Москве? — начинала она свою песню, когда находила коса на камень. — Почему ты не уедешь к родителям?

—

А почему я должна? У меня здесь работа... Да и вообще беспредметный разговор это, Мария Анатольевна. Это Вы мне говорите, когда мы скоро разъедемся?

—

А ты знаешь, Олег может сделать так, что ты квартиру не увидишь никогда? Он ведь основной квартиросъемщик. — И она начинала высказывать какие-то нереальные версии, зная, что подцепила бывшую невестку на крючок. — Какое

ты вообще имеешь отношение к этой квартире? Я встала в очередь на кооператив, он работал, чтобы получить его.

—

А я была прописана и родила ребенка, чтобы он получил его..., — заканчивала Лера и захлопывала за собой дверь. Внутри все кипело.

Потом являлся Олег и была еще одна тема для скандала.

—

Ты зачем матери хамишь? — начинал он. И все шло по кругу. Заносилась рука, но до рукоприкладства не доходило.

Не смотря на устоявшийся иммунитет, Лера страдала очень от всей этой ситуации. Часто приходила на работу подавленная, один раз не выдержав и все рассказав Сергею, заметившему ее состояние, расплакалась. Он сел рядом на кожаный диван, предложил:

—

Ляг, полежи, отдохни. Я закрою дверь, чтобы никто не зашел. Давай я тебе спину помассирую, помогает.

Лера покорно согласилась. Она была не в состоянии задумываться о том, что это опасно. По мере массажа ткань ее блузы была приподнята умелыми руками, и взору искусителя предстало черное эротическое кружевное белье — «боди», делающее молодую женщину сексуальной и желанной. Сейчас она могла себе позволить купить нежное французское белье, и делала это с громадным удовольствием, не жалея денег.

–

Как красиво, – выдохнул он и, подавшись порыву, стал целовать ее плечи.

–

Сергей, не надо, – мягко отстранилась она, вставая. – Мы ведь друзья?

–

Извини, – покрасневши, он мягко отстранился. – Ты не представляешь, какая ты... Ну что я тебе могу посоветовать в данной ситуации... – продолжал он, усаживаясь в свое большое директорское кресло и меняя тон на деловой

. – Надо потерпеть немного. Финиш

ная ленточка маячит неподалеку. Ты уже занимаешься разменом, я так понимаю.

–

Мы еще не все документы получили на кооператив.

–

В любом случае это скоро случится.

И это случилось как раз к Лериному тридцатилетию. Сколько ей пришлось потрепать себе нервы по вопросу обмена, знала только она. Олег, надувшись, отвергал все предлагаемые варианты размена. Причина находилась каждый раз разная: то ему район не подходит, то кухня маленькая (как будто готовить ему там), то балкона нет, то санузел совмещенный... Варианты можно перечислять до бесконечности. На самом деле, он просто испытывал бывшую жену на

прочность и старался сделать ей в пику. Ему-то все равно: в своей квартире или с родителями. Комфортно и удобно: столовая-прачечная в лице папы с мамой под боком, а прийти и плюхнуться в постель все равно где. Но гонор показать – самое оно.

Лера к тому времени уже успела поменять машину на более приличную, крутую по тем временам «девятку». Конечно, Олег бесился. Ей постоянно звонили мужики: говорила – по работе, а там поди-проверь. Она шла по своей лестнице судьбы вверх семимильными шагами и была уверена в завтрашнем дне, а он топтался на месте и зверел от создавшейся ситуации. Ведь он кто: ма-а-асквич! А она? Лимита! На самом деле так рассуждают многие москвичи, которые считают, что они должны иметь всё по определению, не прилагая к тому усилий: они же коренные москвичи! И подноситься им это должно на блюдечке с золотой каемочкой. Ну, а не принесут – так мамка с папкой под боком, не оставят дитятю в беде. А лимита – на то и лимита, что знает: своим горбом не заработаешь, никто не поможет. А блюдечко не только с каемочкой, но и обычное, столовско-общепитовское, некому поднести. Поэтому и достигают гораздо больше избалованных и инертных москвичей. Ну, а те и бесятся. Только и могут сказать: понаехала лимита!

Апогеем стала нелицеприятная ситуация, возникшая как-то вечером. Он пришел трезвым и злым – Лера сразу увидела это. Взвинченный и накрученный кем-то ранее и желаю-

щий отыгратья на ближнем, в данном случае на ней. Слово за слово (была бы цель, а средство найдется), он стал угрожать. Лера в карман за словом не полезла. Он, после фонтана матерной брани в ее адрес, разбил лампочку-ночник, усыпав ковер осколками мелкого тонкого стекла. Сильной ручищей наш «герой» повалил бывшую любимую жену на паутину из стекла, поднося оголенный патрон к ее лицу. «Как в пыточ-ной» – промелькнуло в голове у незащищенной женщины.

–

Что ты сказала, ну-ка повтори, сучка! – продолжал бывший муж, не давая Лере встать с пола и нависая над ней.

–

То, что слышал, – она уже собиралась спать и на голое тело был наброшен длинный халат без пуговиц.

–

Ты у меня сегодня на улице спать будешь, лимита! – с эти-ми словами он поволок сопротивляющуюся женщину воло-ком, как мешок с картошкой, к двери.

В коридор на шум выбежали свекры. Лерин халатик к это-му времени распахнулся, выставляя на обозрение все самое интимное. Олег открыл входную дверь в парадное.

–

Сегодня поспишь на коврике, не принцесса!

–

Что ты делаешь, Олег! Прекрати, – они попытались оста-новить разбушевавшегося сына.

Улучив момент, когда он отпустил ее, Лера вскочила с пола. Она не контролировала себя и думала только о том, как отомстить своему обидчику – здоровому сильному мужику, который в силу своих физических возможностей смог так унижить ее. Мужлан, ничего не достигший в жизни и живущий низменными потребностями, имеет право поднять руку на нее, уважаемую на работе многими людьми, называющими ее по имени-отчеству? Только по тому праву, что она когда-то, по случайному недоразумению, была его женой, и сейчас они все еще живут под одной крышей? Реальность отошла на задний план и в глазах рябили картинки: оголенного патрона, маячащего возле глаз, как во время пытки...Ее, полуобнаженной, беспомощной, выставленной на всеобщее обозрение...

Все, что она в данный момент увидела – случайно попавшееся на глаза орудие мести. Удачно подвернувшаяся Мишкина деревянная клюшка приютилась в углу, с любопытством глядя на участников сцены хорошо заточенным концом. Лера не помнила как схватила клюшку и, через головы родителей, вставших между ней и обидчиком, стала с размаху опускать ее на темечко своего бывшего мужа. С каждым ударом ей становилось легче... Она находилась в состоянии аффекта, и любой суд оправдал бы ее.

Вернулась в реальность она в тот момент, когда после временной немой сцены обалдевших от такого поступка родственников, последовали «охи» и «ахи» присутствующих.

Бывший муж, выпучив глаза, схватился за лоб, в доли секунды распутившийся сине-бордовым цветком.

—

Что ты сделала? Мы сейчас милицию вызовем! — завопили родственники.

—

Вызывайте, — спокойно ответила Лера. — Я им покажу разбитые стекла и лампочку, которой он меня пытал. Как вы думаете, кому они поверят? Мне, слабой женщине, или этому бугаю?

Держалась молодцом, но струхнула здорово. Их много — она одна. Еще ночью подкрадется и убьет. Благо, Мишка был все это время в ванной и не видел сцену разборки.

Лера зарабатывала достаточно на тот момент, чтобы снять жилье. Но тогда она бы совсем не видела ребенка — только в выходные, а ее это не устраивало. Да и не думала она, что все так затянется с разменом новой квартиры. Жертвуя своими молодыми, но невосстанавливающимися нервными клетками, она оставляла за собой возможность общаться с сыном вечерами.

После этого случая она стала еще более активно заниматься поисками вариантов размена жилья и пригрозила Олегу:

—

Еще раз откажешься, будем менять через суд. Там тебе долго не дадут носом крутить — согласишься на первый возможный вариант.

Олег, трус по натуре, испугался, что через суд он может оказаться в очень невыгодной ситуации и квартире, по закону, гораздо меньше планируемой им. В конечном итоге он согласился на вариант: Лера с ребенком едут в двухкомнатную хрущевку на Востоке Москвы, в один из самых экологически загрязненных районов, он – в большую однокомнатную квартиру новой планировки на Юго-Западе. По стоимости квартиры были равны. Лера потирала руки от предвкушения поселиться отдельно к своему тридцатилетию. И тут, когда уже все было на мази, их обменщица заявила:

–

Я звонила на телефонную станцию. В ближайшее время район, где находится ваша квартира, телефонизироваться не будет. Я вам даю два телефона, вы мне ни одного. Я требую доплату в размере тысячи долларов, иначе обмен не состоится.

–

Будем искать другой, – в очередной раз выпучил Олег свои «базедовые» глаза, услышав новость.

–

Ничего мы искать не будем, – твердо ответила Лера. – Я отдам ей тысячу.

–

Ну, богатая..., – сощурился он. – Как знаешь. Деньги большие, но она уже больше не имела ни физических, ни моральных сил выдерживать ополчившееся против

нее семейство. Дела на работе шли неплохо и Валерия могла позволить себе отдать искомую сумму. Несправедливо, конечно. И здесь он разжился на ее безвыходной ситуации. Но кто говорил, что жизнь справедлива? Особенно, когда за тебя некому в ней постоять и ты, как та лягушка, взбиваешь лапками молоко, чтобы из него получилось масло...

Квартира ей понравилась: чистенькая (даже ремонт делать не надо), окна в зеленый тихий двор. Рядом парк, где можно гулять с ребенком. За два дня до тридцатилетия Леры у подъезда остановилась большая грузовая машина, куда и была погружена мебель, благополучно приехавшая в этот же двор контейнером из Украины семь лет назад.

«Прощайте, недруги, сопровождавшие меня все эти годы: терпение и страдание. И семья, так и не ставшая мне родной», – выдохнула Лера, покидая двор на своей «девятке». Мишку она в тот вечер оставила у свекров – надо как-то обжиться. Завтра на работу, а вечером в аэропорт: прилетали родители. Помочь.

И вот, картина маслом, мазки к которой так долго и усердно наносились художником под названием «жизнь». Выгружена мебель. В квартире нет ни одной лампочки – все люстры снимали бывшие владельцы. Лера сидит в маленькой комнатке на диване «Малютка» за полированным журнальным столиком, к которому прикреплена небезызвестная лампочка-ночник, источник инцидента, орудие пытки. Женщина жует «резиновые» пельмени, пачку которых преду-

смотрительно успела купить в магазине. Но чувствует она себя так, как будто кушает самый вкусный из всех деликатесов в мире. Да и пребывает в комфортном пятизвездочном отеле, а не в темной комнате.

Счастье, переполняющее ее, невозможно сравнить ни с чем. Она, правда, не успела еще со всей полнотой прочувствовать его, но и последнего часа наедине со своей первой московской квартирой было вполне достаточно. Свобода! Полная моральная свобода от ненавистного бывшего мужа, его родителей, всеми силами пытающихся отравить ее существование в течение последних нескольких лет. Теперь она может делать что хочет и когда хочет, не боясь быть застигнутой врасплох неожиданно открывшейся дверью в комнату. Купаться в ванной столько, сколько влезет, без боязни услышать стук: «Ну ты скоро там?» Готовить на кухне все, что заблагорассудится, не боясь косых взглядов и усмешек. Неужели она все-таки дождалась этого момента? Ведь почти семь лет каторги были преддверием к сегодняшнему дню...

Лера, правда, не хотела думать сейчас о том, что Мишка все еще будет являться камнем преткновения между ней и семейством долгое время. Момент счастья был настолько сильным и всеобъемлющим, что она не хотела портить его.

Впервые за долгое время она спала на диванчике «Малютка» одна.

Прошло несколько месяцев.

Казалось, судьба не переставала награждать Леру за все те испытания, которые предоставляла ей ранее. По крайней мере, полосу жизни молодой женщины можно было назвать не только светлой, но кипельно-белой. Все шло как по маслу. Она со вкусом обставила квартиру, не жалея на то денег. Мебель покупалась очень дорогая и Лера даже не думала искать что-либо подешевле. Дом, обстановка, комфорт и уют всегда являлись ее слабостью, а она была лишена этого последние семь лет своей молодой жизни. Сейчас же наступил тот момент, которого она ждала очень долго. Можно взять реванш. В один из выходных она отправилась на ВДНХ и в огромном мебельном салоне заказала все то, что хотела бы видеть каждый день вокруг себя... Ведь, как известно, красивое окружение создает своего рода благоприятную ауру, положительные эмоции, которые Лера пыталась наверстать с лихвой после вагона негатива, полученного ранее. Французская мягкая мебель, испанская миниатюрная стенка в стиле рококо, угловая резная «стекляшка» для посуды, заказанная по каталогу непосредственно из страны тореадоров, красивый журнальный столик на резных ножках, увенчанный массивным стеклом и обошедший хозяйке в целом состояние, удачно вписались в гостиную. Старая же мебель перекочевала в маленькую комнату и вместительную кладовую.

На работе тоже произошли благоприятные изменения в сторону расширения. Несколько таймшерных клубов, про-

слышав о налаженной работе московского представительства, попросили взять их под свое крыло. Ну, а Сергей любезно согласился. Пополнился штат фирмы, и Лера теперь уже занимала должность заместителя директора. Она не стояла больше в очередях под дверями посольства, как бедная родственница – на горизонте появились нужные фирмочки, которым она отвозила документы и забирала в назначенное время. Основная работа оставалась на ней – сказать по правде, не доверяла она вновь прибывшим девушкам справляться с важными заданиями. Новенькие, Маша и Света, являясь представителями других клубов, принимали клиентов и работали через пень колоду: то кофе попить, то сигаретку выкурить, то просто выйти на улицу поболтать... На Машу Сергей сразу же положил свой донжуановский глаз, а Лера только выдохнула с облегчением.

Света, вторая девушка, стала подругой Леры. Высокая блондинка с длинными густыми волосами, голубыми глазами, породистым большим носом и ногами от ушей. Мужчины засматривались на нее, и многие из проходящих клиентов-таймшерников делали неоднозначные намеки. Света со всеми была мила, но сердце ее было несвободно. Женатый мужчина из далекой Молдавии занял ее мысли целиком и полностью. Невысокого роста, некрасив, ничего эдакого не наблюдалось в нем, но Светлана любила его собачьей преданностью. Она моталась по всей Москве в поисках запчастей на его машину-«японку», везла их в аэропорт через всю

столицу в обратном направлении, чтобы отправить с летчиками. Любое его желание, просьба моментально и неотложно выполнялись. В Москве у Константина, назовем его так, имелся какой-то незначительный бизнес. Вернее, бизнес был там, в Молдавии, но в столицу Костя мотался с завидной регулярностью для встречи с деловыми партнерами. И ему было очень удобно останавливаться в квартире у Светланы, не смотря на проживание ее родителей тут же. Лера все видела и понимала: водит он девку за нос. Кормил байками о разводе, а она периодически бегала делать аборт от него. Но любовь слепа, а зрячими оказываются посторонние люди, которые не могут совершить действие исцеления ослепшего. Посоветовать? Прислушиваются ли влюбленные к советам? Светлана порхала на крыльях любви, кормила-поила ухаже-ра из своей зарплаты, покупала ажурные чулочки и красивое белье, дабы приковать его внимание к себе и только к себе... И рассчитывала, что в очень скором времени он станет мужем для нее.

Бизнес в компании шел прекрасно, и следующей Лериной покупкой стала дача в Подмосковье. Это был еще один исполненный зарок, данный самой себе в далеком бедном прошлом. Каждый раз, погожим летним днем, от невозможности куда-нибудь себя деть просиживая в гордом одиночестве в квартире, она вспоминала картинки из Подмосковья. Нет, не дачи свекров, где она всегда чувствовала себя Золушкой и каждый ее шаг к грядке сопровождался пристальным и неот-

рывным взором свекрови...

Ранней осенью, в прекрасный солнечный день бабьего лета, они с Катей как-то вырвались в ближайшее Подмосковье. Сойдя с электрички и бредя куда ноги ведут, забрели в дачный поселок. Огромные шапки георгин, налившихся всеми цветами, от нежно-лимонного до кроваво-бордового; стройные ряды элегантных гладиолусов; улыбающиеся, какие-то немосковские даже, люди; музыка, перекликающаяся с птичьими голосами; запах горящих углей... Все это освещено солнечным светом уходящего теплого дня. И так стало ей хорошо в тот момент... И представила она себя возле маленького домика, пусть недорогого. А вокруг деревья, цветы – и все это твое. И никто не будет наблюдать за тобой... «Как только появятся деньги – в первую очередь покупаю машину и дачу», – пообещала тогда Лера себе.

Был куплен домик на шести сотках, в удобном от дома направлении. В принципе, покупала она этот домик под свою маму, Татьяну Леонидовну, которая с момента переезда дочери в отдельную квартиру жила в Москве. «Мама будет с Мишкой на даче, а я – в пятницу к ним, в воскресенье – назад», – так решила Лера. Но идиллия, так заботливо продуманная дочерью, была разрушена. Мама, отсидев с ребенком три месяца, неожиданно торопливо стала собираться домой, даже не пожелав взглянуть на загородную покупку дочери.

—

Лера, я бы все равно одна на даче побоялась сидеть, – от-

ветила она на просьбу дочери остаться. – А дома папа один. Его тоже можно понять...

Гораздо позже, она узнала от матери истинную причину отъезда. Все эти месяцы свекровь сходилась с ума. Она, привыкшая к своему полному и безраздельному владению внуком, страшно ревновала его к внезапно появившейся еще одной бабушке. Она звонила сватье часто и буквально выживала ее из Москвы:

–

Что Вам здесь делать? У Вас муж там, – начинала она свой прямой незамысловатый монолог. – Вы не боитесь его потерять? Жена должна быть при муже. А за Мишу не переживайте.

–

Я бабушка и имею право проводить время со своим внуком! – атаковала она. – Я уже программу на лето придумала для него. Вы же все равно не будете заниматься с ним. Я хочу забрать его на дачу. Имею полное право.

Надо было знать Лерину маму, чтобы понять: на конфликт она никогда не шла. Да и не нужно ей это было. Хотите сидеть? Забирайте внука! После отъезда Татьяны Леонидовны, свекровь опять осмелела и заняла прежнюю позицию начальницы по отношению к невестке:

–

Я считаю, Миша должен пойти в школу здесь, в нашем районе. Я сижу дома, буду делать с ним уроки – это очень

важно в самом начале. Ты все равно много работаешь. Отец (она имела в виду своего мужа) будет отводить-забирать. Кормить тоже нужно по расписанию. Мы ведь плохого не хотим для него!

Лера согласилась с доводами – она очень много работала и, безусловно, родная бабушка всегда лучше посмотрит за ребенком, чем приходящая чужая тетя. Да и гимназию хорошую она давно присмотрела на Можайском шоссе, в первый класс которой Миша и был принят.

–

Я все подсчитала, – вызвала на разговор свекровь бывшую невестку

в следующий раз. – Если бы ты брала человека, платила бы ему деньги. Так вот, двести пятьдесят долларов в месяц будет

вполне достаточно, чтобы покрыть все наши расходы.

Сумма эта в те времена являлась хорошей зарплатой для Москвы. Родная бабушка, обожающая внука, требует деньги. За что? За тарелку супа, которую поставит перед ним? Или за то, что уроки с ним сделает? А может за то, что бабушка, в свое удовольствие, пойдет с внуком погулять? Но свекрови нужно было приводить квартиру, по которой давно плакал ремонт, в порядок. Мебель была куплена еще до рождения Олега... Поменять надо? Технику новую приобрести... А тут ситуация подходящая подвернулась: Лера со своими деньгами, буквально падающими с неба. Нет, конеч-

но, она очень любила Мишеньку, но бывшая сноха тоже не обеднеет... Ничего не говорилось на счет отца: какой взнос он внесет в содержание Миши. «Ну ты же мать» – любимое изречение продолжало иметь свой вес. И она знала, что Лера никуда не денется. По той простой причине, что деться ей некуда.

Олег полностью самоизолировался, на горизонте не появлялся и не звонил. С ребенком он не общался, алименты не платил. Валерия не посчитала нужным затевать возню ради «пяти копеек», которые будет выплачивать ей государство, и его не тревожила. В памяти еще свежи были воспоминания о «базедовых» глазах, которые он выпучивал, что не по нему. Бог накажет, Бог простит...

Настало лето, дачный сезон и сезон отпусков. Лера приобрела тур в Италию. Это страна была ее давней мечтой... Не то чтобы она пообещала себе посетить ее во что бы то ни стало, но когда возник вопрос, куда ехать, ответ был однозначным: в Италию. Рим, Флоренция, Венеция – эти названия можно было петь. Она с удовольствием лежала на траве, любуясь Пизанской башней и глядя на проплывающие мимо облака; стояла в темном дворике, пытаясь сфотографировать реконструируемый, весь в лесах, балкончик Ромео и Джульетты в Вероне. В Венеции она кормила с рук голубей на площади Святого Марка и любовалась старинной архитектурой из гондолы. Во Флоренции она терла рыльце кабанчика, символа прибыли, и забрасывала в его ненасытную

пасть монетки. Плавала в Тирренском море, получала удовольствие от красот Рима и просто смаковала кофе в уютных кондитерских Вечного Города. Поездка явилась ее первым путешествием после приезда с Тенерифе. Полтора года она тяжело работала, чтобы позволить себе все то, что могла позволить сейчас. Приехала загоревшая, отдохнувшая, с кучей обновок итальянского производства для себя и ребенка, сувенирами для коллег.

В Шереметьево ее встречали Света с Константином, на его «японке». В ближайший выходной тем же составом отправились обмывать дачу. Кусты сирени любопытно заглядывали на крыльцо, обдавая своим ароматом, разноцветная дикая гвоздика была вкраплена в траву по всему участку. Шашлыки, вино, зелень... Музыка, доносящаяся из машины. Лера чувствовала себя почти счастливой. Как в тот день, когда появилась мечта купить свой маленький домик в Подмосковье. Почему «почти»? Не хватало одного ма-а-аленького, незначительного нюанса в ее жизни: мужчины. Да не просто мужчины, кои встречались на ее пути в последнее время, и приехали бы на дачу прямо сейчас, только свистни. А Мужчины, которого она хотела бы видеть рядом с собой. Где-то бродит он неподалеку, и она чувствовала это...

Спать было страшновато – вокруг темень и тишина, не присущие Москве. Кто знает, чего ожидать от дачного поселка... Тем более, рядом подмосковный городок, откуда шантрапе желающей не обокрасть-так напугать, пешком прийти

нечего делать. Легли все в одной комнате, Костя – на полу. Рядом с собой положил топор.

–

Девчонки, не дрейфьте, спите спокойно. Я – на страже, – то ли в шутку, то ли всерьез произнес храбрец.

Суббота и воскресенье пролетели стремительно. Константин подкупал прекрасным чувством юмора, и Лера веселилась от всей души каждый раз, когда он отпускал какую-то шутку. На следующей неделе ей необходимо было забрать свою машину из ремонта.

–

Костик поможет тебе, – обнадежила ее подруга Света. – Всегда ведь лучше с мужиком забирать машину, чтобы не надули.

Костя подъехал вовремя, машина была забрана и отогнана к дому. Лера, как гостеприимный и порядочный человек, приличия ради предложила:

–

Может кофейку выпьешь на дорожку? Путь долгий, через весь город.

–

С удовольствием, – откликнулся Костя.

Не понятно, как истолковал Костя Лерино гостеприимство, но уже через несколько дней после кофейной церемонии он напомнил о себе вечерним телефонным звонком:

–

У меня к тебе просьба... – начал говорить он. – Только между нами.

–

Пожалуйста, – откликнулась Лера. Они ведь друзья, какие разговоры...

–

Мне дали кассету необычного содержания. Я не хотел бы, чтобы Света видела ее и, тем более, ее родители. Можно я посмотрю ее у тебя?

–

Почему нет? Конечно, – откликнулась Лера, в тот момент еще не сообразив, что лучше было бы ответить отказом.

Костя появился с видеокассетой и бутылкой красного вина, что сразу насторожило хозяйку.

–

Это зачем?

–

Давай по чуть-чуть, – предложил он. – Из Молдавии прислали, хорошее вино.

–

Я не буду, – напряглась Лера.

–

Ну тогда я один. – он открыл бутылку и налил себе в предложенный бокал.

–

Ну, в общем, ты знаешь, как пол

зваться видеоманитофоном. Н

е стану тебе мешать, у меня дела тут , на кухне... – сказала Лера, плотно закрывая за собой дверь.

Через некоторое время в кухню просунулась голова Константина:

–

Лерусь, зайдешь на секундочку?

Последовав за гостем и зайдя в гостиную, Лера опешила. Ее взору предстала следующая картина. На экране телевизора всю предавалась разврату тройка: две девушки (шоколад со сливками – любимая вариация сексуальных фантазий большинства представителей мужского пола) и белый жеребец немецкого происхождения (иначе его назвать нельзя было). Эти трое предавались утехам, по всей видимости, уже давно... Лера застала момент, когда девушки целовались, а парень с отрешенным взглядом пристроился сзади белой и всю наявивал, в такт их обоюдным стонам. «О, я, я! Дасиш фантастиш!» Она моментально отвернулась, бросив недоуменный взгляд на Костю. Он же, развалившись в ее любимом кресле французского производства, приспустив джинсы, вытащил свою гордость. Все это действие заняло каких-то тридцать секунд.

–

Посмотри, какой он классный, – гордо произнес Костя, возомнив себя парнем из видео и, по всей видимости, пребывая в полной уверенности, что сейчас они вместе с Ле-

рой осуществляют самые смелые его фантазии. Под диск порно, вставленный в видеомагнитофон. И профессиональные стоны порноактеров.

Лера смерила его таким испепеляющим взглядом, что герой-любовник тотчас же стушевался и засунул свое достоинство назад, откуда и взял.

—

Значит так, — сказала она. — Сейчас ты забираешь свою кассету, вино и уходишь. И мы делаем вид, что ничего не случилось. Ты пон

имаешь, что Света — моя подруга. Как ты вообще мог?

—

Ну, подруги разные бывают... — произнес ничуть не сконфуженный самец, явно рассчитывающий на взаимность. — Мне казалось, тебе тоже этого хочется. Да и Светка, честно говоря, баба хорошая, но в постели..., — он махнул рукой, давая понять, что она его не удовлетворяет.

—

Я никогда ей этого не скажу! — напоследок произнесла оторопевшая Лера, закрывая за ним дверь. — Ничего не произошло.

Вот что за люди, мужики! А говорят — мужская дружба, мужская дружба. Вначале армейский друг Олега, наплевав на все принципы, пытался ухаживать за ней, затем лучший друг детства-отрочества-юности пренебрег дружбой. Ведь

он мог отказать – сколько баб голодных ходит по Москве, зачем было затевать роман с женой лучшего друга?

«А этот гусь, имея такую классную Светку, которая за него и в огонь, и в воду готова лезть, ждет его, пока он разведется (не будет этого никогда), работает и спасает от голода в безденежные времена... Да что там говорить, ладно если бы она уродина была – так эффектная, интересная, моложе Леры на шесть лет. Нарисовался с порнухой и бутылкой вина в придачу. Думал, член свой знатный покажет, так и упаду от счастья в его объятия. Как будто единственный и неповторимый. Или утешить хотел в постели – смотрит, баба одинокая, денежная... Может, вообще переметнуться хотел. Молдаване, они такие – расчётливые, и все ищут, где лучше. Да, наверное, я произвожу впечатление неудовлетворенной телки, раз он ко мне подкатил», – думала Лера.

За этот период она не была одинока, отнюдь! Работа-работой, а удовлетворение физиологических потребностей – превыше всего. А как же? Если женщина не удовлетворена, не будет и работы. Или, наоборот, на всех кидаться будет – голодная и злая. Пробежал за это время один-второй мужчинка, и отношения были не разовые, а достаточно стабильные. Но были эти люди нужны именно для того потеряно-восстановительного периода, в котором находилась тогда Лера.

Сейчас же она создала для себя иной мир, противоположный тому, в котором жила раньше, и мужчина должен был быть ему под стать.

Вот этим мужчиной и стал Тельман.

Глава 2

Любовь здорово меняет человека. Любого. Влюбленного видно издалека: у него лихорадочно блестят глаза, на лице блуждает мечтательно-глуповатая улыбка, меняется походка (он парит), невпопад отвечает на вопросы (не до них ему сейчас) и все его естество кричит: Я ЛЮБЛЮ! Оговорюсь: эти симптомы наблюдаются при взаимной, хоть и с малой долей, ЛЮБОВЬ-бовь-бови. Отнюдь не при однобокой несчастной любви.

У самого закоренелого холостяка-скряги автоматически распахивается кошелек и он начинает сорить деньгами направо и налево: только бы покорить предмет своей любви. Донжуан, до этого не оставлявший ни одну юбку без внимания, забудет обо всех и вся, влюбившись по-настоящему. Эгоисты становятся “душками” и перекраивают себя и свои интересы под любимого (ую). Совы становятся жаворонками, заядлые меломаны-рокеры вдруг начинают слушать классику, мясоеды, неожиданно для себя, влюбляются в вегетарианство и ... Перечислять можно до бесконечности. На какие только жертвы не идут влюбленные!

Что уж говорить о женщинах, более ранимых, эмоцио-

нальных, чувственных и чувствительных? Которым любовь нужна как воздух, как вода... Как подпитка, без которой женщина эта становится сухой и блеклой, напоминая розу, когда-то красивую, но забытую в вазе без жидкости. Характер нелюбимой женщины постепенно портится, и она превращается в сгусток раздражения, злости и зависти, с недовольством глядя на влюбленные пары и понимая, что так и не узнала за всю свою жизнь: что же это такое – быть любимой? Посмотрите вокруг: видите насупленные взгляды, полные укоров, поджатые губы, опущенные уголки их, желание побольнее уколоть вас? Это нелюбимые женщины... Особенно хорошо видно их в местах общественного обслуживания: почта, магазин, банк – когда есть возможность или необходимость пообщаться с такой персоной, быть хоть несколько минут зависимой от нее. О, вот тут-то вся ее невостремованность налицо. На клиентах она и отыгрывается, и злость срывает – особенно если клиент чем докучает.

Если же женщина любима и любит, все у нее спорится и получается: несколько дел могут совершаться одновременно, улыбка озаряет ее лицо в течение всего рабочего дня: да пусть хоть сто человек надоедают своими проблемами... Она живет лишь одним моментом будущего: снова увидеть предмет своей любви. И ЖИВЕТ она сейчас именно им и для него.

Все это происходит до поры-до времени: ведь говорят, что у всего есть свой срок.

Но это будет позже, а пока...

Лера парила на крыльях любви. Она не видела, да и не хотела замечать ничего вокруг. Она, никогда не умеющая врать и играть, по глазам которой, как и по голосу, моментально можно было определить настроение, выдавала всем окружающим себя с потрохами. Она жила вечером-ночью-утром, когда любимый был рядом. День же проходил на автомате в ожидании вечера.

Первым заметил перемены Сергей. Он, будучи наслышан о происходящем, сказал:

—

Лера, я очень доволен, что у вас с Тельманом отношения. Он хороший парень... Ты, надеюсь, знаешь, что он несвободен? – оговорился он. И сразу же, махнув рукой, – Хотя, в принципе, тебе же не замуж выходить! А они все на две семьи живут. По крайней мере, он благородный, из хорошего рода, умный и интеллигентный. Тебе сейчас это необходимо. Как восстановительная терапия после развода.

Все случилось так быстро и напористо, что женщине казалось: они вместе всегда. Она просыпалась, видя любимые бархатные глаза, о которых мечтала всю свою жизнь. Ощущая теплые объятия Тельмана, его поцелуи и, как завершение, занятие любовью. Нежное, неторопливое, как разминка перед днем грядущим. Сборы на работу проходили сквозь призму объятий и поцелуев (в ванной, коридоре, на кухне). Отправлялись на работу почти всегда вместе. В офисе Лера

летала по их узкому коридору, как комета, в ожидании вечера. Домой уезжали вместе, с заездом в супермаркет. Что-то покупали, готовили ужин, о чем-то беседовали... И снова любовь. На сей раз, завершая день, они отдавали друг другу всю ту энергию, которую накопили в течение этих восьми часов в офисе, не имея возможности выплеснуть ее: в игривых взглядах, мимолетных прикосновениях и просто мечтах.

Секс был бурным, неистовым, свойственный двум молодым влюбленным темпераментным натурам.

В течение первого месяца Лера забыла обо всех и вся. Она даже Кате, лучшей подруге, перестала звонить: времени не было. Когда же все-таки удавалось вырвать пару минут, если Тельман задерживался где-то, она щебетала в трубку счастливым голосом. Подруга никогда раньше и не слышала у нее таких интонаций: как будто колокольчик звенел... И все о нем, о нем, о нем.

Лера особо не интересовалась, чем занимается и на что живет Тельман. Знала о дагестанских коврах ручной работы, гора из которых возвышалась в комнате-офисе дагестанцев. Заправлял делом лучший друг Тельмана, Азиз. Лысый, с большими добрыми глазами, он получил хорошее московское образование в свое время, и имел много друзей в столице. Он проводил встречи с потенциальными клиентами и подписывал договора. Занимался ли ее любимый еще чем-нибудь кроме ковров, Лера не знала и знать не желала. Она просто любила его – таким, какой он есть.

Уже тогда, в середине девяностых, “черных”, как прозвали лиц кавказской и не только, национальностей, не особо жаловали в столице, но гонений на них не было. Пока не попадешься под горячую руку. Тельман поведал Лере о том, что буквально за пару недель до начала их отношений он, подвыпивши, шел по Тверской, с друзьями. Был день каких-то войск. Их остановили “доблестные”, загнали в автобус, подогнанный специально для нарушителей правопорядка, поколотили, забрали у него немалую наличку и пытались снять перстень, подаренный отцом на совершеннолетие. К счастью, он не снимался...

—

За что? – восклицал тогда Тельман. – Что мы им плохого сделали? Били с такой жестокостью, как будто мы враги какие... А мы ведь сказали только, что служили в этих войсках и имеем отношение к празднику.

—

Ужас, – возмущалась Лера, представляя любимое тело в белой рубашке на грязном полу автобуса, пинаемое ногами в тяжелых сапожищах.

Пролетел первый месяц. Как в знойном бреду. Лера вспомнила, что ребенка она не видела за прошедшие тридцать дней ни разу (он был на даче у свекров) и, к своему стыду, не особо часто вспоминала о нем. “Нет, так нельзя, это неправильно, что со мной происходит?” – вопросы билась в голове, как теннисный мячик о стенку. Ответа на них

она не получала. Всегда трезвая и разумная, Лера перестала быть самой собой. Она сама себя не узнавала, как же могли узнавать ее окружающие?

В один из выходных свекры приехали в Москву “на помывку”, ну и заодно дела какие сделать. Лера отправилась в противоположный конец города за Мишкой: пора его познакомить с Тельманом. Как это будет? Как их представить? Что сказать? Понравится ли Мишке ее избранник – ведь рано или поздно их все равно надо будет представить друг другу, а мальчик знал только своего отца до сих пор...

–

Давай я буду на выходные где-нибудь оставаться, – предложил Тельман, чувствуя смятение Леры. – По крайней мере летом, пока твой сын на даче. Он ведь все равно не каждый выходной приезжает.

–

Нет, как это..., – начала она, – Нет! Так не годится. Мы ведь живем вместе и, рано или поздно, все равно придется вас познакомить. Это случится когда-нибудь... Так лучше раньше.

–

Ну как знаешь, – ответил он.

Порешили на том, что в первый выходной они только по-

знакомятся, а ночевать Тельман будет у друзей: детская психика – невероятно тонкий инструмент, ранить ее можно легко, а восстанавливать придется очень долго. Ребенок и так за свои шесть лет уже много настрадался из-за развода родителей... А уж потом, осенью, она скажет, что они решили жить вместе.

Лера заметила, что каждый раз, когда она забирала мальчика после длительного пребывания со свекрами, первые несколько часов состояние сына можно было назвать подавленностью, угнетенностью. Он отводил глазки, молчал и вел себя совсем как чужой. Только через какое-то время он оттаивал, расходился и превращался в самого себя. Женщина предполагала, что по всей видимости между бывшими свекрами ведутся какие-то разговоры не в ее пользу (о, в этом она даже не сомневалась). Но зачем же вести их в присутствии ребенка? Делайте это так, чтобы детское ухо не слышало – ведь нам только кажется, что ребенок не прислушивается, не понимает, а на самом деле все наоборот. Особенно то, что касается его родителей... Она даже не могла предположить, что ребенку в шесть лет будут прямым текстом говорить: “Мама плохая”.

Везя мальчика через всю Москву с запада на восток, Лера поглядывала в зеркало заднего вида и удивлялась: какой серьезный у нее сын. Она задавала какие-то обычные дачные вопросы: “ что посадили, во что играл”. На которые получала короткие исчерпывающие ответы. Сама же она в это вре-

мя лихорадочно прорабатывала в голове сценарий: как ему преподнести информацию о Тельмане. В любой интерпретации она видела себя развратной и порочной в глазах ребенка и если бы на месте Тельмана был другой человек – не было бы и проблемы. Она ни за что не стала бы знакомить их, да и жить бы не впустила к себе.

Но ТЕЛЬМАН... Это выше ее сил и возможностей.

–

Мишка, у меня новость.

–

Какая? – откликнулся ребенок.

–

Очень необычная и я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушал. Мы ведь всегда были честны друг с другом, правда? – Миша сузил свои огромные глазщи, с интересом глядя на мать.

–

Ты уже достаточно взрослый мальчик и должен меня понять. Мы развелись с твоим папой и больше никогда жить вместе не будем. Он остается твоим отцом, этого никто не отменял. Но жизнь идет своим чередом. Люди встречаются, расстаются, женятся, разводятся. У меня появился друг. – в этот момент личико ребенка заинтересованно вздернулось. – Он хороший человек, мы работаем вместе, ты его даже видел как-то в офисе. Тельман. Мы дружим, он прекрасно относится ко мне и я хочу тебя с ним сегодня познакомить.

—

Он у нас живет? – серьезно спросил Миша с нотками ревности в голосе.

—

Пока нет, но быть может в будущем... Посмотрим! По крайней мере, я очень рада, что имею такого друга. Миша, я тебя люблю больше всего на свете... Но женщина не может жить одна, ей нужна поддержка, мужское плечо.

—

Я все понимаю, – сказал маленький серьезный человечек. Коротко и ясно. И никаких лишних вопросов.

Лере Мишка всегда напоминал маленького старичка – такой же вдумчивый, мудрый какой-то непонятной детской мудростью. Порой ей казалось, что он живет на свете гораздо дольше, чем она. Вот только что творится в его маленькой головке понять было невозможно: вещь в себе. Он никогда не устраивал истерик, слезы показывал очень редко, и у Леры не было с ним проблем в воспитании. Она поражалась, глядя на капризных детей, канючащих: “Мам, ну купи, купи!” Или бросающихся на пол в магазине и сучащих ножками по полу, в своем желании приобрести желаемое. Не было этого. Купила? Спасибо! Не купила? Пошли дальше. Что творилось в его душе, что он переживал внутри – оставалось загадкой.

Тельман, имея своих двух сыновей, оказался дипломатом в общении с Мишкой. Не то что ребенок, всегда такой сдержанный, сразу бросился к нему на шею, но, по крайней мере,

в футбол они поиграли вместе на площадке. Лера наблюдала за самыми любимыми людьми в ее жизни, и бальзам медленно растекался по ее телу.

“Как долго я его ждала, как же я его люблю...”

И она продолжала купаться в волнах любви: безрассудно, безраздельно, не желая ни думать, ни делить, ни задумываться, ни анализировать, ни планировать. Только бы видеть глаза Тельмана, так похожие на глаза ее кумира подросткового периода Аль Пачино, дотрагиваться до жестких темных волос, проводить пальцем по крупному носу, целовать контур рта, обхватывать ногами его стройный, но такой сильный торс. Даже наличие жены не влияло на ее прекрасное настроение: она где-то далеко и ее присутствие никак не сказывается на их отношениях. Пока. Глаза не видят – сердце не болит. Тельман же никоим образом не давал повода для ревности: он просто не упоминал о ней в разговорах. Места для нее не было в их ЛЮБВИ.

Подошло к концу лето. Последние два месяца жизни тридцатилетней женщины можно было бы по праву назвать самыми счастливыми.

Свое жилье, хорошая работа, дача, машина. Прекрасный сын и любимый человек. Что еще нужно женщине для полного счастья? А говорят: или деньги – или любовь. Вот и нет. И деньги, и любовь – всего и много!

На работе ее ценили, да чего уж там – она была просто незаменима. И об этом открытым текстом говорил Сергей.

Да и многие клиенты стали уже почти как родные. Знали: Лера решит любую проблему. И она решала. Не смотря на максимальную загрузку в течение всего рабочего дня, в офис она ехала как на праздник. Доставляла ей удовольствие эта загрузка, да и интерес она видела не только в виде уважительных речей. Благосостояние росло.

С подачи Тельмана она купила свою первую “инормарку”. После небольшой аварии профессионалы посоветовали ей избавиться от “девятки”, и через некоторое время ее любимый сообщил, что друзья продают иномарки, состоящие на учете иностранных фирм в Москве. Машина была далеко не новая, но ведь немецкие автомобили – сносу им нет. Представительский красавец Опель-Омега благородного цвета американского доллара с открывающейся крышей оказался красив только снаружи. По всей видимости фирма, в пользовании которой находился автомобиль, хорошенько поэксплуатировала его, а затем, подлатав, продала Лере за очень приличную сумму. Ломалось то там, то здесь... По мелочам, но все случалось в самый неподходящий момент. А бывает ли он, в принципе, подходящим для поломки? Она с завидной периодичностью заезжала в автосервис и продолжала плыть, как на корабле, по Москве на своем огромном Опеле. Даже не желая задумываться о том, что друзья Тельмана впарили ей эту машину, “как своей”, наверняка зная о неисправностях. Если и проскальзывала иногда шальная мысль, она ее отгоняла: с каждым может случиться! И стои-

чески продолжала ремонтировать.

Лера обожала Тельмана. Она не представляла, как могла раньше жить без этого внимательного взгляда, спокойного, умиротворяющего голоса и такого простого: «родная моя». Она готова была идти за ним и в огонь, и в воду. Она не понимала, не видела, не анализировала, не задумывалась... А просто жила, создав в своем воображении подобие своего Мужчины – такого, каким она хотела его видеть рядом с собой. И образ Тельмана ее устраивал абсолютно.

В одну из прекрасных солнечных сентябрьских суббот бабьего лета, Лера с Тельманом отправились за Мишкой, на Запад Москвы. Проехав по Кольцевой с Востока на Запад, Лера съехала с дороги раньше, чем нужно. Ничто не предвещало неприятностей. Солнышко ласково светило в лицо, по сторонам шел ремонт дороги. Женщина задумалась о своем...

–

Ты куда едешь? – внезапно отрезвил ее голос пассажира. – Не видишь, что здесь дороги нет?

–

Как это нет?

–

Ты ведь по песку едешь, – Тельман никогда не повышал голос и сейчас, не смотря на то, что они уже какое-то время проехали по утрамбованному песку и машина стала увязать, он сохранял олимпийское спокойствие. – Не газуй, а то

застрянем. Вот гады, хоть бы поставили знак на Кольцевой «ремонт дороги»!

Но машина под своим тяжелым весом уже успела просесть достаточно, чтобы не было возможности продолжать движение. Лера открыла дверь и опустила ногу на землю, которой оказался песок. Высокий каблук тотчас же погрузился в него. Обман зрения – вот как называлась эта утрамбованная грейдерами и удачно подсвеченная солнцем дорога. На треть колеса машина тоже была утрамбована.

–

Ты легко газуй, а я постараюсь подтолкнуть, – предложил Тельман.

С каждым давлением на педаль газа машина утопала все больше и больше. Тяжелая заднеприводная немка не хотела и не могла выйти из этой западни. Тельман старался изо всех сил. Лера нежно наступала на педаль газа. Тщетно! Сначала по середину колеса, а затем и вовсе по порог машину затащило в это песочное болото.

Мимо проезжали грейдеры, продолжая укатывать песок и создавать видимость дороги.

–

Черт! –выругалась женщина, выходя из машины. – Надо же было так вляпаться!

Тельман продолжал оставаться абсолютно спокойным. Они пытались и так, и этак, но немцы не жалеют металла для изготовления машин и Опель все более увязал в песке.

Неожиданно подкатил один из грейдеров и из кабины высу-
нулась голова водителя:

–

Помощь нужна?

–

Помоги, брат! – попросил Тельман по-дружески.

–

Сколько дашь? – незамедлительно последовал вопрос.

–

Пошел на ... отсюда! Какая скотина, – ответил он на недо-
уменный взгляд Леры, – наживаться на чужой беде. Да я бы
ему сам денег дал потом, но просить заранее... Значит, дашь
– помогу, а нет – сам выковыривай свою машину. Не дам ни
копейки! Пойду поищу кого-нибудь.

Через некоторое время Тельман пришел с подмогой в ви-
де нескольких кавказцев, по всей видимости работающих на
автомобильном рынке поблизости. Они явились не с пусты-
ми руками – принесли какие-то деревяшки, которые стали
подкладывать под колеса машины. Как не старались ребята
– ничего у них не вышло.

–

Извини, командир! – попрощались они и ушли в том же
направлении, откуда прибыли.

Опускались сумерки. Лера с Тельманом стояли посреди
строительной площадки с увязшим в песке Опелем. Помощи
ждать неоткуда. Не ночевать же здесь! А грейдеры продол-

жали укатывать песок. «Зачем они это делают? – задалась вопросом Лера. – Бесплезная работа!»

И тут неожиданно, тот самый грейдер, который предлагал платную услугу, решил помочь бесплатно. То есть даром. Подъехав сзади, он своим огромным ковшом поднял бампер машины и опустил его. Но уже без бампера. Еще один подход – и багажник машины открылся как рот у голодного птенца. Немая сцена – не бросаться же под колеса! Несколько подходов грейдера и зад машины был полностью изуродован. Кто просил? Медвежья услуга – вот как это называется. Все произошло в течение нескольких минут, как во сне. Красивая иномарка превратилась в грудку металлолома со стороны тыла. У Леры перехватило дыхание, глаза изумленно смотрели на произошедшее. Тельман же, не говоря ни слова, в миг очутился возле грейдера, выволок водителя из кабины и стал избивать его, что было мочи. Бил он профессионально – не зря же борьбой занимался! Удар в глаз, еще один – в нос. Водитель упал, но Тельман не унимался, пиная его ногами. По ребрам, по почкам. Еще, еще, еще...

–

Ты что сделал, идиот? – приговаривал он, пиная водителя.

–

Не надо! Прекрати, – что есть сил кричала Лера, пытаясь урезонить любимого.

–

Вот скотина пьяная, – наконец оторвался от жертвы Тель-

ман. – Кто его просил?

–

Он пьян?

–

Конечно! Родная, мы отойдем сейчас с ним ненадолго, подожди!

–

Пожалуйста, не бей его больше! – окровавленный водитель стоял неподалеку, с собачьей преданностью глядя на Тельмана.

–

Больше не буду, – усмехнулся Тельман. – достаточно с него.

Через некоторое время Тельман появился с листом бумаги в руке.

–

Что это? – потинтересовалась Лера.

–

Да так! Записал адрес их руководства. Поеду в понедельник разбираться. Кто будет платить за ремонт?

–

Ты думаешь, что-то может получиться?

–

Не уверен, но пытаться надо. Или ты хочешь отремонтировать машину за свой счет?

–

Ну, если бы удалось, – было бы неплохо. Я даже не представляю, во что может вылиться ремонт.

Поднимая машину за бампер, грейдер все же раскачал ее и выехать из песка уже не составило большого труда. Подвывая не закрывающийся большой рот багажника ленточкой, и бросив оторванный бампер в салон, они отбыли с места происшествия. Домой приехали уставшие и сразу легли спать. Каждый со своими мыслями. У Леры стоял перед глазами человек, лежащий на песке и закрывающий руками живот, и ее любимый, пинающий ногами это тело. В лучах уходящего солнца. Таким она еще его не видела никогда. Она знала, что иногда он участвует в каких-то разборках, но старалась не думать об этом. А тут – картина маслом. Тельман же прокручивал намечающийся разговор с руководством стройки и куш, который совершенно неожиданно может обломиться из-за сложившейся ситуации. Сколько просить? – вот о чем думал наш герой. – Чтобы и Лере отдать, и себя не обидеть.

В первый же рабочий день недели они отправились в маленький подмосковный город для разговора с руководством. Лера ждала в машине. Через некоторое время она увидела коренастую фигуру любимого мужчины, выходящую из здания. Лицо его было довольным.

–

Все в порядке, Лерунь
. Деньги

, считай, у нас в кармане. Сейчас надо съездить на то место, где все произошло и поговорить еще раз с водителем. Если он подпишет бумагу, что был пьян, – завтра нам выплатят три тысячи.

–

А если нет? – поинтересовалась Лера.

–

Подпишет, никуда не денется! – с уверенностью заявил Тельман.

По дороге он, с несвойственным ему возбуждением, рассказывал о своем разговоре с руководством. Как они сначала вообще отказались обсуждать какие-либо выплаты, уповая на то, что денег нет. Затем, то ли испугавшись его кавказского вида и небритого лица (абрег, как сам себя назвал Тельман) , то ли сыграл роль какой другой фактор, но руководство пошло на попятную. Предупредив, что деньги выплатят авансом из зарплаты водителя, которую не будут выдавать ему так долго, пока сумма не будет погашена.

Приехали на стройку. Через некоторое время подошел Тельман с водителем, лицо которого было в садинах и кровоподтеках.

–

Хозяйка, извини! – подошел водитель к Лере. – У меня семья до

ма, чем кормить? Сжался, может

хоть пол суммы скосишь? Как мне жить теперь?

–

У меня тоже семья, – ответила Лера. – И деньги с неба не сыпятся. Сына не вижу целую неделю, чтобы заработать на жизнь.

У каждого свои проблемы. Я ведь не уродовала твою машину и не просила тебя помогать. Впрочем, как и пить за рулем. Мне никто не заплатит за ремонт. Виноват – плати!

–

Извини, извини, – причитал водитель. Вид его был жалким, но всех ведь не пожалеешь. Лера вспомнила как возвышаясь над ними из кабины большой машины, с ухмылкой, еще пару дней назад он спрашивал, сколько они заплатят за помощь.

Тельман должен был улетать в Дагестан. Надолго. Дела с коврами шли не очень хорошо, а семью кормить нужно было.

–

Вот! – он положил перед Лерой полторы тысячи долларов. – Пополам! Ведь если бы не я, вряд ли ты вообще что-то получила.

Лера промолчала. Конечно, он прав. По-своему. И деньги ему нужны – не у нее же просить. Но как-то не по-мужски, что ли, это... Ты же не для чужого человека выбил, а для своей любимой женщины. Не говоря уже о том, что ты живешь за ее счет. Маленькая иголочка кольнула внутри, но укол этот можно было сравнить с прикосновением пальца к шипу розы. Легкое «ой», а потом ты наслаждаешься красо-

той и запахом этого прекрасного цветка, моментально забыв о колючке, недавно коснувшейся твоей кожи.

Прошальный вечер прошел прекрасно. Лера приготовила вкусный ужин, купила бутылочку финской клюквенной настойки...

Страсть была ключом. Тела сливались, перекатываясь по шелковым простыням, Лерины волосы метались с подушки на мужские плечи и обратно. Она отдавала себя как в последний раз. И даже тот эпизод с избиением человека оказался в пользу Тельмана – какой крутой мужик владеет ею! И тут случилось непредвиденное: Тельман стал биться в судорогах, не контролируя себя... О том, что произошло, Лера поняла моментально. Не смотря на то, что еще пару секунд назад парила в небесах.

–

Ты зачем это сделал? – отрезвила она партнера.

–

А что?

–

Как что? У меня овуляция, середина цикла. Самые опасные дни для зачатия

. Почему ты не спросил, можешь ли

это сделать? – Лера даже не сомневалась, как откликнется молодое здоровое тело на впрыск спермы в ее лоно. С ней такое случилось впервые, но она была достаточно осведомлена об этих опасных днях и боялась их как огня, а тут – на

тебе. В открытую.

—

А почему ты не сказала?

—

Ты же спрашивал всегда, что с тобой сейчас, откуда я знала, когда ты собираешься кончать? — вопросы сыпались один за одним, но исправить уже ничего нельзя было.

—

Может, обойдется как-нибудь? — отозвался Тельман, засыпая.

Лере же не спалось. Она пошла в ванную и стала выскрести из себя содержимое своего драгоценного сосуда, куда только что в благодатную почву попало семя для продолжения рода. Сколько женщин ждут этого события с радостью, сколько пытаются разными способами принять в себя его и не выпускать до тех пор, пока не появятся две полоски на тесте... Но не Лера. И не сейчас.

С первой же минуты она была уверена, что залетела. Хотя надежда все же тлела: а может, обойдется? Ребенок ей был сейчас абсолютно не нужен, тем более ребенок от Тельмана, женатого человека, имеющего своих двух. Мишку фактически поднимала она одна, куда второго? Да еще и сейчас, когда только наладилось с работой и все более или менее встало на свои места. Нет, нет и нет!

Тельман уехал в солнечный Дагестан, а Лера, не дожидаясь прямого ежемесячного доказательства своего женского

здоровья, поспешила в аптеку. Она нисколько не удивилась, когда лакмусовая бумажка четко вырисовала две полоски: беременна! Срок был еще очень маленький и Лера решила бороться всеми подручными возможными и невозможными средствами. Слово «аборт» было для нее все равно, что «смерть». Неужели нельзя что-то придумать?

Но семя здорового мужчины основательно залегло в ее благодатной почве и здоровая матка ни за что не хотела выпускать из себя только начавшего формироваться маленького червячка. Какие могут быть ванночки-травы? Все развивалось по нужному сценарию. Лера же себе места не находила. На работе все сотрудницы заметили, что на ней лица нет. Сразу стали советовать нужных проверенных докторов и, не смотря на молодой возраст, имевшие на своем жизненном счету каждая по несколько аборт, не находили в этом ничего предосудительного.

—

Что ты так переживаешь? Ну случилось, с кем не бывает. Неприятно, конечно, но дело житейское. На маленьком сроке сделают тебе миниаборт, делов-то! – к этому сводились все советы.

Для Леры же это был далеко не пустяк. Она представляла, как убивает человечка внутри себя, и ей становилось от этого не по себе. Грех какой! «Почему это должно было со мной случиться?» – думала она, и тут же перематывала пленку назад: если бы она предупредила, если бы, если бы... Но все

уже случилось и надо было принимать меры.

Небезызвестная газета «Из рук в руки» предлагала массу услуг, начиная от поисков работы (где Лера и нашла свое место в жизни), обменов жилья, знакомств, продажи животных, мебели. Здесь даже имелся раздел: «отдам в добрые руки». В основном отдавали беспородных животных. Всю жизнь можно было устроить, грамотно воспользовавшись данным печатным органом. Здесь же, в разделе «медицинские услуги», Лера нашла объявление следующего содержания: «Прерывание беременности на малых сроках без аборт».

«Ну вот! То, что нужно! – торжествовала она. – Я ведь говорила, что можно что-то придумать, чтобы не избавляться от плода (его-то и плодом назвать нельзя еще – пару недель всего) таким варварским образом.»

В ближайший день она поспешила по указанному адресу. «Врачи-благодетели» занимали несколько комнат в одном из бывших НИИ на Ленинградском шоссе. День выдался серый – в соответствии с Лериным настроением. В длинном темном коридоре, возле огромной двери с указанным в объявлении номером, на скамье сидело несколько человек: две девушки и парень, нежно, и вместе с тем как-то боязливо, держащий за руку одну из них. Лера присела на скамью напротив. Она не знала, что ее ожидает за этой массивной дверью, но настроена была решительно. По крайней мере, что бы это ни было – лучше, чем выскабливать плод из себя. На что она

рассчитывала, – сказать было сложно. «Вероятно, введут какой-то раствор и плод выйдет с кровотечением», – размышляла она. Дверь не открывалась долго. Наконец она распахнулась, и поток света озарил темный коридор и лица ожидающих.

–

Так, кто у нас здесь? – поинтересовался мужчина в белом халате. – Заполните пока эти формы.

В этот же момент из двери вышла первая за все время женщина. Лера внимательно посмотрела на нее – невозможно было сказать, что она только что избавилась от ребенка. Что же они там делают? – думала она. Было страшно.

Прошло еще минут десять. Со стороны лестницы послышались громкие женские голоса, приближающиеся к ожидающим возле двери. Голоса были не просто громкими, но визгливыми и настроенными враждебно.

–

Я им сейчас покажу «без аборта», – горячилась одна из женщин – лет двадцати пяти, сильно накрашенная, наглого вида, про которых говорят: «палец в рот не клади – полруки откусит».

–

Вы зря на что-то надеетесь, – тут же она окинула цепким взглядом присутствующих. – Не работает это. Время потеряете и боли натерпите. Я два раза приходила и все-таки на аборт пошла. Вот, пришла деньги возвращать.

Все это она говорила громко, быстро, одновременно открывая дверь, откуда опять вырвался поток яркого света. Тут же в коридор выскочил мужчина в белом халате.

–

Что здесь происходит?

–

Отдавайте мне деньги! Вот справка – я сделала аборт.

–

Хорошо, хорошо, – поспешно закивал он головой. – У нас ведь такой уговор и был. Хорошо, ждите здесь. – Он явно не хотел иметь проблем с этой наглой бывшей пациенткой. – Вот ваши деньги.

– Не теряйте зря время, – кинула она напоследок зрителям, внимательно следящими за сим действием. Им и так было несладко: «что ждет впереди и правильно ли я сделала» – было в голове у каждой из них, а тут такой «пассаж» не вовремя.

« Никуда я не уйду – твердила Лера. – Аборт сделать – последний шаг, надо перепробовать все. И время у меня еще есть!» Парень с девушкой встали и медленно но уверенно последовали к лестнице: стало быть, к выходу из темного коридора и бывшего НИИ, на серую московскую улицу.

Наконец подошла Лерина очередь. Сначала она попала в одну из комнат, где ей измерили давление, взяли анализ мочи (дабы убедиться, беременна ли она на самом деле или просто так пришла, ради спортивного интереса). А также

рассказали, что метод прерывания беременности основывается на иглоукалывании и не является стопроцентным.

–

Если после первого раза месячные не придут в течение нескольких дней, второй раз мы проведем процедуру бесплатно. – объяснила медсестра. – Если хотите, мы можем еще ввести большую дозу аскорбиновой кислоты – чтобы эффект увеличить... За отдельную плату.

–

Да, хочу, – сказала Лера и подставила руку.

После введения в вену такой «необходимой» аскорбинки, за ней пришел тот самый мужчина в белом халате и коротко сказал:

–

Пройдемте!

Они зашли в одну из небольших комнат, где когда-то работали младшие и старшие научные сотрудники НИИ. Здесь по утрам пили чай-кофе с баранками, обсуждали последние сплетни, плели интриги... А может, здесь стояли клетки с подопытными крысами-мышами... Вполне вероятно, в этих стенах созревали величайшие открытия, без которых человечество сейчас ну никак не может обойтись. Но все это в прошлом. Так же, как и сотрудники этих НИИ, многие из которых в середине девяностых постарались забыли о своих профессиях и о том, чему они учились пять лет в институте. Не от хорошей жизни, а дабы прокормить свое семей-

ство, переqualифицировались они в продавцов открывшихся в подземных переходах киосков (в лучшем случае). В худшем же, «бомбили» на своих старых машинах, подавали пальто в гардеробах ресторанов или просто убирали помещения. Времена пришли другие. Не нужна стала наука...

Сейчас же, в этом помещении, совсем недавно вмещавшем пять-шесть столов, за которыми совершали открытия сотрудники, были размещены койки. Да их даже койками называть-то нельзя было. Раскладушки. На которых лежали женщины. На спине и на животе. С вонзенными в их тела иглками. Койко-место стоило здесь дорого: посему раскладушек поставили штук десять – практически рядом друг с другом. Свободного места здесь не было и человек в белом халате провел Леру в смежную комнату, где действительно оказалось одна койка.

–

Снимайте низ, трусы приспустите и оголите руки, – сказал мужчина. Лера только сейчас рассмотрела его.

– Ложитесь на спину.

Ему было за пятьдесят, далеко не «добрый Доктор Айболит», который хочет помочь бедным женщинам, волею «порвавшегося презерватива» оказавшимся здесь. Более того, лицо его было злым и насупленным, темные глаза из-под кустистых бровей и вовсе не предвещали ничего хорошего. Казалось, он ненавидит всех женщин вокруг, и снял эти несколько комнат у нищего НИИ дабы отомстить им

всем. Периодически он подходил к пациенткам и вкручивал эти иголки глубже и глубже, методом буравчика. В этот момент раздавались стоны и «охи». Лицо мучителя не выражало ровным счетом ничего. Более того, казалось, он старался сделать это как можно жестче, если мученица была «в теле».

—

Много жира, мне надо дойти до нужной точки, терпите, — приговаривал он, сверля иголкой мягкие ткани живота.

«Может, надо уносить ноги, пока еще не поздно. — подумала Лера, медленно снимая пальто и пиджак. — Нет, уже поздно. Надо довести это до конца. Тем более, и деньги уплачены, и аскорбинка введена...» Хотя, после «скандальной» девицы, она уже меньше верила в успех данного предприятия.

Оставшись в тоненькой блузке без рукавов и трусиках, легла на раскладушку.

—

Мой метод основывается на том, что я ввожу иголки в точки, активизирующие работу матки, — сказал мужчина, вытаскивая иголку из металлической коробочки. — тем самым расслабляя ее. Сеанс не из приятных. Места болезненные. Надо потерпеть.

Первые иголки он стал вводить в районе мягких тканей живота над маткой. Было больно, но Лера терпела. Затем — во внутренние части бедер и отдельные точки на руках. Больнее всего были иголки на животе. Лера не помнила, сколько

раз он подходил, чтобы вкручивать их, как сверла... Благо, жира у нее не было совсем и процесс, наверное, не требовал особых усилий – было больно даже при малейшем прикосновении. Без вкручиваний. Вокруг раздавались стоны. Все это напоминало пыточную. Раздетые женщины, мужчина, периодически втыкающий иголки в плоть, вскрикивания и всхлипывания.

Наконец, иголки были вытащены и ее попросили перевернуться на живот. Когда металл коснулся поясницы – легче не стало. Отнюдь! Лера даже не смогла сдержаться от стонов. Потом последовали иглы в щиколотки, спину и запястья. Опять они прокручивались для усиления эффекта... Вся процедура заняла около часа.

–

Если кровотечение не начнется в течение трех дней, приходите повторно, – напоследок сказали ей.

Через три дня Лера опять сидела у массивной двери – настойчивости ей было не занимать. И опять все заново. Иголки, стоны, прокручивания. Так оказалось, что рядом с Лерой лежала женщина, лет тридцати пяти, с озорными огоньками в глазах. Не смотря на безрадостную обстановку, она пыталась шутить и сквозь “ахи” подбадривать остальных пациентов. И как-то совершенно случайно они, разговорившись, вышли вместе из НИИ. Им было по пути и Лера вызвалась подвезти новую знакомую.

–

Слушай, ты просто герой, – удивлялась женщина. – Второй раз прийти на такую экзекуцию! Да если бы я знала, что это ТАК больно, – в жизни бы не переступила порог данного заведения. Проще пойти и аборт сделать. По крайней мере, не больно и деньги почти те же.

–
Ты делала аборт? – поинтересовалась Лера.

–
Много раз! – весело ответила женщина. – Да у меня муж дыхнёт, а я уже залетаю.

–
А почему ты не захотела оставить? Если бы у меня был муж..., – грустно начала Лера.

–
Ты что, моей дочери восемнадцать. Да мне стыдно будет перед ней – бабушкой уже пора быть! А тут – беременность неожиданная. Да и сын у нас – ему десять. Куда третьего? Ну ладно, я здесь выскочу. Спасибо, что подвезла. И ты не бойся аборт – не ты первая- не ты последняя. Быстро и без боли. А если ты про убийство – так здесь ты тоже убиваешь, только долго и мучительно.

Неизвестно еще, как лучше... Ну пока! – махнула она на прощание рукой и выскочила из машины.

Лера ехала по серой Москве и думала: как легко некоторые люди относятся к вещам, из которых она делает целую проблему. А может, просто все зависит от количества аборт-

тов: первый раз – трагедия, а дальше как по накатанной... Нет, вот в этом Лера была абсолютно уверена: для нее это всегда будет трагедией. Слово “всегда” было неприменимо для данной проблемы. Женщина знала четко: второй раз она никогда не допустит такой оплошности. Сколько страданий и мучений... Ведь из этого зародыша внутри мог бы вырасти человек, быть может девочка. У нее было бы свое имя, характер, таланты... Она была бы красивая, безусловно. Ведь так можно было бы и Мишку убить в утробе – в этот момент Лере стало так страшно, что она чуть не въехала в затормозившую перед ней на красный свет машину. Ну почему, почему, почему я должна избавляться от ребенка? Я так хочу девочку! Но только не безотцовщину, – сразу же одернула она сама себя. И двинулась дальше.

Надо ли говорить, что вторая попытка тоже оказалась безуспешной. Света, переделавшая кучу абортот от своего молдавского возлюбленного, порекомендовала гинеколога, у которой делала миниабортот. Лера отправилась на прием на «трясущихся полусогнутых». Сделали ультразвук, определили срок и назначили день и время миниабортот.

–

Принести носки и хала

т, – напоследок сказала доктор и вписала крылатую фразу в карточку.

Все валилось из рук, на работе все всё знали. К назначенному дню из Дагестана прибыл Тельман.

–

Родная, не нервничай так, – успокаивал он Леру накануне вечером.

–

Жалко-то как убивать, – плакала женщина.

–

Ничего, будет у нас еще ребенок. Только должен предупредить – я не по девочкам, – улыбнулся Тельман. – А сейчас не время.

На следующий день в поликлинику поехали вместе. Учтивая, что Лере должны были делать наркоз, Тельман выврался везти ее назад домой.

Валерию проводили в предоперационную. В маленькой комнате яблоку упасть было негде. Кто-то сидел на койке, некоторые стояли. Для большинства из этих женщин дорога в операционную уже была проторенной. Кто-то лежал после аборта, кто-то весело переговаривался. «Какие же мы все разные, хоть и одного пола, – думала Лера, глядя на застиранные неопрятные халаты и веселые лица некоторых женщин. Сама она переделалась в красивый длинный халат, под которым было элегантное кружевное белье, растегивающееся крючками на самом интимном месте. Не хотела она полностью оголяться перед врачами. – Как будто в гости пришли к подруге, а не убивать человека, живущего внутри себя.»

Как в подкрепление своих мыслей, Лера услышала конец фразы, произносимой женщиной ее же возраста:

–

Да это у меня уже двадцать шестой будет, – с гордостью заявила прокурорная (ее –то и женщиной с трудом можно было назвать) личность с потасканным лицом. «Какой ужас», – подумала Лера.

В этот самый момент дверь в комнату распахнулась и двое санитаров под руки внесли молодую женщину, почти без сознания. Ноги ее волочились по полу, глаза были полуприкрыты.

–

Освободите коечку, пожалуйста! – попросил один из медсотрудников. – Плохо после наркоза отходит.

Они положили ее на койку и стали хлопать по щекам. Глаза женщины медленно приоткрылись.

–

Ну что, полегче? Давай, давай, приходи в себя потихоньку. Все позади!

Глядя на это, Лере стало совсем не по себе, но в этот момент назвали ее фамилию и она уже не смогла увидеть, как долго женщина будет приходить в себя.

В большом зале с яркими лампами дневного освещения дело было поставлено на поток. С десятков столов-кресел находилось здесь. Только одно, приготовленное для Леры, было пустым. На остальных же лежали-полусидели женщины, раскинув ноги и выставив для обозрения всю себя. Дабы вытащить-выскрести-вытянуть оттуда плод любви. Или нелюб-

ви. Кто-то был без сознания. Многие из женщин сидели с открытыми глазами, тупо уставившись вдаль. «Под местным наркозом», – догадалась Лера. Она успела и об этом подслушать от «бывалых» в предоперационной.

–

Зачем мне общий? – расплылась та, на счету которой было двадцать шесть убитых жизней. – Переплачивать, вот еще! Местный нормально. Ничего не чувствуешь и отходишь быстро.

–

Вот сюда ложись, – прервала наблюдения Леры врач. – сейчас введем наркоз и проснешься, когда все уже будет закончено.

Лера легла на стол и подставила руку для наркоза, который явился первым в ее жизни. Сверху в лицо бил холодный белый свет. На каждой из ламп синей краской была выведена буква «А». «Аборт значит», – подумала Лера. Сколько раз за посление пять недель она слышала, думала, произносила, ненавидела это слово.

–

Смотри на букву «А» на лампе. Считай, начиная с десяти, – подсказала медсестра, вводящая в вену иглу. – Десять, девять, восемь...

Чего на нее смотреть, и так смотрю – больше некуда, – пронеслось в голове у Леры и вдруг все поплыло. Так и плавало все время, пока она не проснулась. Расплывчатые звуки

говорящих, как будто поющих, людей, буква «А», плавающая над ней... Все слова говоривших оканчивались на длинную «а-а-а-а». И яркий белый свет сквозь сомкнутые веки.

—

Ну вот

, — привел ее в сознание голос врача. — все в порядке. Сейчас тебе помогут встать, придешь в себя — зайди ко мне! Какое у тебя бельё красивое...

Лера помогли дойти до той комнаты, откуда вывели. Состав немного сменился — желающих зайти в операционную стало намного меньше. Аборты делали до обеда... Лера переделась и вышла из операционного блока. Здесь, на скамеечке, сидели мужья и любовники, ожидающие своих женщин. Волею судьбы рожденных женщинами и отдувающихся здесь и сейчас за удовольствие, испытываемое двумя. А может только мужчиной, что бывает очень часто.

«Как несправедливо! — думала Лера. — Им ничего — ни страданий моральных тебе, ни физических... Кончил — и готов к следующим свершениям. Двадцать шесть раз... — все не могла успокоиться Лера. — А они тут сидят, чтобы (о, как это мужественно), подставить свою руку для опоры. Вы лучше предохраняться научитесь! Опора... Не нужна уже эта опора вовсе после всех тех страданий, какие мы испытываем по вашей вине!»

—

Ну что, — успокаивающе сказала врач. — Все прошло хоро-

шо, этот аборт в принципе нестрашен – мы просто пылесосиком отсосали содержимое, которое, кстати сказать, было уже мертвым. Ты его убила своими иглками, а выйти оно не смогло бы само...

Врач продолжала говорить: какие лекарства попить, когда прийти на контрольный прием в следующий раз... А у Леры в голове возникла картинка: как маленький червячок, будущий человек, пытается спастись из-под иглоков, втыкаемых в тело и проворачиваемых методом буравчика. Как он съеживается, закрывая головку еще не сформировавшимися ручками и, в конечном итоге, умирает...

Тельман ждал Леру возле поликлиники. В ее зеленом «Опеле». Впервые она села в свою машину в качестве пассажира. И не смотря на то, что всего час назад она перенесла операцию по его вине, зла в ее душе по отношению к этому человеку не было. Она впервые за все время смотрела, как он неторопливо, в его характере, вел машину по старой Москве. Влюбленно тонула в его мужественным профиле, мысленно ероша его густые непокорные волосы. И уже сейчас готовая отдать ему безоглядно. «Любовь, что ты делаешь со мной?» – в который раз за эти пять месяцев Лера не узнавала себя.

—

Что ты хочешь поесть? – участливо поинтересовался Тельман, привезя ее домой. И отправившись впервые за все время их знакомства в магазин.

«Ну вот и все! – успокоилась Лера, оказавшись дома. – Мучения позади. Не нужно об этом думать, а то можно с ума сойти! Случилось! Больше такого не повторится! Я не позволю когда-либо кому-либо поступить со мной таким образом.»

Но мучения Лерины оказались позади только отчасти. Если бы она только знала, какую роль сыграет этот врач в дальнейшей ее жизни... И что значат такие понятия как «клятва Гиппократа» и «не навреди» для белокурой молодящейся женщины-врача.

На следующий день Лера чувствовала себя нормально и уже собиралась на работу, но вечером она вдруг почувствовала острую боль и ушла спать в другую комнату. Всю ночь она металась в постели, раздираемая изнутри. Боль была адская: как будто кто-то пытается ее вывернуть наизнанку, как будто она сейчас должна родить. Она покрывалась холодным потом, стонала... Знать бы: так должно быть или может какая инфекция попала? Позвонить было некому: глубокая ночь. Так и промучилась она до утра, забывшись сном на рассвете.

В назначенный день она опять появилась у знакомого нам врача, которая тут же отправила Леру на ультразвук: посмотреть или ничего не осталось. Результат процедуры напряг доктора.

–

Значит так, – авторитетно заявила она. И стала перечис-

лять Лерины хронические женские заболевания, названия которых молодая женщина слышала впервые.

—

Вы уверены? — Лера хоть не была врачом, но душой не слыла. — Я так полагаю, если они хронические, значит давние, застарелые. Каким образом? Я никогда не имела никаких проблем, по моим месячным можно часы сверять. Наверное, это тоже должно было бы как-то отразиться. Забеременела я от одного чиха во время овуляции, что нереально во время хронических женских заболеваний, как я понимаю...

—

Так бывает, — коротко сказала доктор, выписывая рецепты на лекарства, стопка которых увеличивалась. — Давай выпишу на месяц, а там сделаем ультразвук и посмотрим, есть ли улучшение.

В те времена было принято доверять докторам и такого понятия как «второе мнение» просто не существовало. Лера стала послушно принимать дорогостоящие импортные гормональные препараты, в дозах абсолютно недопустимых для здоровой женщины.

Через месяц доктор похвалила результат и выписала рецепт на прием еще одного препарата. Посещения были недешевыми и, по всей видимости, гинекологу было удобно иметь энное количество постоянных пациентов «с деньгами», которых она кормила байками о «хронических заболеваниях». Все было поставлено на широкую ногу. Клиника на

Якиманке – бесплатная для районных пациентов, но платная для женщин, проживающих в других частях Москвы. С помощью налаженной рекламы и хорошо поставленного обмена всем жилось хорошо. В кассу стояли очереди. Визит оплачивался непосредственно доктору, остальные услуги – через кассу. Во что только не поверит женщина, чтобы быть здоровой. Так бы и продолжала ходить Лера к этой докторице, и платить, и пить противопоказанные для здорового организма лекарства. Если бы как-то в ее офисе не появилась молодая женщина, гинеколог – новоиспеченный обладатель таймшера, которой Лера совершенно случайно рассказала свою невеселую историю. В ящике ее стола, оказались снимки, по которым доктор авторитетно заявила, что не видит никаких отклонений от нормы.

–

Как показывают пленки, Вы абсолютно здоровы, – сказала она и посоветовала прийти в их центр.

Диагноз был подтвержден: здорова

.

–

Наверное, доктор хорошо вылечила Вас дорогостоящими лекарствами, – пошутила молодой специалист, подмигивая девушке, делавшей ультразвук.

Всем было понятно: не было никаких хронических заболеваний.

Конечно, если бы все это происходило где-то в Америке,

можно было бы запросто засудить белокурую докторицу. Но, увы, в России не принято судиться с докторами: они всегда правы. По определению. И сколько таких наивных дурочек еще будут ходить на миниаборты по рекомендации к данному доктору, а потом пополнять его «казну» из-за своей доверчивости, история умалчивает.

Время является неплохим лекарем и, не смотря на свои моральные и физические переживания, Лера продолжала жить, любить и наслаждаться каждым днем, проведенным с любимым. Ей очень хотелось встречать Новый год, приближающийся стремительными темпами, вместе. Для себя же она решила: если он будет с ней в новогоднюю ночь, значит действительно «там» у него ничего нет, а любит он ее, Леру. Вообще, она слабо представляла как это возможно: имея семью, двоих детей встречать Новый год где-то, с другой женщиной. Однако, она старалась не задумываться об этом. Любовь, по сути, эгоистична...

—

Хорошо, – вынес окончательное решение Тельман. – Я буду с тобой, родная. Но для этого мне надо хотя бы месяца полтора провести дома.

В ближайшие к отъезду выходные отправились наВДНХ – покупать подарки родным Тельмана. Мишку взяли с собой. Народ, как всегда в выходные, ходил толпами. От одного павильона – к другому. Кто-то – просто поглазеть (благо, было на что) и праздно провести время, кто-то приезжал за

конкретным товаром. Лере ничего не было нужно и она, зайдя в первый павильон вместе с любимым, просто отказалась от этой затеи. Тельман же выплывал из каждого павильона, обвешавшись пакетами, из которых вырисовывались коробки той или иной техники для дома: фены, кофеварки, миксеры и прочая утварь. Выходил он с какой-то смущенно-победоносной улыбочкой и Лере, глядя на него, – невысокого, терявшегося среди толпы с этой более смущенной, чем победоносной улыбкой, – стало его не то, чтобы жалко.... Какой-то укол кольнул ее, но опять ненадолго. Как шип розы – мгновенно. И забыла...

А жалко было, наверное, больше себя: она прекрасно понимала, что все эти коробки предназначаются его жене, от которой он хочет таким образом откупиться. И деньги на покупку которых он одолжил у своего лучшего друга. Лера прекрасно все понимала: или быт или любовь. Там – быт, основа, никуда не денутся, тем более в том государстве, где женщину с молодых лет воспитывают: дети-муж-хозяйство. А здесь: любовь? И сколько это продлится? И вообще, куда оно все приведет? То, что совместного быта у них не будет никогда, Лера тоже четко знала. Вопрос «а надо ли оно мне?» был просто неуместен. Она понимала, что даже одна мысль «жить без него» убьет ее.

—

Ну вот, теперь меня точно отпустят на Новый год, – торжествовал Тельман, покинув последний павильон и, по всей

видимости, потратив все, что у него было.

Тельман уехал, жизнь продолжалась. В один из серых ноябрьских дней, во время обеденного перерыва, Лера с приятельницей зашли в любимое кафе на Бронной. В первом зале сидели двое мужчин их возраста.

—

Помнишь, я тебе рассказывала, что познакомилась с мужчиной, рядом с нашим офисом, — стала шептать приятельница, когда они вошли во второй зал и устроились за столиком

. — это он и

был за столиком. Саша.

Не успели у них еще принять заказ, как Саша со своим другом, неся свои тарелки с салатами, перебазировались за стол к девушкам, предварительно поинтересовавшись:

—

К вам можно?

Ольга, так звали приятельницу, покраснела и молча кивнула. Другом оказался высокий мужчина атлетического телосложения в красивом твидовом пиджаке. Короткая стрижка-ежик, любопытные смеющиеся карие глаза. Лере он сразу понравился. Что-то в нем было такое притягательное: доброта и, одновременно, жесткость характера, внимательность и беспечность, сила и незащищенность... Много еще чего можно было прочесть в его искрящихся глазах. Мужчины, стараясь произвести впечатление на дам, стали говорить о хоккее.

–
Вы играете в хоккей? – поинтересовалась Ольга.

–
Да, у нас забронирован каток два раза в неделю. Мы уже много лет играем, – с гордостью ответил Саша.

Мужчины, что малые дети, – подумала Лера. Игры остаются с детства, только вот масштабы меняются... Машинки превращаются в машины, безобидные игрушечные пистолетики – в оружие, лишаящее жизни. И даже хоккей на детской площадке они превратили в настоящий. Со всеми необходимыми атрибутами.

–
А ты, наверное, вратарь? – поинтересовалась Лера у Сашиного друга – он был не особо многословен.

–
Да, точно! – за все время обеда

они впервые встретились глазами. Может, он и смотрел на нее до этого – когда она была занята содержимым своей тарелки, но сейчас он поедал ее глазами. Взгляд был цепким и внимательно-настороженным, как будто он пытался понять: встречались ли они до этого, раньше.

– Как ты догадалась?

–
На Третьяка больно похож, – у Леры была прекрасная зрительная память и умение находить схожесть между людьми. Он действительно был похож на известного вратаря.

–

Можно твой телефон? – спросил новый знакомый, когда они прощались возле ресторана.

Лера дала офисный номер: зачем ей ненужные звонки домой? Они, как правило, оказываются всегда невовремя. Звонок не заставил себя ждать. Не успела она прийти в офис, как уже услышала его голос по телефону. Перебросившись какими-то шутками, он поинтересовался занята ли Лера завтра. И пригласил ее в гости, к другу.

–

Он очень хорошо поет бардов, услышишь сама! – объяснил Игорь, как звали нового знакомого. – Ничего особенного – просто дружеские посиделки. Не понравится – уйдем!

На следующий день они встретились на одной из московских центральных улочек у здания, в котором проживал друг. В большой старой московской квартире оказались Ольга с Сашей и еще несколько парней. Было очень мило: пели под гитару, много смеялись и, среди этих московских ребят, Лера впервые за долгое время забыла о своей любви. Ничего похожего в окружении Тельмана не наблюдалось. Периодически она ловила на себе прищуренный изучающий взгляд своего нового знакомого.

–

Мы можем встретиться еще – вдвоем, без свидетелей? – спросил Игорь, прощаясь с Лерой у ее машины. Смешинки покинули на время его глаза: они стали серьезными в ожи-

дании ответа. Было видно, что он привык добиваться своего.

–

Да, – коротко ответила Лера. И глаза его в свете фонарей опять стали хитро-задорными. Он чмокнул ее в щеку.

–

Тогда до звонка? Спокойной ночи.

Лера медленно вела машину по ночной Москве, пытаюсь прояснить для себя ситуацию.

–

Зачем я это делаю? У меня есть Тельман...

–

А есть ли он у тебя? – интересовался внутренний голос.

–

Да, я его очень люблю, до безумия, как наркоманша, как околдованная... Но его со мной практически нет. Я не могу на него положиться полностью. Где он? Два месяца там – месяц здесь. Все достаточно удобно. Его встречают-проводят, кормят, дают жилье и доступ к телу. Вторая жена – только без каких-либо претензий. Обеспечивать не надо... Сидит и ждет. Мое время ведь тоже уходит.

Такие мысли иногда зарождались в голове у Леры, но она тут же одергивала себя: ты получаешь гораздо больше от него. Твое душевное состояние, которое не купишь ни за какие деньги. От одного прикосновения, от слов «родная», сказанных его бархатным голосом, уже теряешь голову. Такая терапия дорогого стоит.

–

Тогда зачем тебе Игорь? – тут же спрашивал внутренний голос.

Она сама не знала и не понимала. Если бы ей еще пару месяцев назад кто-то сказал, что у нее во время отношений с Тельманом завяжется роман (а что он будет, Лера даже не сомневалась), она просто бы рассмеялась ему в лицо.

–

У него есть жена, с которой он спит. Почему мне нельзя быть с кем-то еще? Почему я должна хранить ему верность? – ответила Лера внутреннему голосу и показала язык.

Они встретились с Игорем еще раз. Вдвоем. Он ждал ее в машине, с цветами. За ужином в ресторане рассказывали друг о друге. Он был связан с сомнительными структурами, коих в те годы было не счесть, оказался женат и имел дочь, ровесницу Мишке.

Лера не удивилась этому факту. Она еще не встречала в Москве интересных, уверенных в себе людей этого возраста, не отягощенных узами брака. Для кого-то это были действительно «узы», а для кого-то – чистая формальность, включающая в себя материальное обеспечение семьи и совместные поездки на отдых два раза в год, но не обязывающая ночевать дома и отчитываться за каждый шаг. В больших городах нехватка нормальных мужчин всегда была ох как налицо. Женщин красивых, ухоженных, обеспеченных очень много, но, увы, не хотят такие дамы тратить свое бесценное

время на кавалеров, не нашедших себя в этой жизни. Всем нравятся уверенные в себе, хорошо стоящие на ногах, а лучше сидящие в красивых дорогих авто. Даже если он и женат. Ну, а многие мужчины тоже не прочь на время забыть о своей жене, на которой женился по молодости, ничего еще не зная и не понимая в этой жизни... А потом, созрев во всех отношениях и определившись со своими вкусами-пристрастиями, не имея возможности (да и желания) что-либо менять. А в данном случае – всем все удобно. И семья обеспечена (жена все знает, видит, но молчит – таков ее удел) и выбор дам неограничен (любовнице много не надо – тело, интеллект и цветы-ресторан иногда). То, что жене уже не надо. И волки сыты – и овцы целы.

Лера тоже призналась, что живет с человеком. Не вдаваясь в основные подробности... Не смотря на наличие вторых половин, очевидно было, что их физически здорово притягивает друг к другу. Они даже внешне смотрелись очень гармонично. Оба высокие, спортивно сложенные. Как пара... Ей было интересно с ним. Он обладал чувством юмора, был легок в общении и обаятелен. Лера даже не задумывалась: а что будет, когда придет Тельман, как ситуация разрулится? У нее абсолютно не было угрызений совести. В конце концов, она сама себе хозяйка и ни перед кем не обязана держать ответ.

Тем не менее, она всячески старалась оттянуть момент близости.

Это случилось на съемной квартире, которую, как сказал Игорь, для него арендовала фирма. Захватив по пути джентльменский набор – бутылку шампанского и пару плиток шоколада – они отправились туда. Все случилось быстро, страстно и стремительно, – как обычно бывает впервые. Это не напоминало секс с любимым Тельманом – неторопливым и нежным.

Лера любовалась накачанным телом нового любовника и ей нравилась его сила, энергия и стремительность. Ее не интересовало, сколько женщин он водил в эту квартиру (в этом она даже не сомневалась): она получала удовольствие и наслаждалась моментом.

–

Мне было очень хорошо с тобой, – сказал Игорь, обнимая ее.

Утром разъехались каждый по своим офисам. Следующая встреча состоялась нескоро. Он уехал отдыхать с семьей на Канары, а она собиралась уезжать с подругой в Египет. Всего несколько дней разделяли его приезд и ее отъезд, и все равно он улучил момент: заскочил на минутку в кафе, где они познакомились и где она часто обедала с сотрудницами, и вручил ей маленький сувенир с островов: пустычок, а приятно. Значит, думал...

–

Когда ты вернешься?– шепнул он, чтобы не слышали окружающие. – Я уже соскучился... Вспоминал тебя.

Какой женщине не будет приятно, когда интересный, уверенный в себе мужчина, говорит ей такие слова... Договорились, что он будет встречать ее в аэропорту в день приезда из Египта.

Отдых прошел замечательно. Лера впервые оказалась в Египте и не переставала восхищаться красотой Красного моря. Немного назойливыми показались представители местного населения. Они и зазывали в лавки, и пощелкивали языками, и делали неоднозначные намеки... Многие девушки не теряли времени зря и закручивали курортные романы с официантами, спасателями с пляжей и другим персоналом из гостиниц. Не зря ходят рассказы о «доступности» русских женщин. А женщины эти отдыхали как в последний раз, вырвавшись из своих заснеженных «глубинок» в середине декабря и напрочь позабыв об алкоголиках-неудачниках мужьях, а то и вовсе не имея там никого. А здесь, в лучах постоянного солнца и под воздействием шума морского прибоя, даже самая невзрачная «мышка» со светлыми волосами и бледной, еще не успевшей загореть кожей, могла почувствовать себя принцессой, видя свое отражение в глазах (нет, не влюбленного) похотливого, смуглого белозубого араба. И шла на зов, и отдавалась, и не жалела. И думала, что она одна – единственная и неповторимая у этого Абдуллы-Насира или кого угодно еще. И верила в лживые слова (лишь бы заполучить свое) этого самого араба: что «будет ждать он только ее». И не жалея денег звонила ему в гостини-

цу, уже вернувшись в свою «глубинку», надеясь на дальнейшие отношения, даже не подозревая, что неутомимый Абдулла с момента ее отъезда уже поменял много таких Свет-Маш-Оль. И забыл вообще о том, кто она такая и зачем, по большому счету, звонит ему, досаждая какими-то нелепыми разговорами...

–

К сожалению, аэропорт Внуково не сможет принять наш самолет по техническим причинам. – объявила стюардесса во время перелета Хургада-Москва. – Капитан корабля посадит судно в Быково.

Салон загудел как осиный рой. Люди были недовольны: встречающие вряд ли поедут через всю Москву с Юго-Запада на Восток, в другой аэропорт. Лера тоже смутно верила, что Игорь приедет в Быково. Каково же было ее удивление, когда в толпе встречающих она увидела возвышающегося над всеми (шкаф, да и только), улыбающегося Игоря с его искорками в глазах. В длинном пальто, с трубкой в руке – показателем обеспеченности в те времена. Трубкой этой, правда, хорошо было защищаться – такая она была массивная, но тем не менее – мобильный телефон. Связь с миром.

–

Привет, малыш! – чмокнул он Леру в щеку, восторженно глядя на нее. – Хорошо выглядишь, загорела как...

–

Как ты догадался приехать сюда? – Лера не могла сдер-

жать своей радости.

–

Лучше и не спрашивай! Я уж думал, не увидимся сегодня. Три аэропорта объездил – никто не давал никакой информации. Это ведь чартер... Даже здесь никто ничего не говорил. Снегопад в Москве – вот что произошло, – ответил он на немой Лерин вопрос. – Но я же пообещал...

В планы Игоря не входило просто подвезти Леру к дому и отчалить. Для себя он уже все решил заранее, а она и не сопротивлялась. И, по правде сказать, думала о нем.

–

Уютно у тебя, красиво! – похвалил он, окинув гостиную быстрым взглядом.

–

Спасибо, – улыбнулась Лера.

С ним было как-то очень надежно. И как будто это было всегда. Снимая с себя всю одежду, золотую массивную цепь с шеи и дорогие часы, он как бы сбрасывал свою вторую кожу: грубую, закаленную временем и жизнью. Оставляя ее на ночь на полу, он превращался совсем в другого человека: нежного и ранимого. Который тоже хочет ласки и любви. Они лежали, обнявшись, и разговаривали. Он много рассказывал о себе. Было такое чувство, что он нашел родственную душу и выговориться ему, по большому счету, некому. Кроме нее...

Утром, надев на себя все атрибуты своей «взрослой жиз-

ни», он чмокнул ее в щеку:

–

Ну пока, малыш! Созвонимся!

Оба знали, что следующая встреча состоится нескоро. До Нового года оставалось чуть больше недели. Должен был приехать Тельман.

Валерия встречала его в Домодедово . Они не виделись почти месяц и молодая женщина не могла дождаться, чтобы опять окунуться в эти любимые бархатные карие глаза, услышать спокойный, убаюкивающий голос, да и просто кинуться, как в омут, к нему в объятия.

Тельман выглядел похудевшим, осунувшимся и каким-то посеревшим. Обняв Валерию и поцеловав, еле коснувшись щеки, сел рядом с ней в машину.

–

Ты неважно выглядишь, что-то случилось? – поинтересовалась Лера.

–

Поехали домой, – не ответил на заданный вопрос Тельман.

Все время ехали молча и Лера, периодически бросая взгляд на любимого, не могла понять: что произошло за этот месяц. Они постоянно созванивались и она как бальзам слышала его такое теплое обращение «родная».

–

Мне надо тебе кое-что сказать, – язык Тельмана наконец развязался после ужина и выпитого вина. – Я должен был сделать это раньше, но мне не хотелось портить тебе настроение перед поездкой в Египет...

–

Ну говори, наконец, что случилось с тобой?– поторопила его Лера.

–

Случилось с тобой, – уточнил Тельман, сделав акцент на словах «с тобой». – Ты больна.

Лера меньше всего ожидала услышать это. Больна? Что за бред? Это шутка? Что он такое говорит, ее любимый? Она подумала, что ослышалась.... Цветущая молодая женщина, а сейчас особенно, приехав из Египта: загоревшая, и ставшая от этого еще стройнее, с выгоревшими светлыми волосами. Зеленые глаза вспыхнули изумрудным блеском на ее смуглом лице. В них читался вопрос.

–

У тебя сифилис, – это зазвучало как приговор.

–

Что за чушь?– рассмеялась она.– Что ты несешь?

И он рассказал ей, что его жена ходила в поликлинику сдавать кровь и у нее обнаружили эту болезнь, порекомендовали сдать анализ и ему. Тот же диагноз.

–

Я пролечился и сейчас здоров, – Тельман смотрел на Леру горящим взглядом. – Почему, ты думаешь, я так похудел? Ночами спать не мог. Как мне было объяснить жене – откуда это... Да и лечение не из легких.

–

А с чего ты взял, что я больна? – все потемнело перед глазами у Леры. – Почему я должна быть больна? Почему ты не считаешь, что жена явилась переносчиком инфекции?

Мысли судорожно носились в голове у молодой женщины. Мир, казавшийся еще несколько часов назад счастливым и совершенным, рушился, земля уходила из-под ног. Да какое это сейчас уже имеет значение, жена или не жена. С Тельманом она спала, не предохраняясь – поэтому если он был болен месяц назад (а по всей видимости это так и было), она уже тоже инфицирована. Просто болезнь еще где-то бродит, никак не дав о себе знать. Где-то бродит...

Лера даже произнести не могла: инфицирована сифилисом. Господи, какой кошмар, стыд... В буйном воображении уже мелькали картинки из посещения кожвендиспансера, полные укоров взгляды врачей (ведь нормальный человек не может заразиться сифилисом никогда и ни при каких обстоятельствах). Так кто она – проститутка? Даже эти женщины продажной профессии сейчас так хорошо предохраняются, что вряд ли каким-то образом могут подцепить ужасную болезнь.

Что делать? Информация не укладывалась в голове. На-

до что-то делать! А почему, собственно говоря, она должна быть инфицирована? Это еще надо проверить! В конце концов, у нее нет абсолютно никаких симптомов.

—

А зачем твоя жена ходила в поликлинику? — поинтересовалась Лера.

—

Не знаю, надо ей было, — он явно не хотел говорить правду.

—

Но ведь на сифилис надо сдавать специальный анализ, — продолжала настаивать Лера.

—

Я не знаю, у нее обнаружили и отправили меня.

—

Так она тебя и заразила, милый мой. Зачем же ты меня делаешь виноватой, а жену во всем оправдываешь?

—

Откуда она могла?

—

А я откуда? Только от тебя! Знаешь, я уверена на все сто, что нет у меня никакой болезни. Завтра пойду и все проверю.

—

Так не может быть! — уверенно ответил Тельман. — Мы спали, не предохраняясь.

И тем не менее, когда был погашен свет Лера не смогла

сдержаться – она так скучала!

–

Родная, давай потерпим, – шептал Тельман. – Я уже вылечился. Я не хочу опять заболеть.

И этот мягкий голос, это его «родная» еще больше раззадоривало молодую женщину. Ничто не могло сдержать ее от слияния с любимым телом, безудержная сумасшедшая страсть взяла в плен всю ее, включая рассудок. Даже сейчас, зная, что мужчина не так давно вылечился (а до конца ли?) от страшной болезни, она не могла удержать себя от порыва почувствовать его внутри себя.

–

Не могу, не сейчас, потерпим... – шептал Тельман, но уже не так настойчиво.

И молодые сильные тела их слились в едином клубке. Светлые длинные волосы молодой женщины оказались на плечах Тельмана, укрыв их шелковым покрывалом, а затем, в один миг, вдруг разметались по подушке. Полуоткрытый рот ее издавал стоны, хрипы. Тельман смотрел сверху на свою женщину, раскинувшуюся под ним и, чувствуя полное господство над ней, прохрипел:

–

Что ты со мной делаешь, Лера?

Глава 3

Лера сидела в пустом коридоре возле кабинета: здесь и сейчас решается ее судьба. Конечно, у нее ничего не обнаружат – она была в этом уверена на все сто.

–

А вдруг? – коварно насмехаясь, шептал внутренний голос.

–

Никаких вдруг быть не может, – сопротивлялась женщина.

–

Но ведь вы не предохранялись...

–

Я бы уже как-то почувствовала это!

–

Может в пассивной форме, еще не проявился? – не отвязывался внутренний голос.

–

Заходите, – прервала неприятный внутренний диалог милостивая женщина средних лет в белом халате. – Присаживайтесь. Что Вас привело к нам?

Лера стала рассказывать. Она не поехала в обычный кожнодиспансер (стыд-то какой), а выбрала платные услуги – дорого и конфиденциально. Врач внимательно слушала, не прерывая.

–

Вы не волнуйтесь так, – успокоила она Леру, когда та, не смотря на железную выдержку, все же дала понять, как она

нервничает. – Хочется надеяться, что Вы попадете в тот процент, который имеет сильный иммунитет. Это ведь жизнь – мы все разные... Даже если Вы с ним были в контакте, совершенно необязательно, что Вы заражены. Все зависит от многих факторов... Но даже если и есть что-то – мы, как Вы уже знаете, делаем несколько инъекций, которые спасают дело. Нет необходимости проводить длительное лечение. Сперва давайте сдадим кровь, а там посмотрим.

Невозможно передать, что Лера пережил за эти сутки. Она заплатила очень хорошие деньги, чтобы можно было узнать уже назавтра результат анализа. Врач позвонила сама.

–

Все в порядке. Результат негативный, – сообщила она.

–

То есть, я здорова? – все ликовало внутри – как мало надо для счастья.

–

Да, – успокоила доктор.

–

Но ведь могут быть варианты, когда инфекция еще не проявилась в крови? – поинтересовалась Лера.

–

Это невозможно, учитывая ту информацию, что Вы мне дали. И, потом, мы делали экспресс-анализ. Это значит, что если бы Вы заразились даже неделю назад, тест бы по-

казал. Валерия, если Вы так переживаете, я все же могу порекомендовать Вам сделать два укола. Для пушского, так сказать, успокоения. Это стоит двести долларов. Уколы очень болезненные, сразу предупреждаю, но тогда уж точно ни о чем беспокоиться Вам не придется.

—

Я сделаю, — решительно ответила Лера. И они договорились о дне и времени.

—

Я здорова, — сообщила она «виновнику торжества», когда тот появился на пороге ее квартиры вечером.

—

Не может быть, — недоуменно смотрел он на нее. Лере был неприятен этот взгляд — она наоборот, думала, что он обрадуется за нее. А тут: не может быть?

—

Как это: не может быть? Мне только что звонили из клиники. Результат отрицательный.

—

Я не верю, — невозмутимо ответил Тельман.

—

Интересно, почему ты веришь своей жене и не веришь мне? Тебе принести результат анализа на бумажке: белым по черному?

—

Хотелось бы...

И даже в данной ситуации, уверенная в своей правоте, Лера не стала скандалить с ним и что-то доказывать, а просто кротко сказала:

—

Хорошо!

Она не понимала, что движет ею. Любовь? Какая это любовь с его стороны, когда он не доверяет и не верит ей? То есть ее он считает «грязной» женщиной, которая нагуляла самую ужасную венерическую болезнь, заразила его и его невинную жену. Более того, он продолжает жить с этой «грязной» женщиной, уже излечившись... Она же, зная наверняка, что болезнь принес он, даже не задалась вопросом: откуда? Вероятно, не от жены – там женщины не гуляют. Их и камнями забить можно за это. Значит, еще от кого-то. Таким образом, у него была связь с какой-то Венерой, которая и наградила его одноименной болячкой. Он, в свою очередь, подарил это своей жене, супружеский долг с которой не отменялся. По всей видимости, иммунитет у нее оказался гораздо слабее, чем у любовницы, Леры. Вот такая цепочка... А может, ему просто удобно было сделать Леру «больной», чтобы оправдать себя. Ну да, все же очевидно: лучшая оборона – нападение. Он, узнав о своей болезни и будучи уверенным, что Лера тоже заражена, не желая терять ее решил действовать именно таким образом. А тут – промашка!

Все это она проанализировала гораздо позже... Всегда та-

кая гордая и непокорная, сейчас, в слепом сиянии своей любви к объекту недостойному, она даже не задалась вопросом: откуда? Она продолжала любить, желать и хотела только одного: чтобы он оставался рядом. Во что бы то ни стало. Путем любых прощений, боли и унижений...

Они с доктором идут по пустынным коридорам, где изредка встречаются какие-то люди. Женщина в белом халате пытается завязать беседу с пациенткой в деловом костюме по пути в кабинет, где ей будут вводить лекарство – для профилактики.

«Ничего, потерплю! – говорит сама себе Лера. Она даже не слышит голос женщины, пытающейся как-то сгладить обстановку, успокоить ее. – Зато сто процентов уверенности, а так – всплывет еще где-то, бродящий. Кто знает?»

В кабинете присутствовала еще одна женщина. Леру уложили на кушетку.

–

Не волнуйся, все будет хорошо. Потерпи немного, это больно, очень сильная концентрация лекарства! Реакция у каждого разная. – врач присела рядом с Лерой. – Я рядом.

Такого непонятного состояния Лера не испытывала за всю свою жизнь – даже, когда рожала. Острая боль во всем теле. «Умираю» – проскользнуло в сознании. Прилив жара и... она потеряла сознание.

–

Все позади, открывай глазки, – она увидела испуганное

лицо врача, держащую в руке ватку возле ее носа. – Такая у тебя реакция. Во второй раз будет уже гораздо легче...

Страна готовилась к Новому 1997 году. Люди закупали подарки, бегали по магазинам, елочные базары заполонили Москву. Это был первый Лерин Новый год в своей квартире. Более того, Новый год с любимым человеком – двойной праздник. Она даже не хотела задумываться, сколько перенесла боли и страданий по его вине за последние всего два месяца. Боли, которой не было в ее жизни до этого никогда и, может быть, не было бы, если бы она не встретила на своем пути этого человека. Надо чем-то жертвовать, – говорила себе Лера. И продолжала жертвовать. Даже не подозревая о том, что может быть кто-то свыше предупреждает ее о более серьезной опасности с его стороны и посылает эти испытания для того, чтобы задуматься: а стоит ли с ним жить дальше. Расстаться с Тельманом по собственной инициативе? Никогда!

Она, столько лет будучи одинокой, нелюбимой и не нужной ни своему мужу, ни кому бы то ни было еще, упивалась моментами их совместного проживания: его рубашки и костюмы у нее в шкафу, бритвенные принадлежности в ванной на полочке, ботинки в коридоре и он сам, с ней. И не важно, что они делали: смотрели вместе телевизор, разгадывали кроссворд, сидели на кухне или занимались любовью. Важно другое – человек, которого она любит, был с ней. Пусть даже

не муж. Такова женская суть: «был бы милый рядом, а уж за ценой я не постою».

Новогодняя ночь прошла по сценарию, продуманному Лерой. Красиво украшенный журнальный столик на двоих, свечи, шампанское... Даже телевизор – посредник, через который каждая семья имеет возможность поднять бокалы в Новогоднюю ночь под бой курантов на Красной площади, ими не включался. Они принадлежали друг другу в эту ночь и не хотели нарушать идиллию: она – как долгожданный подарок, самый большой, который только можно пожелать. Он... Кто знает, что чувствовал он?

На следующий день Лера отправилась за Мишкой к свекрам. Вернувшись домой и открывая дверь, услышала телефонный звонок.

–

С Новым Годом, малыш! – услышала она голос Игоря.

–

С Новым..., – оторопела она, ожидая услышать голос Тельмана, который отправился к друзьям.

–

Может, увидимся сегодня-завтра? Как у тебя со временем? Я уже успел соскучиться...

–

Вряд ли что-то получится, – ответила Лера. – Я не одна сейчас, ты же знаешь, да и ребенок со мной.

–

Жаль... – протянул он. – а мы тут на турбазу собираемся, думал – ты сможешь поехать.

–

Как-нибудь в другой раз, – ответила Лера и положила трубку.

Ей не понравился этот звонок... Он прекрасно знает, что она сейчас с Тельманом, но тем не менее звонит ей домой. А если бы трубку взяла не она? Зачем ей лишние разговоры...

И, как в подтверждение ее мыслей, в тот же день произошел очень неприятный инцидент.

–

Лера, это что? – поинтересовался Тельман, заходя на кухню и протягивая ей кусочек цветной бумажки. – Я нашел это случайно, под подушкой от мягкой мебели.

–

Не знаю, – ответила она, хотя прекрасно знала и что это, и откуда оно там оказалось. Обертка от резинового изделия, которым пользовался Игорь в тот единственный раз, когда ночевал у нее в квартире.

В ту ночь они обыскались кусочка недостающей обертки... И вот, в самый неподходящий момент, именно Тельман должен был найти его.

–

Как это ты не знаешь? Мы ведь с тобой не пользуемся ими.

–

Серьезно, я без понятия, откуда он там взялся. Может, с

давних времен? – Лера никогда не умела врать и не знала, как извернуться в данной непростой ситуации. Ей казалось, что у нее горят щеки, но она мужественно выдержала взгляд любимого человека.

–

Нет, с давних времен не может быть. Мы уже поднимали это кресло, – горячий кавказец сверлил ее глазами.

–

Не смотри на меня так, дырку прожжешь. Я правда не знаю. Ты хочешь сказать, что я приводила сюда кого-то? – она не находила, что соврать.

–

Я ничего не хочу сказать – я хотел бы знать, откуда она оказалась здесь.

–

Ну хорошо, – вздохнула Лера. – в твое отсутствие я давала ключи одной замужней подруге в рабочее время... Ей надо было встретиться кое с кем. Наверное, они забыли...

–

А почему ты мне сразу не сказала об этом? Зачем скрывать и создавать проблему между нами?

–

Да как-то не хотелось говорить, – Лера вздохнула: кажется, поверил.

Но получилось как в том анекдоте: «ложки нашлись, а осадок остался». В тот же вечер на ужин были приглашены го-

сти – с тех пор как Лера завязла в их отношениях, она забыла и о друзьях, и о гостях... Затяжные новогодние праздники оказались как нельзя кстати.

Компания разношерстная. Друг Тельмана пытался заигрывать с одинокой Катей, но он ей совсем был не нужен. Пришла еще одна пара – Лерины давние друзья, не подозревающие о ее связи с дагестанцем. Как известно, русские по-разному относятся к «лицам кавказской национальности». Муж, коренной москвич, на дух не выносил этих самых «лиц». Можно представить его состояние, когда войдя в квартиру он увидел, что их здесь несколько. Наверное, он сразу бы повернул назад – если бы чувство голода не перевесило национальный вопрос. И территориальный момент тоже сыграл свою роль: они пересекли всю Москву с запада на восток, используя все наземные и подземные виды транспорта, и повторить этот бросок сразу же, отмораживая конечности в ожидании автобуса на морозе, как-то не хотелось...

Язык его развязался после первой же «согревающей» рюмки, и он попытался вступить в какие-то национальные дебаты, чтобы завести ребят. Но все его попытки увенчались крахом – он встретил на своем пути умных, образованных дагестанцев, которые моментально корректно посадили его на место. Не с помощью силы... Жена, во избежание силового конфликта, попыталась поскорей увести «героя» с поля боя. Потанцевав немного под Иглесиаса, Катя с несостоявшимся ухажером тоже удалились – он вызвался проводить

ее.

В течение всего вечера Лера видела настроение Тельмана – после произошедшего днем он был серее тучи. «Как Игорь мог так опрометчиво поступить? Что за неуважение ко мне, моей частной жизни... Что я должна еще за ним обертки от презервативов убирать? – возмущению ее не было предела. – Это все равно, что я бы трусы или лифчик забыла в их супружеской кровати и его жена нашла бы... Он, конечно же, не относится серьезно к моей связи с Тельманом.»

Убрав после гостей, Лера присела рядом с ним.

–

Надо поговорить, – начал он. – наверное, нам стоит пожить врозь и разобраться в себе.

Вот этого Лера слышать не хотела.

–

Что на тебя вдруг нашло?

–

Да просто много всего за последнее время. Болезнь эта... Отношение твоих друзей. – про находку не было сказано ни слова.

–

Тельман, давай спокойно. Я тебя очень люблю и не хочу расставаться с тобой. При чем тут мои друзья? Я не могу нести за них ответственность. И потом, я не знала, что этот Костя такой идиот. Мы очень редко встречаемся, а при таких обстоятельствах тем более.

–

Я тебя тоже очень люблю, ты знаешь... Но как-то на душе плохо. Давай я поживу у ребят, у них есть место в квартире. Я прямо сегодня уеду. Ты должна отдохнуть от меня
, а я -
все обдумать.

–

Я не отпущу тебя, – в такие моменты Лера теряла контроль и наступала на свою гордость. Она готова была в ногах валяться – лишь бы он остался с ней.

Быть может, проявил бы в тот вечер «сын гор» свой характер, уехал бы и закончилась вся эта история. И не было бы продолжения. Но он еще поломался «для приличия» – что-то говорил, глядя в сторону, чтобы преподнести Лере урок на будущее (уважительнее надо относиться, уважительнее). Лера пустила слезу и он остался, чтобы утешить ее. Инцидент был забыт. По крайней мере, так считала Лера.

Через некоторое время, все еще зимой, Тельман попросил денег. В долг. Впервые за все время их знакомства. Надо отдать должное: он ничего не приносил в дом, но и не просил. Где он зарабатывал, зарабатывал ли вообще, Лера не желала знать. Он пользовался всем готовым и отдавал ей только любовь, что было немало для нее. Материальный вопрос не поднимался никогда. Что он отправляет семье, как содержит – ее это не касалось. Никто же не спрашивает: как она содержит себя и своего сына, оплачивая услуги свекрови как ня-

ни. Она, безусловно, слышала от Сергея, что известные дагестанские ковры ручной работы все меньше и меньше кто-то хочет покупать – спрос на них, так хорошо продающихся еще пару лет назад, упал. И Сергей предоставляет комнату в офисе дагестанцам по старой дружбе – они уже и за нее не платят. Лера, не будучи душой, несколько раз слышала разговоры Тельмана по телефону с друзьями и по содержанию поняла, чем они сейчас занимаются. Но и в это она не хотела влезать – это его личное дело, пол-Москвы сейчас этим занимаются. Взять хотя бы Игоря. У каждого своя ниша...

Но в долг... Она никогда и никому не давала. За кого он ее принимает? За богатую любовницу? (он неоднократно ей давал понять, что она старше). Это смешно: три года разницы... У них ведь принято, что жена должна быть гораздо младше, а тут женщина на три года старше. Он что же думает, что она ему будет приплачивать за то, что он ее осчастливил своим «молодым» телом. Лере не понравился это разговор. А его как такового и не было. Он прекрасно знал, что женщина, с которой он живет отлично зарабатывает и, имея все необходимое, практически ничего не тратит. И забросил удочку, надеясь, что сработает.

–

У меня нет налички, – спокойно ответила она. – Деньги лежат под процент и снять я их не могу.

Что было неправдой. Лера, как хомяк, складывала доллары в укромном месте, в квартире. Она планировала уже

в этом году обменять свою хрущевку на большую квартиру в хорошем районе, с доплатой. И наконец решить вопрос с Мишкой – определив его в престижную школу в районе, где они будут проживать постоянно.

Ей надоели эти разъезды в пятницу после работы на запад, а потом через всю Москву – на восток. В воскресенье маршрут повторялся с точностью наоборот. Наверное, если бы она забирала и отвозила ребенка к своим родителям, история бы умалчивала этот факт. Но каждый раз сценарий был одинаков.

В пятницу Мишка был похож на дикого загнанного зверька, а не на ее жизнерадостного сына. Всю дорогу, пока она вела машину, периодически поглядывая в зеркало назад, она видела мальчика, затравленным прищуренным взглядом глядящего в окно. Разговорить его не представлялось возможным. Короткие «да» и «нет» на ее многочисленные вопросы. Она прекрасно понимала источник данного настроения. В течение недели ребенка настраивают против нее. И уж сколько раз она пыталась говорить с бывшей свекровью на эту тему – безрезультатно.

—

Как Вы не понимаете, – пыталась достучаться до нее Лера. – Вы не мне хуже делаете, а ему! Ребенок всегда будет любить мать – какая бы она ни была: пьяница, наркоманша... Детей сдают в детдома, а они ждут маму, надеясь, что она одумается и приедет забрать их

. Заранее прощая ее даже за предательство. Вы же душу его травмируете, говоря что мама плохая.

Он же разрывается между Вами и мной...

—

Ничего мы не настраиваем, все ты выдумываешь, — отнекивалась Мария Анатольевна.

Мишка был слишком мал, чтобы в разговоре завуалировать неприятные отзывы, высказанные свекровью в ее адрес, и они периодически проскальзывали в каких-то вопросах. Сам того не ведая, он выдавал свою бабушку.

Впоследствии, постоянным напоминанием об этом нелегком периоде была черно-белая фотография, сделанная для Мишиного загранпаспорта. В пятницу, в тот день, когда она забрала ребенка от свекров. Дикий волчонок с колючими прищуренными глазками.

Весь вечер пятницы душа у Леры саднила. В субботу мальчик просыпался совсем с другим настроением и это был их единственный счастливый день в неделе. И следа не осталось от вчерашней замкнутости и нелюдимости. В воскресенье после обеда настроение портилось и у Миши, и у нее — вечером ехать назад. Что он только не пытался придумать каждый раз, чтобы не ехать, чтобы остаться с ней, Лерой.

—

Котик, потерпи еще чуть-чуть, — Лера сама готова была расплакаться от жалости к нему. Голубые глазки грустно смотрели на нее, ручонки обнимали за шею.

Бедный ребенок... Там бабка с дедом науськивают против матери, здесь – мужик какой-то чужой живет. Отец вообще не общается с ним из-за обиды на нее, Леру. Она представляла, что творится в душе у этого ангелочка. И ничего не могла поделать с этим. Ей надо было работать, чтобы осуществить задуманное, – родная бабушка всегда лучше присмотрит за внуком, чем чужая тетя. Ну, а Тельман – Лера никогда не понимала женщин, которые наступают на себя и после развода живут только для ребенка, полностью исключая мужчин из своей жизни. Ребенок все равно это не оценит и примет как должное, а свои молодые годы будет уже не вернуть.

Поэтому она целенаправленно, экономя на многом, откладывала деньги: решить квартирный вопрос и забрать ребенка к себе. Квартира на Востоке была перевалочным пунктом и она даже не хотела рассматривать вариант определения Миши в школу временно.

Дела на работе шли отлично и бумажек зеленого цвета в ее хомячьей «норке» прибавлялось. Место было выбрано разумно: в кладовке, под секцией от старой «стенки», в глубоком углу – ее рука еле пролезала туда. При Тельмане она никогда не совершала никаких манипуляций с деньгами. Только в его отсутствие. Он ничего не должен был знать: любовь-любовью, а финансы – врозь! О том, что деньги хранить дома опасно она даже не задумывалась: в квартире были две двери, одна из которых металлическая. Да и кто может догадаться о чем-то...

Шло время. Тельман уехал к себе домой. Надолго. Лера много работала, иногда, очень редко, встречаясь с Игорем.

Пришла весна, а с ней и новые планы, надежды... Не смотря на горячий период и поток туристов, Лера купила путевку на июль месяц: Голландия-Бельгия-Люксембург... Планировала ехать вместе с Катей, у которой отпуск удачно выпал на этот же период. Выбрали ту же компанию, которой за год до этого Лера летала в Италию – индивидуальный туризм.

В группе пять человек, проживание в маленьком отеле из шести комнат, на границе Бельгии и Голландии. Изысканный интерьер, во дворе по дорожкам гуляют павлины, хозяйка сама накрывает стол за ужином... Передвигались на микроавтобусе и чувствовали себя как одна семья. И вместе с тем много давалось свободного времени. Будучи в Амстердаме, Лера с подругой забрели на известную улицу Красных Фонарей. Как-то неожиданно она началась – вроде только через мостик перешли от приличного квартала и вуоля! Стоят красотки в витринах на любой вкус и цвет. Туристок заранее предупредили, что фотографировать запрещено, но Катя была бы не Катей если бы не вытащила камеру и попыталась запечатлеть эффектную черную проститутку. Та, недолго думая, подскочила к фотолюбительнице и ударила ее по голове, гневно произнеся какой-то диалог, о сути которого легко можно было догадаться по ее горящим гневом глазам. Пыталась выхватить камеру, дабы иъять свое изображение,

но Катя мертвой хваткой вцепилась в свое имущество. Еле унесли ноги.

Лера тоже чуть не оставила свой фотоаппарат, верный свидетель ее путешествий, в чужой стране. Дело было в зоопарке. Только зоопарк был не такой, как рисует наше воображение («зоо томление» в клетках), а настоящий парк зверей. Тут свободно перемещались тигры и львы, зебры и жирафы. Туристы передвигались на специальных машинах, выделенных зоопарком, с сотрудником. Останавливались периодически, сделать фотографии или покормить подошедшего жирафа. Уже после сафари туристы смогли посетить обезьянник, поражающий своими размерами. Получалось так, что посетители в клетке, а обезьяны на воле. Решетка была и по бокам, и сверху. Таким образом, обезьяна могла свободно передвигаться над головой туриста и бросать, скажем, орехи на зазевавшихся. Лере очень понравился детеныш примата, который поначалу сидел рядом со своей мамой, а потом отсел в сторону и грустно глядел на туристку с фотоаппаратом. Ей показалось, что фотография будет произведением искусства, если детеныш протянет свою, почти человеческую, руку к травинке. В тот самый момент, когда она, в предвкушении снимка века, пыталась дать травинку маленькому, мамашка не растерялась – просунула свою лапу сквозь решетку и выхватила у Леры камеру. Сказать, что женщина опешила – ничего не сказать. К счастью, камера не пролезла сквозь решетку только потому, что встала по диагонали. Горе-фото-

граф вцепилась в свое «добро» и потянула на себя. Обезьяна, в негодовании, – на себя. Несколько раз они перетягивали канат: кто кого. Собралась толпа туристов, орущих каждый на свой манер и язык и хохочущих от внезапно возникшего экспромта. В конечном итоге, Лере удалось схватить фотоаппарат за шнурок, прикрепленный к нему и, о чудо, свидетель всех ее путешествий оказался на воле. Народ зааплодировал, обезьяна-мамаша стала страшно тарашить глаза, скалить зубы, а затем, запрыгнув на сетку над Лерой, стучать кулаком, дабы показать свой гнев.

–

Жалко, я расстералась, – подытожила Катя. – Надо было запечатлеть выражение твоего лица, когда ты пыталась отнять у нее фотоаппарат. Вот бы поржали потом...

Их возили по миниатюрным, словно игрушечным, городкам. Такая чистота, красота кругом! Что абсолютно поразило Леру – чистейшие окна во всех домах. Не просто чистейшие, а как будто стекла и вовсе нет. Практически без занавесок или с короткими, так что виден подоконник и красивые подсвечники-вазы на каждом из них. Как будто соревнование: у кого красивее. Никто ни от кого не прятался. Не было тяжелых штор, коими принято было закрываться от всех на Родине. Да что говорить, каждое утро тротуары моет с мылом специальная машина...

На Люксембург был выделен один, последний день, поездки. После этого решили устроить небольшой пикник, да

вот беда – стаканы одноразовые забыли купить. Воскресенье – короткий день, и возможности найти открытый магазин не было. Недолго думая, гид предложил съездить в Германию, за стаканами. Все рядом, границы открыты, что тоже очень поразило Леру. Только столбик с табличкой, где обозначено название страны. И все. Полная свобода передвижения...

Дома остался Тельман, приехавший незадолго то ее тура. За несколько недель до поездки Лера совершенно случайно приобрела котенка в пешеходном переходе. Тельман оговорился, что в противном случае уехал бы жить к друзьям, но раз животное не с кем остановить – конечно, он поживет здесь в ее отсутствие. Знала бы Лера, во что ей обойдется его проживание ...

Лера приехала с массой впечатлений и подарками для всех.

У нее оставалось еще пару недель отпуска в этом году и она решила посетить родителей, планируя отправиться на машине. Предложила Тельману поехать вместе, а он неожиданно дал согласие. Лера была на седьмом небе от счастья. Путешествие с сыном и любимым человеком. К родителям. На автомобиле. Какая романтика... О том, что расстояние от Москвы до Киева, а затем через Львов и перевал за Карпаты более чем приличное, а машина давно уже барахлит, она даже не стала задумываться.

—

Доедем, родная, – заверил ее Тельман.

Он как-то очень быстро и активно настроился на поездку, что тоже ему было несвойственно.

Встал вопрос, на кого оставить котенка, который к этому времени уже подрос и стал красивым игривым котиком-подростком. Подруга Света проживала у знакомой, уехавшей на все лето на дачу.

—

Переезжай пока ко мне, – попросила Лера. – И за котом посмотришь.

Поначалу согласившись, Света затем изменила свое решение и забрала кота со всеми прилегающими принадлежностями к себе.

Всего один раз промелькнула мысль: может попросить Сергея положить деньги в сейф на работе? Сумма набралась немаленькая – можно было купить еще одну такую же квартиру, в которой она сейчас жила. Но зная завистливую и жадную до денег натуру Сергея, передумала: меньше знает – лучше спит. Конечно, рано или поздно она купит новое жилье и, безусловно, это не сможет остаться тайной. Но это будет не сейчас. Зачем ему знать, сколько у нее денег? Она даже не сомневалась, что конверт, который она потенциально могла бы оставить ему, будет вскрыт, а затем заново заклеен. Не надо обладать знаниями высшей математики, чтобы легко подсчитать: такие деньги (с учетом купленной машины, мебели, техники), нельзя было отложить только с зарплаты. Зачем ему знать о ее маленьких секретах?

«Нет, нельзя этого делать! – решила Лера. -Подумаешь, я ведь в Египет уезжала, тоже оставляла. Все будет нормально. Никто ничего не знает.» И закрыла вопрос.

Выезжать решили на заре, пока не так много машин. Накануне вечером Лера топталась на кухне, готовя всякое разное в дорогу. Тельман отлучился к метро, чтобы встретиться с друзьями, и долго не возвращался. Мишка уже спал. Прошло два часа, три, а его все не было. Лера терялась в догадках. Есть телефон, можно ведь позвонить. Когда он не вернулся через четыре часа, она стала нервничать: наверное, передумал ехать и не смог ей признаться. Так проще: просто не явиться домой, чтобы она уехала без него. А что потом? Как она поедет одна, с ребенком? Или не ехать... Все планы рушились, все летело в тартарары. Без него.

Он позвонил в дверь после полуночи. Коротко объяснил:

–

Менты задержали.

Что она могла сказать. Знала, что держат в обезьяннике для выяснения личности по несколько часов. Откуда звонить-то? Хорошо, хоть отпустили.

Встали ни свет, ни заря, что называется. Полусонного Мишку запихнули в машину. Лера напоследок закрыла все форточки, задернула занавески, проверила замки. Порядок! Хоть и спали всего несколько часов, настроение было прекрасное.

Впервые Лера ехала по пустынному Ленинскому проспек-

ту – лишь редкие машины попадались по направлению к Киевскому шоссе. Сын спал сзади, Тельман дремал рядом, а она, как будто окрыленная, везла своих самых дорогих мужчин все дальше и дальше...

Первый день прошел прекрасно, не смотря на длительное ожидание в очереди на украинской таможне. Останавливались возле красивых мест, периодически устраивали пикники на траве, и запечатлевали моменты путешествия на пленку. Вела машину Лера – у Тельмана забрали права и возможности меняться не было. Не успели они пересечь русско-украинскую границу, как гаишники стали останавливать, будто только их и ждали. Московские номера, иномарка... Каждый пытался хоть к чему-то прицепиться. К счастью, Лера родилась в Украине, что было прописано черным по белому в ее правах, и гнев сразу менялся на доброжелательность. Это ее и отмазывало всю дорогу. Потом, завидя ребенка на заднем сиденьи, они и вовсе превращались из строгих стражей порядка в заботливых добрых дядей.

–

Езжайте аккуратно, жиночка! Доброго пути! – напоследок желали они.

Вот и Киев уже виден вдалеке. Прошло одиннадцать лет с момента Чернобыля, но Лера сразу же почувствовала как невидимое облако окутывает ее. Разболелась голова. А может, просто от дальней дороги? Уже в самом городе водители из соседних машин дали им понять, что левое заднее ко-

лесу на их автомобиле проколото. Это случилось, как всегда бывает, в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте. Час пик, возле одного из самых больших мостов украинской столицы. Тельман отважно, не смотря на непрекращающийся поток машин, устанавливал запаску, Лера же служила прикрытием, дабы зазевавшийся нерадивый водитель не наехал случайно на ее мужчину.

Уставшие, голодные, желающие только одного – принять душ и лечь в мягкую постель, они остановились в первой попавшейся гостинице. Когда им огласили специальную цену для российских граждан, желание смыть дневную грязь сразу улетучилось. Двойная цена! Отойдя от окошка регистратора, Лера впала в задумчивость. Что делать? Искать сейчас что-то другое ночью, в незнакомом городе, с ребенком, без запаски... Целый день проехав за рулем.

–

Вы хотите снять комнату? – подошла к ним женщина средних лет.

–

Да, – оживилась Лера.

Комната в квартире оказалась неподалеку. Чистая, с удобной кроватью и хрустящим бельем. Душ, чай... Что еще нужно уставшим путешественникам? Безусловно, цена очень отличалась от той, которую им огласили в дорогостоящем отеле. Лера, хоть и получала приличные деньги, знала цену копейки и не собиралась переплачивать за то, что не стоит того.

Принципиально! Из-за того, что они проживают в России!? Маразм какой...

На следующее утро после завтрака пошли искать шиномонтаж – ехать без запасного колеса не представлялось разумным. И сразу – на выезд из города. Сегодня к вечеру Лера уже планировала обнять своих родителей. Статуя Родина-мать провожала путешественников долгим взглядом со своего высокого пьедестала.

После первой же заправки на территории Украины, Лера поняла, что машина закапризничала на украинском бензине: что они подливают туда? Она дергалась как норовистый конь, желающий сбросить начинающего наездника.

–

Милая, пожалуйста, не сейчас... Потерпи! – Лера всегда старалась уговорить ее и это, надо признать, у нее получалось.

«С машинами надо разговаривать! – когда-то давно признался ей один водитель. – Они все понимают. Это не просто кусок металла, у нее душа есть. Она никогда не подведет тебя в неподходящий момент, если ты будешь хорошо обращаться с ней».

Вот и сейчас, Лера нежно гладила ее по рулю и шептала: «Потерпи, ласточка, пожалуйста! Приедем в Москву – я тебе такую профилактику устрою...! Будешь как новая!» А сама с ужасом думала о том, что случится если ее ласточка заартачится и не поедет сейчас никуда.

–

Родная, не переживай ты так! Все будет нормально. Это ведь иномарка. Она сразу не сломается, – пытался успокоить ее Тельман.

Так они и ехали – Лера вся на нервах, прислушиваясь к каждому скрипу, и уже начиная ругать себя за то, что ввязалась в такую аферу. Конечно, хорошо ехать на автомобиле – ни от кого не зависишь, останавливаешься когда хочешь и где хочешь. Но есть одно но: средство передвижения должно быть как минимум надежным. До Львова оставалось совсем ничего, когда вдруг от машины что-то с громким стуком оторвалось и она стала реветь, как танк.

–

Глушак отлетел, – коротко объяснил Тельман.

Остановились и пошли искать прогоревший глушитель. Кто знает, каково ездить без этой металлической трубы, поймет.

–

Доехать бы до ближайшего населенного пункта, найдем слесаря, приварит, – сказал Тельман.

–

А если не найдем, не приварит... Воскресенье ведь. Как доедем? Еще часов семь в лучшем случае пилить. Вот машину мне подсунули твои друзья, – Лера впервые за все время стала терять выдержку.

А кто бы не потерял? Постоянно за рулем, ответственная

за три жизни, машина, за которую заплачено немало с подачи ее лучшего друга, разваливается на ходу. Что еще эта, едва начавшаяся поездка, приготовит?

Благо, дорога шла с горки... Бросив прогоревший кусок трубы в багажник, поехали на нейтралке. Гул прекратился. Стоило переключить коробку передач на скорость – им позавидовал бы любой реактивный самолет. В конечном итоге, въехали в какую-то деревушку и стали искать мастерскую.

Посылая испытания, судьба все же подбрасывала иногда и хорошую карту. Удалось им найти частного мастера, который через несколько часов отдал машину как новую. Или почти как новую.

Во Львове, заблудившись, вместо объездной дороги поехали через город и тоже потеряли немало времени. А впереди известный перевал. А известен он тем, что и в дневное время опасно ездить через него. Опускались сумерки, но Лера не собиралась останавливаться. Решимости ей было не занимать.

При световом дне ехалось достаточно легко. Когда стемнело, Лера поняла, что такое перевал. Узкая однополосная дорога шла выше и выше. Кромешная тьма – только фары. Когда же сгустился туман, стало совсем тяжело. Миша спал на заднем сиденье. Тельман тоже стал заметно нервничать. Ведь так, высоко в Карпатах, в темноте, застрять – нечего делать. А западэнцы всегда слыли своим крутым нравом...

Полночь. Туман. Они ехали одни – как будто на всем све-

те никого больше не существует. Вдруг, откуда ни возьмись дорогу перегородил мужчина в плаще-палатке с автоматом наперевес. Остановились.

—

Проверка документов.

Он внимательно посмотрел на сидящих в автомобиле, сверил лицо Леры с изображением в документе, посветил фонариком в машину.

—

Хто у вас там? Дытына? — опешил он. Наверное, не часто ездят машины с московскими номерами в полночь, в крошечной тьме и густом тумане через карпатский перевал с маленьким ребенком на заднем сиденье.

—

Доброго пути, — сразу же смягчился он и отдал документы.

Вниз было ехать гораздо легче. Да и уменьшающееся расстояние до окончательной цели давало второе дыхание. Вот уже и знакомые названия деревень... Иногда, будучи подростком, Лера ездила сюда с родителями, за грибами. А вот уже и город, в который судьба забросила родителей совершенно случайно, а оставила там навсегда. Лере удалось вырваться из этого маленького провинциального городка, а брат так и завис там, не имея ни желания, ни силы воли сделать какие-то рывки.

И все равно Лера прожила здесь более десяти лет своей жизни. Отрочества, юности. Закончила школу, университет,

работала... Здесь случилась ее первая любовь. Не любила она этот зеленый городок на берегу реки. Когда она заикалась москвичам о том, где жила – все, кто имел возможность посетить этот город когда-то, в один голос выражали свое искреннее восхищение. Ну да, – думала Лера. – одно дело приехать на турбазу на недельку, другое – жить здесь постоянно.

Тем не менее, здесь остались ее родители и это было все, что связывало с городом юности.

Город спал. Родители, похоже, тоже, – подумала Лера, подняв голову на четвертый этаж. Только слабый отсвет ночника подтверждал, что ее ждали. Может, вздремнули. Почти три ведь...

Легко вскочив по лестнице вверх, как будто и не было напряженного дня в пути, она нажала кнопку звонка.

Отдых проходил хорошо. Лера купалась в лучах любви – так ей казалось, по крайней мере. Они ездили по живописным местам, благо машина была под боком. В очередной раз она убедилась, что правильно сделала, выбрав для путешествия именно это средство передвижения. На всех фотографиях Леру обнимал Тельман. Или она его. Маленький Мишка стоял как бы в стороне. Родители приняли друга дочери никак.

—

Зачем ты привезла его к нам? – периодически вопрошала

мать. – Кто он?

–

Мой друг, – гордо отвечала Лера.

–

Ну и сидел бы в Москве, друг... У нас своя семья, что ему тут делать? Женатый человек..

–

Посмотри на него. Денщик! – говорила она в следующий раз. – Ты как орлица идешь впереди, а он где-то сзади... Ему только чемоданы носить. Денщик, – как припечатала она, громко рассмеявшись.

Наверное, мама была права. По-своему. Лера поймет это гораздо позже. А пока она купалась в лучах любви.

Первая неделя прошла быстро, а потом Тельман стал нервничать и торопить домой.

–

Нечего здесь делать. Поехали, – стал он постоянно талдычить одно и то же.

–

Путь долгий, мы ехали два дня в одну сторону... Давай еще побудем, когда я еще навещу родителей..

Но он был непреклонен. Поехали и все.

–

У меня дела в Москве, – вдруг сказал он.

Вернее, все это случилось после того, как он сделал всего один звонок. Куда он звонил, о чем говорил, – никто ничего

непонял. Да и не пытался. Ну попросил человек позвонить, да ради бога. Разговор был коротким, на своем тарабарском языке. Гыр-гыр да гыр-гыр. И именно после этого он стал нервным и торопливым.

Накануне выезда у Леры поднялась температура. Как ехать, ведь она за рулем? Но даже это ее не остановило – любимому ведь надо уезжать... Сделаны последние фотографии на память, сказаны слова прощания..

–

«Виват король, виват» – доносилось из гостиной.

Лера не удержалась – заглянула посмотреть на любимую певицу, но ее на экране не было. Под сильный голос Тамары Гварцители по цирковой лестнице поднимался любимец миллионов Юрий Никулин. Улыбаясь, прощально взмахивал рукой.

–

Никулин умер, – произнесла Лерина мать.

У Леры подступил комок к горлу. И не только из-за смерти артиста... Она прекрасно понимала, что не смотря на разногласия с родителями, они все равно ее любят... И никто никогда не будет ее любить так, как они. И нигде она не будет чувствовать такую искреннюю заботу и тепло, даже завуалированное, не прямое, как от своих родителей... Пока есть родители – ты чей-то ребенок.

До свидания, город юности!

Как всегда, дорога назад оказалась не такой трудной и из-

нуряющей. Даже перевал не произвел такое тягостное впечатление, как тогда, в ночи. И таможню проскочили легко, без проблем. И вот уже Москва. И улица, и дом. Все родное, свое...

Лера остановила машину под своим окном, на обычном месте. Потянулась всем телом, в предвкушение горячего душа после целого дня вождения. Подняла глаза на свой второй этаж, на балкон. А это что такое? Форточка, которую она закрыла, была настежь открыта. Этого не может быть! Она перепроверила все несколько раз.

—

Форточка открыта, — сказала она скорее сама себе, чем Тельману. И устремилась вверх. Она уже поняла, что это значит.

Подошла к двойной двери. Замок поддался не сразу. Пришлось повозиться. И не потому, что руки у нее тряслись, нет. Вторая дверь закрыта. Все в порядке. Она стремительно ворвалась в прихожую, осмотрев одновременно кухню. Все чисто, ничего не разбросано. Усилием воли пытаюсь оттянуть неприятный момент, заставила себя войти в гостиную. Все в порядке, все ящики задвинуты, техника, стекло, что там еще берут... Все по местам. Может, обойдется? — колотилось у нее сердце. Занавеска была отдернута до середины и форточка открыта. Как будто кто-то заходил с балкона и забыл задернуть занавес до конца. Лера с колотящимся сердцем зашла в маленькую комнату, где был ее тайник. Большая ко-

робка из-под телевизора выдвинута (без этого невозможно было пролезть под секцию шкафа, где лежали деньги). Она, уже заранее зная, что ничего не обнаружит там, все же встала на колени и протянула свою тонкую руку во всю длину, пытаясь обнаружить конверт. Глубже, еще... Тщетно!

Они знали кокретно, зачем шли и что искали. Зачем им вазочки-колечки, когда сразу, одним махом, ты срываешь такой куш. Квартира в Москве. Все упаковано по десять тысяч и перевязано резиночками. Только нагнись и забери.

У Леры потемнело в глазах. Промелькнули картинки: сколько она трудилась, чтобы вот так, доллар к доллару, собрать эту сумму. Уже в ближайшее время собиралась она, наконец, решить квартирный вопрос и забрать сына к себе. А что теперь?

Мозг работал быстро.

—

Надо вызвать милицию, — автоматически произнесла она. Обращаясь больше к себе, чем к присутствующим.

Еще один звонок — свекрам. Надо, чтобы ребенка забрали, не до него сейчас.

Вы спросите: « а что же Тельман?» Он оставался почти что спокойным.

Пока ехала милиция, Лера сама для себя все прояснила. Не надо быть следователем, чтобы понять: кто бы это ни сделал — он знал место и содержимое. Человек действовал по наводке. Просто так прийти с улицы и пойти, как ясновидя-

щий, на это место, невозможно. О месте знала только Лера. И тот, кто потенциально имел время покопаться в квартире в поисках его. Медленно, не торопясь, проживая там. А это был Тельман. Только он оставался в ее отсутствие здесь, не торопясь обследуя, обшаривая все углы и закутки. Зачем он это делал? Что искал? Ведь однажды, когда он попросил дать займы, она четко сказала, что деньги ее вложены в дело. Значит, не поверил... Да какое право он имел рыться, искать? И не просто искать, а в таких потаенных местах? Все внутри разрывалось у Леры. Несправедливость, предательство самого близкого человека, грязь на душе, мерзость.

Она в уме прокручивала пленку: какие-то подонки зашли в ее квартиру, прошли в спальню, отодвинули коробку из-под телевизора, на которую она складывала постельное белье, и, нагнувшись, достали три пачки по десять тысяч, перетянутые резинками. Так легко! На все про все пять минут. Или десять. Вышли и закрыли дверь ключом, предварительно изготовленным дубликатом ее ключа от квартиры. Сколько ей пришлось горбатиться, отказывать себе, ребенку, чтобы отложить эту сумму – ведь не добрый дядя ей в клювике приносит денежку. Сколько неизведанных дорог можно было бы пройти и милых сердцу вещей приобрести, если бы она тратила деньги, а не отктыдывала для того, чтобы быть ближе к своей цели....

Милиция приехала быстро. Два молодых человека прошли в квартиру, нехорошо покосились на Тельмана, сняли

показания, осмотрели злополучную форточку и попросили Леру выйти с ними на кухню.

—

Кем Вам приходится этот товарищ? — сразу же задали они вопрос женщине.

Лера ответила.

—

К бабке не ходи, это он сделал, — сказал следователь.

—

Он был со мной. Мы путешествовали, — сказала Лера.

—

Ишь какой, еще и алиби продумал для себя. Девушка, — продолжил он, — их тут столько... Он совершенно не обязан присутствовать при ограблении. Денег этих хватит на несколько человек. Он навел, сделал дубликат ключа и ука-тил с Вами отдыхать. Типа он здесь ни при чем. Здесь же белыми нитками шито. Через форточку никто не лез — там

пыль уже месячной давности. Это было сделано для прикрытия. Дверь, как Вы сказали, сразу не открылась — это говорит о том, что ее пытались открыть не родным ключом. Странно одно: обычно создается

хотя бы видимость того, что что-то искали. Ну, разбрасывают крупы, ящики выдвигают. Похоже, они наоборот хотели товарища Вашего подставить. Это странно... Или их кто-то спугнул.

—

Что же теперь делать? – задала Лера риторический вопрос. Она была умной женщиной и понимала, что искать их – как иголку в сене. Но надежда ведь умирает последней.

–

Отдайте нам Вашего дружка, мы его подвесим вниз головой, как Буратино, и наутро он нам всех выдаст. Вытрясем из него золотые, – улыбнулся один из мужчин.

–

Нет, как же я могу, я ведь живу с ним..., – пробормотала Лера.

–

Какие же женщины наивные..., – произнес милиционер. – вы знаете, сколько у нас таких вот случаев. Недавно расследовали. Женщина прожила с «черным» восемь лет. Любовь-морковь и все такое. Поехала отдохнуть. Приезжает-голые стены. Это же звери, у них ничего святого нет. Зря Вы его жалуете, отдайте его нам на одну ночь и, быть может, получите назад свои деньги. Хотя, может и не все.

–

Нет, я так не могу, – твердила Лера. – Попытаюсь сама с ним поговорить.

–

Ну-ну, смотрите, а то слиняет и тогда точно мы не поедем его в Дагестан искать. В любом случае мы его вызовем к нам. Дать показания.

–

История типичная, – говорил другой мужчина-следователь с кем-то по телефону. Да, да... Тридцать кусков. Да нет, все похоже на правду. По обстановке можно сказать, что такие деньги были. Хорошо, – сказал он и повесил трубку.

Они ушли, а Лере предстоял разговор с Тельманом и она не знала, как начать и с чего начать.

–

А теперь давай начистоту. – она говорила спокойно, хотя внутри все кипело.-

Тут все шито белыми нитками и всем понятно, кто приложил к этому руку.

–

О чем ты говоришь, Лера? – спросил он и желваки заиграли на его щеках.

–

О чем я говорю? Тебе разжевать? Дверь была открыта ключом от квартиры, дубликатом. Откуда у них ключ? Я дала, быть может? Ключа, кроме как у тебя, больше ни у кого не было. Значит, либо ключ дал им ты сам, либо они сделали это без твоего ведома. Место не искали, а сразу пошли на указанное им. Тобой.

–

О чем ты говоришь, ты понимаешь хоть...?– прервал он Леру.

–

О чем я говорю? Разве я не права? Зайти в квартиру и пой-

ти в самое укромное место, о котором ты, вероятно, успел узнать во время моей поездки в Голландию.

—

Да ты не знаешь этих людей, которые грабят квартиры — у них нюх на эти дела. Они чувствуют такие места. Никогда не станут искать по ящикам и шкафам.

—

Слушай, что ты мне заливаешь? И вообще, представить только, ты живешь в моей квартире, я тебе целиком и полностью доверяю, дала ключ, оставляю в свое отсутствие, а ты роешься по ящикам, пытаешься найти что-то.

—

Родная, я правда ничего не знал. Клянусь детьми! Ты же мне сама говорила, что денег свободных нет. А тут !!! Да если бы я знал, сам бы уговорил оставить их у Сергея в сейфе хотя бы.

—

А если бы знал? Как ключи попали к ним? Я не верю тебе. И от этого мне очень горько. Ты обманываешь меня. Я не знаю, по пьяни ты проболтался своим друзьям (хорошие же у тебя друзья!) и они решили подставить тебя таким путем. В любом случае — нагадил, расхлебывай! Думай, вспоминай, просчитывай. Деньги должны вернуться назад!

—

Мои друзья этого бы не сделали. Я не имею никакого отношения ко всей этой истории.

–

Хорошо, утро вечера мудренее. Я иду спать, – ответила Лера и отправилась стелить постель.

На следующее утро в офисе все уже знали о произошедшем. Сочувствующие взгляды девочек не говорили об их искренности. Лера знала, что многие здесь ей завидуют. Чуть старше остальных, а при квартире-машине- молодом мужике (хоть и женатом) и ребенок уже достаточно взрослый. И не москвичка. И такие бабки зарабатывает, поделом ей!

–

Хорошо, хоть в твоей квартире не осталась, – обмолвилась Света, – а то бы прирезали к черту.

Состоялся разговор с Сергеем. Вернее, распрос его о том, как да что. И сетование, что не отдала деньги на хранение.

–

На твоём месте, наверное, я бы сдал его милиции. – сказал он в конце. – Мне давно уже не нравятся его связи. Подозрительные субъекты... Я его видел накануне вашего отъезда с такими личностями!

–

Накануне отъезда? – переспросила Лера, не веря своим ушам. – Где, во сколько?

И Сергей поведал ей о том, что видел Тельмана именно тогда, когда он «якобы» – по его словам – отсиживался в обезьяннике. Оказывается, в это самое время, когда Лера ждала его и ломала голову, где он может быть, он встретился с

темными личностями в районе центра Москвы.

—

Это точно? – переспросила Лера.

—

Абсолютно! – подтвердил Сергей. – Давай так. Ему сюда многие звонят. Если обсуждались какие-то детали, это делалось только по рабочему телефону, здесь.

—

Сто процентов, – подтвердила Лера. – Домой ему никто не звонит.

—

Я запрошу выписку с телефонной станции за последние пару месяцев

. Думаю, для

милиции это не будет лишним. Это недорого, – тут же оговорился он.

—

Я заплачу, в чем вопрос, – откликнулась Лера.

—

То, что сделано с его подачи – ясно как божий день... – задумчиво произнес Сергей, уткнувшись в компьютер. – Вопрос в следующем: почему они не создали видимость грабежа, ведь могли оставить дверь открытой, разбросать вещи по квартире. Им ведь все равно, что после них. И это было бы гораздо хуже для тебя: пришли бы другие и вынесли все, пока ты отдыхала. А вынести у тебя есть что. Они же сделали

все так чистенько, чтобы подставить этого идиота. Выставить его перед милицией. И он этого явно не ожидал.

—

Что мне делать сейчас? — в который раз за последние сутки поинтересовалась Лера.

—

Он должен что-то делать, а не ты. Скажи ему, что сдашь, если не вспомнит: что, где и когда. Точка. И вспоминать надо быстро.

А что же Тельман? Он ходил серее тучи... Много курил и молчал.

—

Лера, он не мог этого сделать, — подошел к ней лучший его друг.

—

Он и не сделал, он был со мной. — ответила она. — Он только все подготовил.

—

Думаю, его просто очень здорово подставили...

Прошел день. Один из самых тяжелых дней для Леры за последние много лет. Хотя, казалось бы, все живы-здоровы, ну что такое деньги? Дело наживное... В данном случае рушилась мечта не о покупке дорогостоящего авто или еще чего-то, без чего легко можно было бы обойтись, а рушились все планы, связанные с самым дорогим человеком в ее жизни, маленьким ангелочком по имени Миша. Она не знала,

сколько ей понадобится времени для того, что заработать ту немалую сумму, которую у нее взяли. Да, взяли, – какое точное определение. Пришли и просто взяли. Открыли дверь ее ключом, прошли к обозначенному кем-то заранее месту и взяли то, что Лера заготовила. Не для них.

И, вообще, будет ли возможность заработать эту сумму. В России все возможно: сегодня есть работа, а завтра ее может уже и не стать. И все. Останется Лера в спальном районе на востоке Москвы, в своей хрущевке. А ребенок будет учиться в престижной школе на западе. И жить с чужими для нее людьми, которые ее, Леру, тихо ненавидят и всячески пытаются перетянуть ребенка на свою сторону и настроить против матери. Как долго она планировала совершить этот шаг и как, в какое-то мгновение, все разрушилось по вине сволочей, подсланных человеком, которого она впустила к себе в душу, в сердце. И открыла для него не только дверь своего дома, но и самую потайную дверь души под названием «любовь». Что творилось у нее внутри – знала только она сама. И этот человек лежит сейчас рядом и пытается ее успокаивать?

С другой стороны, она задавала себе вопрос: неужели я люблю его до сих пор? И не хотела слышать утвердительный ответ, который подсказывало ей сердце.

–

Завтра утром ты должен быть в милиции, – напомнила Лера, когда они уже собирались спать. – Ты вспомнил что-то? Тебе лучше напрячь память. Сергей уже заказал телефон-

ные распечатки за последние несколько месяцев и они будут переданы следователю. В любом случае, правда раскроется. Поэтому у меня варианта дв

а: либо ты вспоминаешь все сам -

с кем пил, кому рассказывал, где оставлял ключи... Или я открываю дело и даю возможность милиции допрашивать тебя уже совсем в другой ипостаси.

—

Родная, я думаю постоянно.

—

Думай лучше, — сказала она, отворачиваясь от него.

В этот момент раздался телефонный звонок. Кто бы это, так поздно? — подумала Лера, беря трубку.

—

Лерусь, не спишь? — поинтересовался вкрадчивый мяукающий женский голосок. Лера сразу узнала жену Сергея. Они часто встречались в офисе, бассейне и та иногда, под настроение, звонила ей — посплетничать... — Извини, что поздно, Серега только что рассказал мне. Держись там, слышишь! Все случается в этой жизни... А этого подонка сдай ментам и даже не думай! Какая порядочность может быть с твоей стороны?

Какая гнида! Давно надо было гнать его в три шеи! — Лера зажимала трубку рукой, чтобы гневная тирада не была слышна рядом лежащему Тельману.

—

И если ты это не сделаешь сейчас, — продолжала говорящая, — не сейчас, а когда расколется... Будешь дурой! Да у него баба там дома и двое детей. Кого он будет жалеть? Тебя или их? Ему жильё надо купить для них — какие могут быть церемонии? А у тебя сын!

И тут, за все время с момента кражи, Леру прорвало. Ей стало так жалко себя, Мишку с грустными голубыми глазками, которого она привозит по пятницам и увозит по воскресеньям. И сколько так может продолжаться? Даже во время поездки она больше отдавала внимания этому человеку, чем своему родному единственному сыночку.

Да что же это за любовь такая, страсть или неведомо что... Что управляет ею вот уже больше года? И никак не покинет ее душу. И ничто не может вырвать с корнем (как она вырвала их ребенка из себя), выскрести это чувство из глубины души. Ничто и никто. Она принимает его вранье, хитрость, изворотливость. Предательство. И пытается его оправдать. Как любящая мать оправдывает свое нерадивое чадо. Ради чего? Она не знала и не понимала, но чувствовала, что погибнет, если не будет видеть этих глаз... Постоянно, рядом с собой.

И она разрыдалась. Громко, навзрыд, всхлипывая... Что ей было несвойственно. Впервые за долгое-долгое время.

—

Возьми себя в руки, — промурлыкала в трубку жена Сер-

гея.

—

Ты не понимаешь, Катя. Это так подло! Я одинокая женщина, никого у меня нет во всей громадной Москве, кроме моего мальчика. Никому я на фиг не нужна, кроме него..

—

Ну это ты слишком, – попыталась перебить-успокоить Катя.

—

Это так, – продолжала рыдать в трубку сильная женщина. – НИ-КО-МУ на белом свете. Всего приходится добиваться самой всю жизнь. Это так нелегко-о-о, – завывая продолжала Лера. – То эти идиоты семь лет жизни испортили, только отделилась, стала зарабатывать. По копейке откладывать, на всем экономя... Ты ведь знаешь, как нелегко достаются деньги, Катя... И обидно знаешь что? Что какая-то скотина своей грязной черной рукой сняла постельные принадлежности с ящика, отодвинула его и достала все. Одним махом! А сколько я пахала!!!

—

Так, хватит сырость разводить, слышишь, прекрати! Это хорошо, что ты выплакалась, – сказала Катя. – Нечего в себе носить. Спи! Все решится как-то. А скотину сдай ментам! Окстись уже. Я понимаю, молодой-симпатичный... Поигралась и хватит! Выбрось его из головы!

—

Легко сказать, Катя! Если бы я могла... Спокойной ночи, спасибо за звонок! – и отключилась.

–

Что она говорила? – тут же поинтересовался Тельман.

–

Спи. Завтра к девяти быть в милиции.

Наутро были в отделении. Сначала вызвали его. Лера осталась в коридоре. Затем, уже знакомый Лере следователь, выпуская Тельмана из двери, пригласил в кабинет ее.

–

Что надумали? Отдаете его нам?

Она покачала головой.

–

Сама справлюсь.

–

Ну, как знаете. Если что – мой телефон у Вас есть. Время уходит...

–

Спасибо за все, – ответила Лера, ставя подпись на бумагах и выходя из кабинета.

Тельман ходил чернее тучи и, кто знает, – быть может в нем пропадал дар великого актера, – даже отказывался от еды. Буквально на следующий день у него вдруг стала прорезаться память.

–

Лера, мне надо уехать домой, – сказал он вечером. – Я

знаю, кто это сделал. Я все проанализировал, позвонил кому надо, проверил. Все сходится!

И неохотно, под воздействием вопросов, стал рассказывать: ночевал как-то у друзей, там были новые лица – он впервые их видел. Выпили, как водится. Разговаривали.

–

Барсетку я оставил в прихожей... Тогда, вероятно, оттиск ключа и сделали – это минутное дело.

–

Как они узнали о месте? – этот вопрос ее тревожил больше всего. У нее не укладывалось в голове, что ее гордый Тельман ходил и, как ищейка, вынюхивал все углы.

–

Я не знаю...

– процедил он сквозь зубы.

–

Что ты вообще мог сказать, после чего у них возникла необходимость сделать слепки с ключей?

–

Да что говорить, все мои друзья ведь знают, как ты стоишь...

–

Что теперь?

–

Я созвонился с ребятами в Махачкале. Подозреваю двоих... Сказали, что да, видели их. При деньгах. Ты же знаешь,

когда у наших есть бабки, они не жадничают.

Да уж, Лера успела узнать... Эти скоты забрали честно заработанное и сейчас поят всю Махачкалу за ее кровные. Ей стало нехорошо. Ведь денег никогда не бывает много, тем более у этих зверей. Особенно не ими заработанных, шальных, которые и уходят так же быстро, как и пришли...

—

Я завтра вылетаю. Пока они все не просрали... — коротко сказал Тельман. — Хоть что-то может удастся вернуть...

На следующий день Лера отвезла его в аэропорт. Он позвонил через пару дней. Встревоженным голосом сообщил, что оказался прав.

—

И что? — поинтересовалась Лера.

—

Лучше не спрашивай, — ответил он. — Приеду, все расскажу. Их было несколько, гастролеры. Это те, которые объединяются только для дела, наворованное делят и разбегаются. Они даже не знают адрес друг друга, а им и не надо. Больше они никогда могут не пересечься в жизни. Один был из Украины, его след простыл. Двое местных.. Ты даже не представляешь, — возбужденно продолжал он, — какую войну я здесь устроил. Ой, лучше бы тебе и не знать. Одного уже закопали...

—

Что?

–

Остальное при встрече, родная. Я скучаю! – сказал он и отключился.

Лера не знала, верить ему или нет. Мысленно она уже попрощалась с зелеными бумажками – сама во всем виновата. Надо продолжать жить и зарабатывать, а небеса помогут.

Какой-то червячок на сей раз шелохнулся внутри: «Ведь это знак! Расстаться. Выкинуть этого человека из своей жизни. Слишком дорога цена подсказки, однако... Но если для тебя аборт и возможность подцепить венерическое заболевание было слишком малой ценой, что же – получай! Что будет следующим?»

–

Леди Диана умерла, – сообщил Тельман в следующем телефонном разговоре. -

Моя любовь.

Он очень часто говорил о ней, как о самой достойной женщине в мире. Женщине, которую он боготворит...

–

Да, жалко, – отозвалась Лера. – Молодая совсем. Как наши дела?

–

Лучше, чем я ожидал, – воодушевленным голосом произнес он. – Часть денег вернется.

–

Да что ты? – обрадовалась Лера. – И какая же?

–

Я тебе пока ничего говорить не буду. Побуду дома и приеду в начале сентября.

Тельман приехал после Дня города, празднуемого в первые выходные сентября. Она опять встречала его в Домодедово... Улыбающееся лицо его здорово отличалось от того, которое принадлежало этому же человеку пару недель назад. При отъезде. Обнял, поцеловал:

–

Вот, сказал найду и нашел, – гордо вручил он Лере пухлый конверт, садясь в машину.

По прикидам, здесь было что-то около десяти тысяч... Чуть меньше. Лера работала с наличкой постоянно и хорошо была знакома с пачкой в десять тысяч долларов. На вес.

–

Сколько здесь? – не то, чтобы Лера расстроилась: лучше что-то, чем ничего, но она рассчитывала на большее. Ну, одного мерзавца упустил, двое местных. Не могли ведь они за считанные дни потратить около десятки. Хотя...

–

Восемь с копейками, – сказал он так гордо, как будто выиграл звание чемпиона, а не привез часть куша, украденного по его же вине.

–

Ты плохо представляешь, наверное, чего мне стоили эти восемь тысяч..., – добавил он, не видя радости в Лериный

глазах. – Я расскажу тебе дома.

Она слушала его рассказ, а сама думала совсем о другом. Да какая сейчас уже разница, кто кого замочил, сделал инвалидом... И вообще, что из всего этого правда, а что ложь. Лера была человеком настоящего и будущего, но не прошлого – отнюдь. Оно уже прошло, не воротишь назад. И еще она была женщиной реальности, не витала в облаках. Жизнь научила.

Что можно проверить? Ничего! Быть может Тельман, рассказывая сейчас всю эту сказку с горящими глазами, все очень хорошо продумал. Больше двадцатки где-то ходит сейчас... А где вероятность, что не в его кармане? Часть, не все конечно. Трое в деле, включая его. Брали двое, хотели по десять, осталось по семь штук на нос. Этого более чем достаточно для того, чтобы приобрести приличную квартиру в Дагестане. Ничего не проверить, ничего не доказать. Может, так и договорился со своими: бросим ей кость, пусть заткнется и забудет. А нам и этого достаточно. А что сделала бы милиция? Вероятно, и это не вернулось бы...

Ее тревожило совсем другое сейчас. Она смотрела на мужчину, с кем делила дом, постель, душу, сердце, всю себя и думала. « Да что это за проклятье такое – ЛЮБОВЬ. Или как иначе можно определить то чувство, которое я испытываю к нему, к этому человеку? Ведь прекрасно понимаю, что будущего у нас нет и быть не может, у него жена, двое детей. Еще один внебрачный мальчик воспитывается молодой жен-

щиной». Лера знала ее, она встречалась с Тельманом раньше, совсем еще девчонка, родила, чтобы он остался с ней, и всю жизнь себе искалечила. Еще одна жертва любви...

«У него даже нет средств к существованию» – вот об этом она думала меньше всего. «Ведь столько страданий за последнее время и хоть бы хны... Сидит где-то занозой эта так называемая любовь и никак ее не вытащить. А хочешь ли ты вытащить ее? Ответ отрицательный. Что же тогда? Секс? Но его можно заменить на другого партнера – да хотя бы Игорю свистни, сразу прибежит. Нет, не секс... Правильно говорят: самый лучший секс – с любимым человеком. И даже не важно, кто он и что в постели. Ты сама настолько жаждешь его, готовая отдать всю свою энергию, всю себя, что даже не замечаешь и не помнишь: хорош он или нет. Ты сама сделаешь все. Сам факт того, что он владеет тобой – уже счастье, в котором ты купаешься, окутываешься которым. А больше ничего не нужно».

И это было абсолютной правдой.

И еще он был для нее своего рода наркотиком. Она, такая сильная, независимая, справедливая, просто наступила на глотку всем своим положительным качествам, не давая им даже пикнуть. Она просто не могла представить, что Тельман не придет домой, не позвонит в дверь, они не сядут вместе ужинать, он не будет обнимать ее... И это его «родная», сказанное бархатным голосом, от которого она сходила с ума. И не сможет потрогать его жесткие волосы, увидеть свое от-

ражение в этих страстных, полных огня, глазах.. Нет, нет и нет! У нее просто нет сил расстаться с ним. Она поставила точку. Пусть это будет просто грабежом, а он, как принц из сказки, поехал и расправился со злодеями.

И она продолжала жить в сказке. Своей сказке, придуманной собой для себя же. Сказке о принце, которого она ждала так долго... И всем естественном желала одного: чтобы конец оказался счастливым.

Глава 4

Жизнь продолжалась. С ним. Мишка пошел в школу и опять потекли счастливые пятницы и грустные воскресенья. Несмотря на всю свою любовь к этому человеку, Лера понимала: он разрушил ее планы, мечты. Сердце разрывалось на части. С одной стороны весов был ребенок, которого необходимо во что бы то ни стало вырвать из ненавистного семейства. На второй – ее слепая любовь к этому человеку. Быть может, она уже не была так слепа. Несколько «целительных» капель сделали свое дело...

Вероятней всего, Лера просто боялась признаться самой себе в том, что конец близок, но сделать первый шаг было не в ее силах. Уж слишком долгим было одиночество. Не стерлись из памяти ее мытарства в поисках мужчины и необузданное желание иметь постоянного. Любимого мужчину. Хоть и не совсем своего, а взятого в рент, на время. И тут, за просто так, отказаться от личного счастья? Пусть

уже и не полного, с червоточинкой. Но у кого же оно бывает полным?

И она начинала вспоминать своих знакомых и приятельниц: Катька вот, молодая, совсем одна. Ни души рядом. А ведь в самом соку – когда, если не сейчас? Света мучается со своим молдаванином – бегают аборт делать и преданно в рот ему заглядывает. Девчонки на работе – кто разведен, кто вообще забыл, что мужчины существуют как пол. Это в таком огромном городе, в Москве! И девки-то молодые, ни разу замуж не сходявшие. Что творится, куда мы катимся?

Будь как будет, – в очередной раз решила Лера.

Неожиданно потекли деньги. Большие. Лера поняла, что, быть может, не все потеряно. Еще пара месяцев таких барышей и можно будет купить приличную квартиру. И ведь правильно говорят: Бог дает только после того, как испытает на прочность.

Лера видела, что с Тельманом что-то происходит. И, как в подтверждение ее наблюдений, он все чаще стал поговаривать о длительном отъезде домой.

–

Нечего здесь делать, – начинал он. – Денег заработать нельзя... От ментов покоя нет – останавливают постоянно, как преступника. Надоело! Что мне здесь делать?

–

А я? – спрашивала Лера.

–

Вот только ты и держишь, наверн

ое... Но я ведь не навсегда. Приеду назад – быть может с другими мыслями, планами. Мне и пере
д тобой стыдно, что букет не на что купить.

Стычки с милицией были постоянны. Несколько раз их останавливали и забирали Тельмана прямо из машины. Как они вынюхивали, выслеживали, – остается непонятным. Но сценарий развивался каждый раз один и тот же. Из рядом движущейся машины высовывалась рука с милицейским жезлом и резким взмахом приказывала остановиться. Открывалась дверь со стороны Тельмана и его приглашали показать документы.

–

Проедемте с нами для выяснения личности, – следовал приказ.

Когда это случилось впервые, Лера последовала за милицейской машиной, пошла в участок и стала просить отпустить любимого. Улыбалась, шутила, призывала – безрезультатно. «Держиморда» не дрогнула.

–

Выясним – отпустим, – был ответ.

Потом Лера уже и не утруждала себя – сам доберется, не маленький.

–

Мне нужна регистрация, – как-то заявил Тельман. Именно так, в ультимативной форме. Не терпящей возражений. Не вопрос, просьба, а именно: «мне нужна». Лера проглотила то, что сказала бы в данной ситуации любому другому человеку, но не ему. Пошла и сделала.

И вот теперь он собирается уезжать. Надолго. А может еще передумает? У него уже были поползновения уехать, но он до сих пор здесь.

Лера чувствовала, что любовь ее уже совсем не та, что была в самом начале. Сейчас это просто эгоизм. Ей было наплевать, как у него дела, какие у него планы, что он чувствует. Он ей нужен был как новая квартира, как машина, как игрушка. Которая ей очень нравится, наличие которой тешит ее самолюбие. Не более того... Для комплекта.

Она себя чувствовала крутой, престижной: начальница на работе, лихач за рулем, бандит рядом – и не просто бандит, а любимый. И в любовниках тоже бандит – другого ранга. И эти страшные люди, которые убивают, избивают кого-то – любят ее. Нежно и искренне. Так, как только могут любить бандиты... У них нет середины, они все делают по максимуму – как в последний раз. Так и живут. И учитывая сильный и властный характер молодой женщины, не смотря на ее тонкую ранимую душу, ей такие мужчины и были нужны.

Она и сама стала другой за эти пятнадцать месяцев с ним. На работе с клиентами за словом в карман не лезла. Причем, ни один из «богатеньких Буратино» никогда не пожаловался

на ее острый язычок Сергею – она знала, с кем и как. Всегда по справедливости. Девочки, как-то услышав ее обращение к одному из нефтянников из Сургута только глазами заморгали. Водила машину она так, как будто ехала на Мазератти, а не на старом Опеле. Мужчины из соседних авто только в восхищении большие пальцы показывали. А ей это только и надо было: адреналин! Она себя чувствовала хозяйкой жизни.

После моральных унижений и абсолютного безденежья, являющихся верными спутниками ее жизни в Москве в течение первых пяти лет, она отыгрывалась сейчас. Ее окружение являлось маленьким мирком, о котором она даже мечтать не могла, приехав в столицу восемь лет назад. И Тельман являлся неотъемлемой частью его. Убери карту – рассыплется домик.

–

Леруся, положи к себе в сейф эту папку, – прервал ее мысли Тельман.

–

А что там? – поинтересовалась Лера.

–

Да так, бумаги кое-какие. Надо спрятать. Ненадолго.

Она открыла сейф, находящийся в ее кабинете, положила туда папку зеленого цвета. И забыла о ее существовании.

Через пару дней Тельман не пришел домой ночевать, предварительно позвонив. На следующий после этого день

ее вызвал Сергей.

—

Лера, Тельман просил тебя спрятать что-то? — поинтересовался он. Лицо его не предвещало ничего хорошего.

—

Да, — ни о чем не подозревая ответила она.

—

И где это?

—

У меня в сейфе, — просто ответила Лера.

Сергей изменился в лице, из бледного оно вдруг стало пунцовым.

—

Ты хоть знаешь, ЧТО положила туда? — заорал он. — Этот мерзавец всех нас под монастырь подведет. Какая скотина! Это уже уголовщина.

—

А что, собственно говоря, случилось? — Лера уже сама поняла, что случилось что-то чрезвычайно из ряда вон неприятное.

—

А случилось то, что ко мне сегодня приходили из милиции и спрашивали документы, которые Тельман забрал у одного человека. Он его приковал наручниками к трубе и требовал выкуп за бумаги. К счастью, он не рукоприкладствовал... К счастью для него и для нас. История умалчи-

вает о том, как удалось бедолаге вырваться. Тельман сейчас в участке. Сказал, что бумаги в офисе. Ты понимаешь, что мы с тобой являемся сообщниками преступления, сами того не ведая. Можно говорить все, что угодно... Факты налицо. Документы находятся в сейфе, в моем офисе. Ты хоть смотрела, что ты положила в свой сейф?

—

Нет, — опустила глаза.

—

Значит так, — лицо Сергея стало приобретать нормальный цвет. — Я слишком дорожу тобой и уважаю тебя. Если ты сама еще не поняла, куда тебя ведет наш общий друг, то я тебе скажу: в пропасть. Он сам катится туда и тебя тащит. Я понимаю: любовь-морковь... Лера, тебе надо о себе думать и о своем сыне. Это уже не тот Тельман, которого я знал раньше. Совсем другой человек. Он постоянно приходит просить денег и я ему давал в память о прошлом. Но сколько я ему могу давать? Я не дойная корова. Он обижается... Он перестал быть человеком... Если для того, что

бы заработать приковывает

человека наручниками к батарее. Я тебе настоятельно рекомендую начинать привыкать жить без него. Все равно он рано или поздно уйдет — это не может продолжаться вечно.

—

А что сейчас с ним?

—

С ним все в порядке. В ментовке. Подержат его для острастки до завтра. К счастью, у моего друга в этом отделении нашлись знакомые – дело открывать не будут. И наш офис не тронут. Завтра утром отдадим папку и его выпустят.

Папка была отдана, Тельман выпущен...

Лера боролась с ощущениями, поселившимися у нее внутри в последние несколько недель. Она чувствовала, что все скоро закончится – не может так продолжаться вечно. Герой ее романа изменился – он постоянно пребывал в состоянии легкой меланхолии, задумчивости... Из уверенного в себе мужчины он превратился в какого-то мальчишку, нервно озирающегося по сторонам.

Она же продолжала любить его. Так ей казалось... Или это были отголоски той страстной любви, что накрыла ее каких-то пятисот дней назад. Она всеми силами пыталась не спасти, так удержать претерпевшее изменение чувство к своему объекту. Как поддерживают на искусственном питании тело, находящееся в коме: вернется ли к жизни? Она очень надеялась на то, что у Тельмана закончатся неприятности и все встанет на круги своя. И опять будет как в самом начале. Надеялась как ребенок, верящий в чудо. Или как эгоист, который не видит ничего вокруг себя и не желает вникать в действительность. Удержать любыми силами возле себя... И точка.

На дворе стоял промозглый серый ноябрь, надевший серый колпак, не пропускающий солнечный свет, на Москву.

Пожалуй, один из самых депрессивных месяцев года – листья уже опали, снег еще не выпал. И события были под стать...

Лера занялась поиском квартиры – она набрала нужную сумму для того, чтобы осуществить желаемое. Вздыхая, она вспоминала свои мечты о коттедже в ближайшем Подмоскowie – его было бы вполне реально приобрести, если бы не кража. Но, как говорится, Бог дал – Бог взял. Спасибо и за то, что заработки позволят купить к Новому году что-то более приличное в другом районе Москвы, где можно будет уже окончательно осесть. Каждый день, возвращаясь по запруженному машинами Шоссе Энтузиастов домой, она уговаривала себя, что скоро кончатся ее мучения.

Судьбоносная газета «Из рук в руки» в который раз сыграла свою немаловажную роль в судьбе молодой женщины. Лера всегда быстро принимала решения в данных вопросах: полагалась на свое чутье и интуицию. И еще: она хорошо «чувствовала» место. Можно пересмотреть двести вариантов – что изменится и где гарантия, что ты не вернешься к первому? Все, по большому счету, одинаковые... Как говорилось в любимом ею фильме «По семейным обстоятельствам»: коробка она и есть коробка. Посмотрев в панельном доме одну из таких «коробок» – с низкими потолками, маленькими комнатками и узеньким коридорчиком – она отвергла для себя вариант таковых.

Сегодня, впервые за долгое время, лениво, нехотя осве-

тив непродолжительный день москвичей, вылезло ноябрьское солнце. И сразу как-то стало радостней, теплей, появилась энергия. В этот день Лера ехала на юго-запад, смотреть квартиру. Это не была «коробка». Сталинская кирпичная пятиэтажка, высокие потолки, большие комнаты, много окон, света – то, что она всегда приветствовала.

Припарковавшись в зеленом дворике, она поднималась по лестнице на четвертый этаж. Стены в подъезде были обшарпанные и исписанные – удел большинства домов того времени, когда домофоны имели место быть только в элитных зданиях. В этом доме находились только коммунальные квартиры, на каждом этаже по две. Большие, ведь в каждой из них надо разместить несколько семей.

Дверь открыли. Понятно естественное желание каждой семьи побыстрее отделаться от соседей-мучителей и встретить Новый год в своей квартире – принять ванну, не оттирая ее после кого-то, и приготовить праздничный обед, не толкаясь на одной кухне. Посему каждый потенциальный новый «избавитель от коммунальных мучений» воспринимался как волшебник.

Лера вошла в прихожую. Сразу же бросилась в глаза убогость помещения: до этого хоть и была «коробка», но такая ухоженная коробочка, а здесь...

По всей видимости, ремонт здесь не делался никогда. Проводка была наружная, как при Царе Горохе – провода черными змеями были протянуты от потолков к комнатам.

Неприглядными соплями висели они везде на фоне стен, побеленных в год постройки дома – задолго до рождения Леры. Под потолком тоскливо горела «лампочка Ильича» – без плафона, ватт этак двадцать: чтобы не совсем «вырви глаз», но и не нагорала ничего – ведь платить за общее хозяйство надо пополам. Надо ли говорить об остальном интерьере...

Две комнаты занимала пара раннего пенсионного возраста, одну – молодая семья с маленьким ребенком. Лера осмотрела помещения, внимательно заглянула в ванную и на кухню, над допотопной раковиной в которой горела газовая колонка... Выглянула из окна кухни в зеленый двор. И решила: беру!

Она прекрасно понимала: здесь надо хорошо вложиться. Но, имея хорошее воображение и, как она надеялась, неплохой доход в будущем, из этой основы получится очень даже неплохой вариант. Ее не пугали ни сопли, висящие по стенам, ни линолеум, кусками завивающийся то тут, то там; ни то, что здесь надо менять все: от А до Я. Ее вообще не пугали трудности. Крыша над головой есть, район ее устраивает, а остальное потихоньку, какнибудь, с божьей помощью..

Зато Мишку можно будет перевезти к себе.

Ну, а провода уберуются в стены, часть из которых будет снесена, часть поменяна; положен новый пол, поменяны двери, заменена сантехника, потолки и все, что только можно заменить. Постепенно. Зато в дальнейшем, через каких-то пол-года ремонта она будет жить не в коробке, где не развер-

нуться, а в просторных апартаментах, с высокими потолками. И так явно и живо ее воображение угодливо нарисовало картинку отремонтированной квартиры, что Лера уже через день связалась с жителями коммуналки и сказала:

—

Будем подписывать договор.

По которому свою двушку она отдавала паре пенсионного возраста, а молодой семье должна была купить квартиру, по цене равной их одной комнате в коммуналке. Схема сия называлась: расселение коммуналки. И в те годы пользовалась популярностью среди москвичей.

На работе она никому ничего не говорила – стала умнее и перестала быть той наивной Лерой – понимала: все станут искренними и пытаются помочь, когда человеку плохо. О, тут советчиков и сочувствующих хоть отбавляй – русский человек так устроен. Но когда у тебя все удастся! А тут – всего через несколько месяцев после кражи... Нет, нет и нет!

Нашла агентство недвижимости, неплохо зарекомендовавшее себя, и назначила день подписания договора. Остальным всем – в том числе и подбором квартиры для молодой семьи – занималось агентство. За определенный процент, разумеется.

Накануне подписания договора она пришла домой позже обычного; Тельман был как-то необычайно (для последнего времени), воодушевлен: глаза блестят, смотрят на Леру с обожанием...

–

Родная, нас пригласили в гости.. Мой друг со своей девушкой. Пойдем?

–

Да я как-то не особо настроена, мне завтра договор подписывать с утра – не опоздать бы...

–

Мы ненадолго, шампанского попьем и домой поедем. У них событие какое-то. Да и недалеко это...

–

Ну хорошо, – нехотя согласилась Лера. Ей не хотелось разрушать его солнечное настроение. Разве только шампанского...

Они вошли в только что отремонтированную квартиру – все здесь было по последней моде: стены белыми, кафель-сантехника-кухня как из журнала «Интерьер и дизайн». Все жильё говорило о том, что его любят и вкладывают средства. Хоть и «коробка» – заметила Лера. Расположились на маленькой кухне. Новомодные, встроенные в кабинеты кухни лампочки, мягко освещали все пространство кухни, создавая приятную атмосферу и уют. «Надо взять на вооружение», – заметила Лера.

Было шампанское, веселая хозяйка квартиры, ее сожитель, дагестанский симпатичный парень, которого Лера видела впервые... «Как же им везет, этим ребятам, – в который раз подумала она. – ведь наверняка такая ситуация, как у ме-

ня, а девка-то какая красивая. Зачем он ей?» Но не хватает москвичей для всех женщин в столице... Ой, не хватает. Девушка попадала под категорию «как будто сто лет знакомы»: видишь человека впервые, а тебе с ним очень комфортно и как-то сразу говоришь на одном языке. Так они и «сцепились языками». Тельман же беседовал со своим земляком. Периодически выходя на лестничную площадку покурить. Засиделись, шампанское было выпито и тут Тельман разошелся: из обычно сдержанного и молчаливого он стал совершенно другим человеком. Что-то шумно говорил, потом стал кричать и, в конечном итоге схватив нож, стал им размахивать. Глаза стали жесткими и страшными, налитыми кровью.

—

Лера, нам надо поговорить, выйдем, — сказал он голосом, не предвещающим ничего хорошего.

—

Я боюсь, — сказала Лера присутствующим, — что он затеял, я никогда таким его не видела!

—

Тельман, отдай нож! — спокойно сказал его приятель.

—

Я хочу с ней поговорить, это никого не касается, уйдите все, — кричал он.

—

Ничего, что мы у себя дома? — пыталась сгладить неприятную ситуацию хозяйка квартиры.

–

Что он пил? – спросила Лера у парня. – Или вы курили что-то? Я впервые его таким вижу.

–

Ничего особенного, он пришел уже каким-то странно-возбужденным...

Лера улучила момент: быстро вскочила, забежала в туалет и закрылась изнутри. Пусть разбираются без нее... Еще поножовчины не хватало. Туалет тоже был стерильно белым. Да, хозяева любят белый цвет, – не успела подумать она, как в дверь стали колотить кулаками:

–

Выходи, я все равно тебя оттуда вытащу! Выходи, давай поговорим!

–

О чем нам с тобой говорить? Поговорим дома... Отдай ребятам нож – выйду!

–

Если ты не выйдешь, я себя зарежу...

Потом послышались крики и Лера поняла: что-то произошло. Распахнула дверь и перед ней предстала картина: Тельман, из руки которого сочилась кровь, и стена, еще совсем недавно будучи белоснежной, с красными разводами на ней. Белоснежной рубаха Тельмана тоже уже была в прошлом.

У Тельмана нехорошо горели глаза. Парень пытался перевязать сочившийся кровью глубокий порез, но герой проис-

шестивия отказывался, размахивал раненной рукой, и красный цвет продолжал покрывать стены коридора, пол, мебель...

—

Мы только ремонт сделали, — медленно произнесла ошарашенная хозяйка.

«Вот стыд, — подумала Лера. — И зачем я согласилась пойти с ним? Ведь не хотела...»

—

Пойдем поговорим, — настаивал Тельман. Рука его уже была перевязана, но кровь успела пропитать бинт.

—

Лера, родная..., — начал он, когда они удалились в комнату. — Давай присядем. Мне надо очень много тебе сказать... Я знаю, ты думаешь, что я взял эти деньги... Но я клянусь своими детьми, я не копейки не взял. Ты, наверное, думаешь, что я неудачник, но это не так. И я это тебе докажу!

—

Тельман, не надо ничего доказывать, я тебя прошу. Давай просто соберемся и уйдем домой. Мне так неудобно за весь этот спектакль перед ребятами...

—

Лера, я тебя очень люблю...

, — прервал ее Тельман. Глаза его наполнились слезами. — Ты даже не представляешь, как...

—

Я тебя тоже люблю, – ответила Лера. Ей хотелось побыстрее прекратить эти пьяные излияния в чужой квартире и оказаться дома. Тельман, не смотря на слезы, производил сейчас впечатление непредсказуемого человека.

–

Нет, ты не понимаешь, – продолжал он нести весь этот бред человека, не управляющего собой, своей речью, эмоциями...

«Может он на наркотики подсел, – вдруг осенило Леру. – Точно, его поведение было каким-то странным еще дома: неестественный блеск глаз, быстрая речь. Вот наркотики и алкоголь дали такой эффект. Быстрее домой и спать, спать... Пусть закончится этот бред!»

Но тут в глазах Тельмана появился нехороший огонек и он вскочил с колен:

–

Да ты не слушаешь меня! Я тебя больше жизни люблю, я не хочу, чтобы ты досталась кому-то еще...

Он опять кричал, плакал... Лера встала с дивана и направилась к двери. И тут произошло совершенно непредвиденное: она ничего не успела понять – неожиданный удар в глаз ошарашил ее. Впервые в жизни она ощутила, что значит «посыпались искры из глаз». Воздействие алкоголя вперемежку с наркотиками для каждого индивидуально. В данном случае это и агрессия, и жалость к себе, и... неведомо что творилось внутри этого человека. Лера схватилась за глаз.

«Синяк будет», – подумала она.

–

Прости, прости, родная, сам не знаю, что творю... Прости, любимая!

–

Я ухожу, – сказала Лера. – Мне завтра рано вставать. Хочешь – оставайся здесь, я не думаю, что тебе стоит ехать со мной. Отоспишься – приедешь.

Она вышла в коридор, попросила лед, приложила к болевшему глазу. Вот зараза, как специально метил, а завтра такой важный день! Бизнесвумэн придет с фингалом расселять коммунальщиков... Стыд какой!

Но Тельман не остался, да и не особо хотели оставлять его у себя и без того пострадавшие хозяева. Парень вызвался проводить их домой, во избежание инцидентов в машине. Но и дома Тельман пытался что-то говорить, доказывать.

Закончилось все битьем бокалов, переданных Лере по наследству. Бабушка привезла их из Риги, когда Прибалтика еще входила в СССР. Она любила эти бокалы, они напоминали ей о детстве.. Изредка, в основном по праздникам, приходя с родителями к бабушке домой, она рассматривала в старинной горке всякую всячину. Среди них и стояли эти пузатые, из матового стекла, с желтым ободком, необычные бокалы. Потом они благополучно пропутешествовали на Запад Украины, а затем уже в Москву, вместе с остальным Лериным приданым. Она не пользовалась ими – у нее была более

модная по тем временам посуда, но они служили живым напоминанием о семейных праздниках, отмечаемых в маленькой комнате бабушкиной одесской коммуналки, в которой она прожила всю свою долгую жизнь.

—

Ах ты, скотина, – тут уж Лера не выдержала и за весь вечер выпустила пары. – Да кто ты такой в этом доме, чтобы еще посуду бить? Что ты вообще внес в этот дом, ты хоть одну тарелку, один стакан приобрел?

Да ты только разрушать умеешь ... Что ты вообще по жизни умеешь? Грабить, людей избивать, приковывать наручниками, наводить грабителей

на дом, в котором живешь? Что ты умеешь делать в этой жизни? Детей чужим женщинам делать и не нести ответственность за них по жизни? Кто ты вообще? Животное!

На этом вечер закончился. Герой представления сразу присмирел и взгляд его потух. Пол-ночи прошло в разборках. Наутро Лера первым делом побежала в ванную, осмотреть вчерашний побой. Вокруг глаза голубело. Не сильно, но заметно. Замазав синеву тональным кремом и оставшись довольна результатом, она выскочила из квартиры, не разбудив Тельмана, мирно сопевшего на диване.

Договор был подписан всеми сторонами, деньги положены в ячейку. Сделка состоялась. Переезд был назначен на середину декабря.

Придя домой, Лера обнаружила Тельмана на диване, с га-

зетой. Как будто и не было вчерашней ситуации. Прежний Тельман, каким она его полюбила и любила все это время. Он не помнил ничего со вчерашнего вечера: откуда бинт на руке, почему так болит конечность, откуда на нем новая футболка. Тем более он не помнил, что ударил Леру и с каким трудом был транспортирован домой.

Синяк под глазом и битые бабушкины бокалы вообще не в счет. Он не помнил ни одной минуты из тех нескольких часов Лериного вчерашнего позора. Только говорил на одной ноте:

–

Я не мог тебя ударить, я не мог позволить себе этого...

–

Я сама натолнулась на твой кулак, ага... – отвечала Лера.

Настроение у нее было хорошим, не смотря на вчерашнее. Новая квартира была ее. И ничего, что предстоял нелегкий переезд и Новый год придется встречать в обшарпанных стенах среди висящих проводов и пластов отслаивающегося старого линолеума на полу – все это пустяки. Дело времени. Главное – она на пути к основной цели: забрать Мишку и больше никогда не отдавать его свекрам.

Только вот Тельмана она не видела рядом с собой в новой квартире. Не хотела видеть.

Завершилось все гораздо быстрее, чем Лера могла предположить. Вечером, в одну из суббот того же депрессивного

ноября, во время просмотра какого-то мультфильма с Мишкой, появился Тельман и стал складывать свои вещи в спортивную сумку.

—

Мне надо это сделать, больше так не может продолжаться, — ответил он на ее недоуменный взгляд.

—

Почему? — она сама не понимала, действительно ли хочет знать «почему» или спросила просто для проформы.

—

Надо разобраться в себе. Я понимаю, что мучаю тебя, доставляю неудобства. Знаю, что сама ты мне этого не скажешь. Я перестал себя уважать: никогда в жизни не поднимал руку на женщину — вот до чего докатился. Не просто женщину, а любимую женщину. Я простить себе не могу этого. Я вернусь. Обязательно. Только другим человеком. С работой нормальной, быть может. Не могу себе позволить, чтобы ты видела меня таким опустившимся...

—

Ты не опустившийся, — произнесла Лера. Она не была готова к такому повороту событий и не знала, что сказать. Она не хотела от себя его отпускать. Не сейчас. Не так... Когда-нибудь. Но не сейчас. Слишком неожиданно. Ее проблема была в постоянстве. Любая неожиданность выбивала из колеи.

Тельман быстро наполнял небольшую черную сумку. У Леры на глаза навернулись слезы: неужели это все? И его никогда не будет рядом, рука не коснется ее волос, она никогда не почувствует его бархатный взгляд на себе, прикосновение его тела к своему, не услышит его красивый голос... Нет, невозможно! Надо остановить!

—

Пожалуйста, останься! Я не хочу, чтобы ты уходил!

—

Лера, поверь, я делаю лучше в первую очередь для тебя. Если бы я тебя не любил – мне было бы все равно, я бы остался и продолжал причинять тебе боль, а так... Мне слишком больно видеть и знать, что я являюсь источником твоих бед.

—

Если ты сейчас уйдешь, – достала Лера козырную карту, – я тебя больше не приму.

—

Родная, я не уйду. Я даже часть вещей оставлю. С твоего позволения, конечно. Я буду жить у друзей. Все это временно. Поверь мне. У меня большие проблемы и я не хочу тебя связывать в них. Ты многого не знаешь. Прости меня за все! Я позвоню, когда все образуется.

Дверь закрылась. Лера села на диван и тупо уставилась в стену. Мишка деликатно молчал и делал вид, что смотрит телевизор. А может действительно, дети в этом возрасте не слишком придают значение разговорам взрослых ... Она

чувствовала себя покинутой, осиротевшей, ненужной. Так быстро заочилась эта сказка. Так неожиданно. И сейчас совсем не думалось о том, что в последнее время эта сказка стала обретать рамки фильма ужасов... Нет, не думалось. Она ощущала абсолютную пустоту тела, мыслей, эмоций. Как будто у нее изъяли что-то главное изнутри. Без чего ты просто существуешь... Она не представляла, как будет с этим жить. Вокруг, не смотря на приятный теплый свет, исходивший от торшера, для нее все было окрашно серым.

Маленький мальчик дотронулся до руки матери, спрашивая о чем-то. Лера только сейчас сообразила, что она дома не одна. Мишка... Самое родное на свете. Почему она сейчас о нем не думает – ведь суббота, их совместный день. Она пыталась себя заставить что-то говорить, но это было выше ее сил: его внезапный уход сбил ее, такую сильную, с ног одним ударом.

Как говорят в народе: «с этим надо переспать». Утром все окрасилось немного иным цветом: как будто уехал домой и скоро приедет. Она открыла шкаф-купе, где оставались его вещи. Перебирала рукой рубашки, в основном белые – он любит белые сорочки, как же они ему идут! Галстуки... Пара пиджаков. По крайней мере, сохранившийся запах его одежды поможет ей пережить какое-то время без него. А потом – время лечит. Она чувствовала, что вместе они уже не будут. Она переедет, а в новой квартире будет и новая жизнь. Любовь ее к нему останется здесь, в этой двухкомнатной хру-

щевке, «коробке» на востоке Москвы. Все началось здесь, здесь же и закончится. Нет ему места в ее новой жизни.

Хлопоты закурили ее. Переезд, новогодняя суета, работу никто не отменял. Приехала мама, Лера забрала Мишку от свекров на длительные зимние каникулы. И все было просто замечательно.

Энергия била из Леры ключом. Она решила не откладывать ремонт в дальний ящик – возвращаться в квартиру в таком состоянии было неприятно. В день переезда она с ужасом обнаружила с десяток огромных дохлых тараканов на кухне – по всей видимости, жильцы решили организовать генеральную травлю перед своим выездом: чтобы новая хозяйка не дала задний ход, обнаружив незваных квартирантов. Лера и не видела до этого таких огромных – так, прусачков маленьких только...

Ею были просмотрены несколько бригад строителей и выбрана одна, которая должна была приступить к работе сразу после Нового года.. «Нелегко женщине одной заниматься ремонтом, но что поделать? Придется побороться!» – размышляла Лера после разговора со строителями и хитрого прищуря глаза бригадира, когда он услышал, что она одинока.

О Тельмане она как-то и не думала – времени на раздумья не было. Только его вещи, наспех запихнутые в какой-то пакет во время переезда, могли напомнить о нем. Если бы она их развесила... Но она так и оставила их лежать в пакете на дне шкафа-купе. Не как воспоминание о нем, а как ненуж-

ный хлам, который не заберут так выбросит. Как выбросила его из своей жизни. Она знала, что они уже не будут вместе никогда. Назад дороги нет. Если она его вычеркнула из своей жизни – тяжело, никто не спорит, – назад его не впустит. Прошрое не вернуть, – она очень любила повторять это, – надо жить настоящим и смотреть в будущее.

Совсем не вспоминать о нем не получалось. Каждый раз кто-то из офиса напоминал ей своими вопросами: ну как, ну что, не дает о себе знать? Нет, не давал. Вот уже полтора месяца.

В канун Нового года, как обычно, велись какие-то приготовления на кухне, тараканы из которой действительно исчезли, новогодние передачи создавали соответствующее праздничное настроение.

–

Тебя к телефону, – позвала мама.

–

Кто?

–

Мужчина какой-то.

–

Привет, Леруня, – прозвучал красивый, до боли родной, голос. – С наступающим!

–

Привет! – не то, чтобы она не ждала его звонка – ведь знала, что рано или поздно он обязательно появится. Прислу-

шлась к себе: рада? Чувства были смешанными.

–

Не ждала? Поздравляю с переездом, с новой квартирой! – голос улыбался и существенно отличался от того, который звучал в последний раз, когда он торопливо бросал вещи в сумку. В старой квартире, в старой жизни.

–

Спасибо... Откуда у тебя мой телефон?

–

Достаточно было иметь старый, чтобы получить новый.

–

Понятно, – отозвалась она.

Лера не знала, что говорить, о чем спрашивать. Она его уже не видела рядом с собой, просто вычеркнула, хотя по-прежнему, чего скрывать, какие-то чувства оставались, сердечко порхало. Раньше можно было спросить: когда приедешь? Сейчас она его не ждала. У нее была новая жизнь, новые планы и, не смотря на отсутствие мужчины, она не хотела его видеть рядом с собой. Табу.

–

У тебя, как я вижу, все хорошо, – говорил Тельман. – Я сейчас дома, решил немного побыть с семьей. О тебе думаю постоянно. Скучаю. Люблю тебя. С Новым годом!

–

С Новым годом, – отозвалась Лера и положила трубку. Сразу же перезвонила на старую квартиру.

–

Пожалуйста, не давайте мой новый телефон никому, кто будет спрашивать. Кому надо я сама сообщу, – попросила она новых владельцев.

–

Хорошо. Но никто и не спрашивал, кроме одного молодого человека. А он так просил, так просил... Больше никому не дадим, – пообещали они.

Новый год встретили втроем. Не считая кота. Под бой курантов, сидя на любимом французском диване, который совсем не вписывался в интерьер обшарпанных стен, рам с потрескавшейся краской и отслаивающихся кусков линолеума. Лера, поднимая бокал шампанского, загадывала: чтобы все задуманное получилось!

«Еще год назад я была так счастлива с Тельманом, готовила изысканный ужин, а потом мы всю ночь занимались любовью, даже телевизор не включали. – предавалась она воспоминаниям после того, как опасные пузырьки сделали свое хитрое дело. – Всему есть предел. Все, собственно говоря, было неплохо до тех пор, пока он не сообщил о заболевании. После пошло наперекосяк. И сразу, наверное, надо было расстаться. И не было бы краж, милиций и всего остального. Но нет, как мазохистка, я продолжала доставлять себе боль и получать от этого удовольствие. Все. Хватит! А если он захочет опять все вернуть? Я не захочу», – уверенно от-

ветила сама себе Лера и поставила жирную точку.

Глава 5.

Дни плавно переходили в недели, недели в месяцы... Ремонт сдвинулся со своей мертвой точки, но шел не так быстро, как хотелось бы. Строители не торопились, Лера же продолжала жить в этой квартире – у нее не было другого выхода. Она закрыла для себя одну комнату, в которой было спрятано самое ценное и в которой она оставляла на день запертого кота. Вечером, когда строители удалялись, кот выпускался на свободу – погулять по квартире. Лера тоже «гуляла» по ее новому жилью и не видела ни конца, ни края этому ремонту. Два выходных с Мишкой тоже уже не особо радовали: в субботу строители продолжали свою работу и с самого начала Лера поняла, что лучше им с ребенком организовать свой досуг так, чтобы возвращаться домой вечером. Были исхожены все проводимые в Москве выставки, пересмотрены все детские спектакли в театрах...

Раз в неделю, как на работу, Лера ездила на строительный рынок. Сначала с рабочими, за основными большими закупками, а потом и одна. По мелочевке. Не занимаясь до этого ремонтом, Лера ничего не знала ни о существующих материалах, ни о ценах. Сейчас же она была почти профессионалом в этой области... Что уж говорить и об аппетитах, растущих по мере того, как она увидела, какие сейчас можно купить материалы. Так была куплена совершенно непла-

нируемая джакузи, сногшибательный зеркальный «мойдодыр» с многочисленными полочками, мраморной поверхностью и панелью с точечными лампочками, кидающему мягкий свет на огромное зеркало, и кафель – самый дорогой, самый модный, какой только появился на рынке. «Если делать, то делать», – решила Лера. Обои поменять легко, мебель новую купить, а вот плитку положить – это уже надолго.

–

Хозяйка, мы так не договаривались, – сразу же выступил с речью бригадир. – Говорилось, что материалы будут одни, а теперь все изменилось.

–

А что, стоимость работы зависит от качества и цены материалов? Это что-то новое... Вам не все равно, какую плитку класть? За 10 рублей или за 100 долларов? Я же не прошу планировку квартиры изменить!

–

С дорогой плиткой больше возни, – уже под нос стал бубнить себе бригадир. – Да и ответственности больше, если побьем.

–

Ага, значит дешевую можно бить без зазрения совести, – сказала Лера. Бригадиру было нечего ответить.

Так проходили будни. Утром, выходя из дома на улицу, на дневной свет, Лера первым делом отряхивала свою одежду от ремотной пыли, успевшей осесть на ее одежде за время

прохождения из комнаты до входной двери. В офисе работы было много и она только радовалась этому – не было времени на раздумья. Вечером она старалась как можно дольше оттянуть момент возвращения домой, чтобы не встретиться со строителями.

Иногда Светка приглашала пойти куда-нибудь с новым кавалером и его другом, но друзья были все так себе. Периодически, очень редко, появлялся на горизонте Игорь. Первым делом войдя в Лерину новую квартиру с только что разрушенной стеной между ванной и туалетом, он присвистнул:

–

Ну ты и затеяла, Малыш! Долго тебе придется ждать, пока они закончат. Знаешь, как одной нелегко с работягами дело иметь? Они всячески будут оттягивать сроки и просто сядут тебе на шею. Чего ты мне не сказала? У меня ведь есть бригада, которая мою квартиру ремонтировала.

–

Поздно уже. Где ты раньше был? Ничего, справлюсь, – ответила Лера.

Она не любила просить. Отношения отношениями, а остальное врозь. Вот еще!

Ближе к концу января бригадир спросил Леру, сможет ли она где-нибудь пожить недельки две.

–

Для Вашего же удобства. Мы будем ванную комнату делать и Вы не сможете пользоваться ею, – объяснил он.

Были взяты путевки в Египет на две недели, захватывающие два дня рождения: ее и Мишки. «Оздоровить немного ребенка, – радовалась Лера. – да и самой тоже отдохнуть от зимы. Я заслужила это, в конце концов.»

–

Прошу только об одном, – попросила она бригадира. – Чтобы к моему приезду ванная комната была готова. Полностью.

–

Да-да, обязательно, хозяйка, – клятвенно заверил бригадир.

Отдых проходил бы прекрасно, если бы не навязчивый египетский партнер, который имел на Леру виды еще в прошлый ее приезд. Он был из богатой семьи врачей, владел несколькими ресторанами и в прошлый раз не переставлял удивлять приятными знаками внимания. Но тогда их встреча должна была состояться по работе – Сергей попросил завезти документы и посмотреть офис. А вот кто сообщил ему об ее нынешнем туре? Лера не уставала поражаться навязчивости этого мужчины – другой бы уже давно все понял и отвалил. Но Нисар появлялся в ее гостинице с завидным постоянством каждый вечер после ужина. Чашечка кофе и пачка сигарет на столике в баре – он выбирал всегда такое место, чтобы она не могла пройти мимо незамеченной.

–

Я приехала сюда ради ребенка и не собираюсь оставлять

его, – с самого начала дала Лера отпор незадачливому арабу.

–

Но ведь есть ночь... – загадочно предположил он, посверкивая очкам в тонкой оправе.

Да, вот мне больше делать нечего, только на ночь сбегать к тебе, – думала Лера. Интересно, все мужчины такие слепые или только те, которые стремятся всеми силами покорить женщину и не хотят ничего видеть.

–

Ночью Мишка просыпается часто и может испугаться, если не увидит меня рядом, – соврала Лера.

В первый же вечер – это был день рождения ребенка – он повел его на игровые автоматы. На следующий день позвонил сообщить, что забронировал тур в Каир для них, – как чувствовал, что Лера не любила быть должной. И продолжал приходить в гостиницу каждый вечер. Длилось это до тех пор, пока незадачливый кавалер не увидел достойного соперника, которому Лера искренне улыбалась своей голливудской улыбкой.

А соперник появился совершенно неожиданно. Лера и до этого обратила внимание на двух братьев-«качков» бандитского вида, периодически возникающих на горизонте. Она еще в Москве, в Шереметьево, заметила их – они вылетали одним рейсом. Уж очень колоритные личности. Более того, мужчины, приехавшие на отдых без жен, всегда пользуются интересом у одиноких женщин, проживающих тут же, в го-

стинице.. И если в течение дня народ как-то рассасывался по экскурсиям-пляжам, то вечером все дороги вели в один ресторан по системе «все включено», где, хочешь ты этого или нет, встречаешь одни и те же лица. Учитывая комплекцию братьев, ели они много и долго. Отпуская комплименты и улыбки всем более-менее симпатичным одиноким русским женщинам...

В этот вечер Мишка выразил желание поиграть в бильярд, столы для которого располагались при выходе из ресторана.

–

Я не особо по бильярду, – оправдывалась Лера, беря в руки кий.

Ударив пару раз, она обратила внимание на одного из братьев, внимательно следящего за ней.

–

Поиграем? – предложил он.

–

А вот и достойная партия моему сыну, – пошутила Лера, отдавая здоровяку кий.

–

С удовольствием составлю компанию маленькому джентлемену, – открыто улыбнулся качок. Улыбка у него оказалась приятной и даже немного застенчивой.

Он с легкостью играл в бильярд. Мишка, высунув язычок от старания, тоже пытался соответствовать. Пока ребенок принаравливался, как лучше ударить по шару, Николай, как

звали качка, успевал подойти к столику, за которым устроилась Лера, и переброситься парой-тройкой фраз. Ничего не значащих фраз, которыми обычно обмениваются люди, случайно оказавшиеся в одно и то же время в определенном месте, благодаря ребенку. И с таким же успехом разойдутся после, кивая с улыбкой при встрече друг другу в оставшиеся дни отдыха.

–

Смотри, как твое мнение важно для него, – глядя на ребенка, забившего шар в лузу, заметил Николай. – Все, что он делает – делает для тебя.

–

Да, это правда, – Лера давно это знала. Мишка, забив шар, с гордостью глядел на мать: смотри, мол!

–

Маленький мужичок! – с нежностью смотрела она на сына, слезы счастья выступили на глазах. Она так любила его, так гордилась.

Была доиграна партия, еще одна – видно было, что Николай любит детей: он с удовольствием общался «на равных» с Мишкой, подыгрывал ему... А может, он просто оттягивал время, чтобы подольше пообщаться с его мамой.

Как бы то ни было, после нескольких партий, он спросил:

–

Мы можем с тобой продолжить знакомство, после того как

ты уложишь ребенка спать? Я тебя буду ждать здесь же.

—

Хорошо, — кротко ответила Лера. Ей нравились такие мужчины, как Николай: крутой с виду, но в общении простой и веселый.

И конкретный. Ничего лишнего. Без выпендрежа.

Они сидели за маленьким круглым столиком здесь же, возле бильярдных столов, но уже без Мишки. Пили какой-то коктейль, Лера хохотала над шутками Николая и ей было просто хорошо. Впервые за долгое время она расслабилась.

Она наблюдала за новым знакомым и он ей нравился все больше. Простое русское лицо с голубыми глазами, крупным носом, тонким ртом и ежиком светлых волос. Озорные лучики светились в его глазах, когда он рассказывал что-то смешное. Смеялся он тоже широко, открыто, как, наверное, делал все в своей жизни. На полную катушку. Большой, добрый, он излучал волну надежности и неприкосновенности. И вызывал полное и безоговорочное доверие к себе.

Жизнь делает нас такими, — думала Лера, следя за ходом его рассказа, — только пройдя определенные этапы, порой очень тяжелые, она лепит из таких незатейливых лиц, данных при рождении, что-то очень интересное. Харизма, как стало модным называть такое качество.

Человек прошел очень много и добился всего путем своих же ошибок. И проб, — вот что можно было сказать о Николае. Он рассказывал о том, что приехал в Египет из дале-

кой Рязани с братом только для того, чтобы составить тому компанию.

—

Вот где он сейчас? Я же его не вижу даже, — говорил он, а морщинки возле глаз улыбались. — У нас разные режимы. Приходит под утро, я сплю. Потом спит он после бурной ночи. Перетрахал пол-отеля уже... Зачем он меня взял?

Николай являлся владельцем нескольких колбасных заводов близ Рязани, после развода жил один, построив себе дом вдали от глаз человеческих. В лесах. Много путешествовал.

—

Мне не так давно гипс сняли

— на лыжах

покатались, в Астрии, — показал он на свою ногу, на которую заметно хромал. — Неправильно срослось, ломали опять. В весе прибавил, двигался мало...

Николай много рассказывал, не забывая задавать Лере наводящие вопросы и об ее жизни.

И тут, краем глаза, она заметила араба, изумленно глядящего на нее. Нисар не был дураком и увиденное сразу поставило все на свои места. Он сразу все понял. Бокал на столе, горящие Лерины глаза и Мишки рядом нет. Больше он не докучал ей никогда.

Николай уезжал через день — он, в отличие от Леры, приехал всего на неделю.

—

Какой я дурак, что сразу не подошел к тебе, – корил он себя. – А ведь заметил тебя буквально в первый день. Подумал, с ребенком отдыхает, наверное замужем. Куда я полезу?

Весь следующий день он старался быть в поле зрения Леры – на пляже выбрал лежак рядом, в ресторане подсаживался за их стол. А Лера была и не против, совсем даже наоборот. И настойчивость Николая была вылеплена совсем из другого теста, чем назойливость араба. Вечером, уложив спать Мишку, она опять пошла на свидание. Все прошло замечательно. Они общались так, как будто знакомы были очень давно, а не всего одни сутки. Ей было с ним комфортно. Создавалось впечатление, что у него не может быть проблем – просто по определению, а если и могут, то решаются они в доли секунды.

Уже прощаясь, на лестнице, Николай, грустно глядя на Леру, произнес:

–

Давно у меня не было такого чувства. Я, зная тебя всего день, еще не расставшись, уже испытываю грусть. Странно, не думал, что еще способен чувствовать подобное. Я даже не решаюсь пригласить тебя в номер... чтобы все не испортить.

–

Думаю, это лишнее, – ответила Лера, улыбаясь. – Давай оставим этот запах легкой грусти, а потом, по приезду домой, посмотрим что останется.

В день Лериного рождения в ее номере зазвонил телефон.

«Неужели опять Нисар? – промелькнуло в голове. – Вот не уgomонится никак». Но трубку взяла.

–

С днем рождения, красавица! – услышала она голос Николая.

Вот это был сюрприз! И запомнил ведь вскользь оброненную ею дату... Она очень ценила такие вот неожиданности.

–

Ты откуда? – первой была мысль, что он и не улетел никуда: нелегко было дозвониться в Египет.

–

Из Рязани, откуда еще? Знаешь, а я уже успел соскучиться. Приезжай скорей! Буду ждать!

Пожелания и короткие гудки – как будто и не было этого звонка. Лера поняла, что общение с Николаем не было просто приключением на курорте.

Так бывает очень часто: люди общаются во время путешествия, иногда даже вспыхивает скоротечный роман, обмениваются номерами телефона, по приезду домой позвонят разок (а то и вообще не позвонят) и теряются из вида. Курортный роман – так это называется.

Тут и романа-то не было, еще и Рязань: не ближний свет, – думала Лера, когда они познакомились. По всей видимости, Николай не относился к таким людям.

Москва-Шереметьево встретила угрюмыми бледными лицами таможенников – Лере даже неудобно стало за ее не в

меру шоколадный загар. Светка приехала с большим букетом цветов в честь прошедшего дня рождения, и новым знакомым впридачу. Глыбы оттаявшее – замерзшего снега, попережку с грязью и льдом, производили странное впечатление после двухнедельного отсутствия. Под последние хиты российской эстрады и шутки-прибаутки, быстро доехали до дома. Выходя из машины, Лера заметила под деревом, в темноте, бригадира. Он стоял с видом побитой собаки.

«Что-то случилось!» – в ужасе подумала Лера.

–

Хозяйка, я вот жду вас, чтобы ключ отдать. Замок сломался, мы заменили на новый. Завтра увидимся, – протянул он ей кусочек металла и поспешно удалился.

–

Ребята, зайдите хоть на минутку, – пригласила Лера. – ничего не обещаю, но чаем напою.

Ей меньше всего хотелось сейчас, не зная, что происходит в ее ремонтируемой квартире после двух недель отсутствия, принимать гостей в ночи. Но они ехали за ней в аэропорт, ждали, везли в другой конец Москвы...

В квартире практически ничего не изменилось. Будучи на отдыхе, Лера наивно полагала, что за две недели много что может поменяться. Ее воображение сыграло с ней злую шутку и от этого еще обидней было видеть, что все, что сделали за две недели работники: облицевали плиткой ванную, перенесли газовую колонку из кухни, установили новый подвес-

ной потолок с точечными лампочками и поставили мойдодыр с унитазом. На месте джакузи не было ничего. Пустое место с торчащей трубой. А где принять душ, помыть голову после дороги, – ведь завтра на работу! Увы, их это не волновало. Лера сразу поняла причину затравленного взгляда бригадира: знала кошка...

Она вспомнила слова Игоря, предупреждающего о «расторопности» работяг.

Чай попить так и не удалось – в кухне присутствовал его величество бардак.

–

Да ладно, Лерунь, не расстраивайся, – вернул ее к действительности Светкин голос. – Попьем еще чайку! Мы поехали, увидимся завтра! Празднуем?

–

Да, конечно, как договаривались! Спасибо, ребята! – еще раз поблагодарила она их.

Дверь закрылась. Какой перепад, – думала Лера. Сегодня еще было так хорошо: море, тепло, вокруг все цветет, уютный отель, вкусная еда, полная obsлуга. Всего каких-то четыре часа и такая разница – грязно-серая Москва, квартира, в которой не знаешь к чему прикоснуться, чтобы не запачкаться. Когда живешь изо дня в день – как-то привыкаешь и приспособливаешься к таким неудобствам, но после длительного отсутствия и комфорта как-то все не с руки... Даже чай не заварить. Завтра день рождения праздновать в офисе

– будет много людей, сотрудники, друзья. Надо быть на высоте, а тут даже голову не помыть... Просила ведь этого идиота – установите ванную обязательно! Да, хозяйка, да, будет сделано... Где мне сейчас, в раковине на кухне мыться? Все у меня не как у людей – затеяла ремонт, одновременно проживая здесь же.

«Будет день, будет пища, – рассуждала Лера, отбрасывая негативные эмоции и раскрывая свою французскую раскладушку. – Завтра все будет по-другому: Мишку отвезу к родителям мужа – давно уже каникулы закончились, приберусь, продукты куплю, а бригадиру выпишу по первое число. Он у меня попляшет еще! Ну, а день рождения – благо волосы красивые, можно и не мыть, подколю по бокам.»

–

А сейчас, на сон грядущий, посмотрим-ка мы с тобой видеозапись наших приключений во время сафари в пустыне, что у нас там получилось? – сказала она ребенку, вставляя кассету в видеомагнитофон.

Что-то щелкнуло и электричество вырубилось. До прихода строителей...

И потекли слезы, удерживаемые весь вечер и выпущенные на волю из красивых ее зеленых глаз. Слишком много событий для одного дня. Даже для такой сильной женщины.

Следующий день внес ясность. Бригада, оказывается, долго не могла получить разрешение на перенос колонки – из-за этого и произошла задержка в графике.

–

Хозяйка, сейчас все пойдет гораздо быстрее, – заверил ее бригадир. – Вот джакузи поставим и начнем плитку в коридоре класть.

У Леры не было другого выхода, как поверить им: а что оставалось делать? Не нанимать же других людей посреди процесса.

Празднование дня рождения прошло прекрасно – много цветов, подарков. На всех фотографиях глаза Леры, как звезды, блестели на фоне коричневого лица – загар всегда шел ей.

А потом она заболела. Тяжелый грипп сбил с ног внезапно. Благо, успела отвезти в выходной Мишку. По пути назад уже почувствовала, как резко растет температура. Как прошли несколько следующих дней, помнила с трудом. Отнеся чайник к себе в комнату, она доползала до него, чтобы включить кнопку, пила и забывалась. Периодически выходя в туалет, держась за стенку, чтобы не упасть, она, как сквозь сон, видела лица строителей, кладущих кафель в коридоре. Плитку в виде греческой мозаики она подбирала очень долго. Рисунок складывался из четырех разных кусков и, оплачивая дорогую покупку, она предвкушала красоту, которую будут видеть входящие: прихожая – своего рода лицо квартиры. Но сейчас ей было все равно... Хотелось только спать.

Звонили друзья, предлагали что-то привезти... Она отказывалась и опять забывалась сном. От Сергея приехал охран-

ник, завез мед-лимоны и все полагающееся в случае гриппа. А строители все клали плитку...

В один из дней, когда столбик термометра от нормальной отметки пополз уже не вверх, а вниз – из-за полного отсутствия сил-, позвонил Николай. Сказал, что он в Москве и хотел бы увидеться. Лера объяснила, что больна и ее вид оставляет желать лучшего после нескольких дней в постели. Он настоятельно попросил адрес, чтобы навестить ее, пообещав, что не задержит надолго. Таким как Николай трудно было отказать.

–

Валерия, там мужчина. Сказал, к Вам... – постучал в дверь Лериной комнаты бригадир через некоторое время. В лице его сквозило знакомое выражение : смесь страха с подбострастием. Квадратная личность, нарисовавшаяся в дверном проеме, среди обычного населения, как правило, вызывала именно эти эмоции.

–

Да, я знаю. Впустите его!

Стремительно вошел Николай в комнату, где Лера уже успела собрать свою французскую раскладушку и сидела на вполне приличном диване. Вернее, первым в двери возник огромный букет, а уж потом сам Николай – улыбающийся, энергичный. Внеся ауру тепла и солнца в этот серый, снежный, ничем не примечательный мартовский день.

–

Тебе, с Днем Рождения. Прошедшим! – протянул он цветы и поцеловал ее.

–
А я вот, так неприглядно... Присаживайся!

–
Да нормально, чего ты – грипп такой сейчас буйствует везде, – Николай опустился в кресло, полностью заполнив его собой. – Смотри, погода какая. То оттепель, то опять мороз. Сегодня, вот, метет. Как не заболеть? А ты приехала, расслабилась, можно сказать, на югах, а он тебя здесь и подждал. Он посидел минут пять и стал собираться.

–
Надо ехать, дорога дальняя, снег обещают целый день. Хоть машина и хорошая, а в деревне мы, сама знаешь. Ну выздоравливай! Думаю, в следующий раз увидимся в более подходящий момент.

–
Спасибо, что заехал, – поблагодарила она.

–
Не заехал, заметь, – поправил он, обернувшись уже на выходе, – а специально приехал – он сделал ударение на слове «приехал» – из Рязани, чтобы навестить тебя. У меня не было дел в Москве...

Лера смотрела в окно. Николай уверенным шагом направлялся к своему Джипу, на который медленно оседали снежинки. Посмотрел наверх, как будто уже неоднократно де-

лал это ранее, помахал рукой, уверенно сел в машину и уехал. Как же приятно, черт побери, когда ради тебя специально едут по заснеженным дорогам и тратят целый день, чтобы навестить...

Следующая встреча их состоялась, когда снега растаяли и весна заполонила Москву. Николай звонил периодически, но постоянно что-то мешало им увидеться. Лера понимала, что сегодняшний день явится своего рода лакмусовой бумажкой – либо отношения прекратятся, либо войдут совсем в иное русло. Как карта ляжет. Или не карта...

На сей раз он приехал на Мерседесе-седан голубого цвета. В руках – букет роз.

«Ничего себе, парк машин у него», – подумала Лера.

–

Может пойдем, перекусим где, – предложила Лера. Она только пришла с работы и готовить совсем не входило в ее планы. Тем более, она знала, что в деньгах он не скован.

–

Ну пойдем, – как-то слабо отреагировал кавалер. По всей видимости, его планы не совпадали с ее. – Только недалеко давай.

Они поехали в ближайший, недавно открывшийся, уютный ресторанчик. По лицу Николая Лера поняла, что ему не понравилась ее инициатива. Она, по всей видимости, всегда должна была исходить от него. По определению: Я – мужчина.

А дома он и вовсе поразил Леру каким-то, непонятно вдруг откуда появившимся, мужланством. И ему ясно для чего встретились, не маленькие. Но можно тоже как-то красиво подойти к этому. Ведь в первый раз...

Вместо волшебных слов, которых ждет каждая женщина, Николай просто сказал:

—

Ну что, пойдём спать? Постелишь?

Лера удивилась такой прямоте (прозу жизни она ожидала меньше всего после его красивых жестов с цветами и звонками), но стелить пошла. Французская раскладушка уже перекочевала в спальню, куда была помещена и другая мебель из гостиной, сейчас пребывающей в состоянии реконструкции.

А в самой спальне случилось и вовсе невероятное.

—

Вот сто десять килограмм

живого веса, — объявил он с какой-то вымученной улыбкой, лежа

на поскрипывающей от такого веса раскладушке

, — все твои. В твоём распоряжении.

Признаться честно, Лера хотела его. Ещё со встречи в Египте. Но не так...

Она представляла себе, как он сгребет её в охапку своими мощными ручищами, обнимет накачанными ногами и будет любить всю ночь, шепча сладкие слова. А вместо этого... Да за кого он её принимает, за проститутку, что ли? У неё все

и опустилось.

В голове сразу щелкнуло: давно ни с кем не был, боится упасть лицом в грязь... Она попыталась исправить обстановку: расслабилась, села сверху на его мягкую плоть, попыталась возбудить его, но все попытки оказались безуспешными. Лера поняла, что у Николая конкретные проблемы и вряд ли она сможет решить их. По крайней мере, с первого раза. Он тоже пытался и так, и этак... В конечном итоге, ему удалось даже кончить, но все это было сморщено, неправильно и не так, как должно было быть между молодой женщиной и мужчиной средних лет, долго идущими друг к другу. По крайней мере, в представлении Леры.

Окончательно все испортил Николай, когда стал говорить о том, что москвички очень избалованы и ленивы.

—

В Рязани женщины настолько неприхотливы, что сами все делают: и мужчин удовлетворяют, и сами кончают. Ничего делать не приходится. А москвички только и ждут, чтобы за них все сделали, — продолжал вещать Николай.

Лера молча лежала рядом, пытаясь понять: как такое возможно. Галантный кавалер за какой-то час превращается в обычного жлоба, простого мужика. Ей было жаль свою разбившуюся мечту — она уже представляла, как в ближайший выходной отправится в его лесной домик и они будут любить друг друга на шкуре возле камина...

И в этот самый момент, когда он разгагольствовал о роли

женщины в сексе, а Лера была где-то далеко в лесном доме на медвежьей шкуре, зазвонил телефон. Два часа ночи.

—

Номер не определен, — сообщил женский голос из кухни.

Лера прекрасно знала, кто ей может звонить в два часа ночи с неопределившимся номером и, вероятно, если бы сейчас пребывала в эйфории после бурного секса, вряд ли подняла бы трубку.

—

Алло, — произнесла она, не поднимая головы от подушки.

—

Леруня, любимая, привет! — донесся все еще родной голос.

После нескольких фраз Николай встал и вышел в кухню. Они говорили долго. Тельман признавался в любви, а она, испытав нелепое разочарование сейчас, после нескольких месяцев общения с человеком и ожидания совсем другого разворота событий, впитывала его голос в себя. Ей этого сейчас так не хватало... Она вспоминала, как они занимались любовью. Как в нем сочеталось мужество с нежностью, страсть со слабостью. Все было сбалансировано с точностью до миллиметра. Любила я его, вот что главное, — рассуждала Лера.

—

Я квартиру купил, — вдруг сказал Тельман. — Отец денег дал...

И тут ее как кипятком ошпарили. Отец денег дал. До этого не давал, а тут внезапно дал. И никак это не связано с тем, что всего пол-года назад деньги пропали у нее.

—

Поздно уже, я спать хочу, — сказала Лера. — Завтра на работу.

—

Я буду звонить, родная.

Лера вышла на кухню. За столом сидел Николай и пил чай.

—

Мужики какие-то по ночам звонят...— неопределенно сказал он.

—

Пойдем спать, — сказала Лера, не считая нужным оправдываться.

На следующее утро, Николай, выглянув в окно кухни, хозяйски произнес:

—

Здесь бы асфальт положить! Машину могла бы ставить! Чего ты не положишь, ведь недорого..., — по всей видимости, Лера действительно производила впечатление очень крутой.

—

Откуда у одинокой женщины такие деньги..., — произнесла она, добавляя молоко в кофе.

—

Ничего себе – одинокая, – присвистнул Николай. – Один мужик еще в постели лежит, а другой по телефону названивает

пол-ночи.

После этого они не встречались. Лера винила себя в том, что могла бы быть помягче и в тоже время понастырнее, но умом понимала: ничего бы у них не вышло. Она не любила мужланов. Их не переделать. Ну и Тельман здесь сыграл свою роль тоже.

Какие-то кавалеры появлялись и исчезали в ее жизни, но каждый раз Тельман каким-то непонятным образом чувствовал: у нее мужчина в постели. И звонил именно в эту ночь. Хотя до этого мог не появляться очень долго. А Лера просто не брала трубку. Был урок однажды.

Спустя год...

–

Лера, я в Москве, хотел бы увидеть тебя сегодня, – сообщил Тельман, позвонив ей в офис.

–

Так неожиданно..., – она пыталась понять, что чувствует.

Она знала, что рано или поздно они должны увидеться и хотела этой встречи: для того, чтобы окончательно убедиться в том, что ничего в душе по отношению к этому человеку не осталось. Выжженное поле.

В течение этого года она не была одинока... Она была одна, но не одинока, отнюдь. Она никого не любила. Слишком высока была цена за ее любовь.

Порой, в один период времени у нее было два мужчины. И один, неожиданно узнав о другом, был очень оскорблен.

—

Дружочек, но ты же играешь в ту же игру – ты женат! Значит, ты можешь иметь двух, а

быть может и более партнерш для удовольствия и вернуть жену в супружеском ложе, а свободной женщине это не позволено? Не нравится – до свидания.

Она без зазрения совести знакомилась и расставалась. Не сожалея ни о чем и ни о ком... Достойного не было, а проходящие – на то они и проходящие, чтобы проходить, а не задерживаться надолго. Доставляя временное удовольствие.

—

Я сегодня занята немного, мы не могли бы перенести встречу на другой день? – поинтересовалась она.

—

К сожалению, я завтра улетаю и не знаю, когда вернусь, – произнес Тельман.

—

Хорошо, давай сегодня, – согласилась Лера.

Она ждала его в своей новой, недавно пригнанной из Германии, машине у метро Октябрьская. Она специально выбрала место, удобное ей. Достаточно наездила по Москве

в былые времена, в угоду ему...

Народу здесь всегда много, но она заранее предупредила его, какую машину высматривать. Лера заметила знакомый силуэт, вышедший из стеклянной двери и испуганно озирающийся. Метнувшийся куда-то в сторону... Каким же он показался ей жалким.

«И вот это тот, кого я так любила, ради кого сходила с ума, забывала о ребенке... Какая же я дура после этого!» – первым порывом было сорваться с места и уехать. Через какое-то время дверь машины открылась и она увидело знакомое, смущенно улыбающееся, лицо.

–

Привет! Отлично выглядишь! Поздравляю с покупкой новой машиной, – сказал он, усаживаясь рядом и изучая ее, как будто видел впервые.

–

Привет! – ответила она, нажимая на газ и отъезжая. – А ты все бегаешь, как зайчик, от ментов?

–

Задрали уже... Я приехал всего на пару дней и не хочу неприятностей. Они везде.

–

Мне нужно в магазин подъехать обязательно – это недалеко, на Ленинском. У тебя как со временем?

–

Лерунь, весь вечер я свободен, в твоём распоряжении, –

ответил он.

Она лихо вела машину и постоянно ловила на себе его откровенный взгляд, который он даже не удосуживался прятать.

–

Вижу, у тебя все хорошо...

–

Стараюсь... Что у тебя?

Он стал рассказывать, что собирается продолжить учиться, о своих планах, но ей все это было неинтересно. Он ей уже был неинтересен и она знала, что попытается освободиться от него сегодня чем скорее. Она уже все поняла для себя давно, а сегодня лишь утвердилась во мнении.

–

Думаю, тебе лучше остаться в машине, – сказала она, подъехав к мебельному, где изготавливали на заказ кухонный набор. – Я быстро.

После, они поехали на Воробьевы горы – она любила это место. Особенно вечером.

–

Пройдемся? – предложила она, припарковываясь возле обочины.

Они шли в темноте и она пыталась понять: чем же он ее так взял тогда, два года назад? Низкий рост, которого она тогда не замечала, сейчас раздражал ее. Небольшие его ладони, которыми он пытался взять ее руку, тоже. Как я раньше всего

этого не видела? Слепая была, вот уж поистине любовь слепа... Он улыбался ей какой-то заискивающей улыбкой, которой она тоже раньше не придавала значения. И, конечно, он сейчас ничем не напоминал ей ее любимого Аль Пачино, а просто дагестанского мужчину. Неуверенного в себе.

—

Как ты живешь? – спросил он.

—

Как видишь, живу... Что ты хочешь знать конкретно?

—

С кем-то встречаешься?

—

Серьезно нет.. А так, конечно. Жизнь продолжается...

—

Понятно.

—

А я все еще люблю тебя и забыть не могу. Надеюсь, может когда-нибудь что-то у нас получится?

—

Тельман, вряд ли.. Жизнь не стоит на месте, мы становимся другими тоже.

Он остановил ее, повернул к себе и смотрел в ее глаза, отражающие свет фонарей. Он все еще любил ее... Наверное. По крайней мере, в его взгляде читалось похожее чувство. Хотя любовь у каждого разная.

—

Я все понимаю. Что был идиотом, не удержал тебя, такую женщину, доставил тебе неприятности. Но я хочу, чтобы ты знала: никогда, пока я жив, не забуду тебя. Ты всегда можешь положиться на меня...

—

Тельман, не говори ерунду хоть сейчас, — перебила она его. — Положиться как? Где? Где ты был, когда я смотрела квартиру, покупала, ездила с деньгами через всю Москву — благо, Сергей дал человека. Переезжала, стаскивая мебель со второго этажа и заволакивая ее на четвертый без лифта,, Пол-года делала ремонт, воюя с работягами. Благо, в тот период появился человек, который помог мне завершить все дела с ними, а то до сих пор бы жили у меня, как прописанные... Где ты был, когда надо было ехать в Петрозаводск за машиной, которую мне пригнали... Чисто посильная мужская помощь... У тебя семья и она всегда была и будет на первом месте. И Дагестан!

Где ты и где я? Ты понимаешь это? Все кончено. Все кончено было давно и тебе не следовало звонить мне в течение года. Я достаточно натерпелась от тебя за последнее время и я не люблю тебя больше. А сейчас я хочу домой. Извини!

—

Извини ты меня... Я все понимаю. И все равно буду тебя любить.

Лера ехала по вечерней Москве, в салоне автомобиля негромко играла любимая радиостанция. Женщина улыбалась: она полностью очистила душу от ненужных сомнений – тяжелый груз с плеч был снят давно, но в душе оставались какие-то еле заметные осколки, покалывающие иногда при копании в себе... И только сейчас они превратились в обычную пыль. Она была счастлива от того, что приедет в свой уютный дом, поужинает с сыном, обнимет его, желая спокойной ночи... Все размеренно и предсказуемо, но ведь невозможно жить всю жизнь как на вулкане.

«Сколько живет любовь? Страсть? Сумасшедствие? Как это можно было назвать с моей стороны? Все имеет свой срок... Этот человек оказался на моем пути, чтобы вдохнуть в меня новую жизнь после развода – я была действительно счастлива с ним во всех отношениях и признательна ему за то, что смогла повысить самооценку, упавшую после унижений бывшего мужа. Но уроки, которые он преподнес мне были слишком жестокими... Они сделали меня гораздо сильнее, но и вселили недоверие и черствость в душу. По крайней мере, понятие «страсть» для меня исчерпано навсегда – никто никогда не будет впущен ко мне в сердце так глубоко, никто не сможет выбить из-под меня почву. Слишком высока цена этого чувства...»